

Лев Гудков

Человек в неморальном пространстве: К социологии морали в посттоталитарном обществе

Бедная эта страна — ее надо любить .
М. Е. Салтыков-Щедрин

Настоящая статья продолжает анализ проблем, поднятых в рамках проекта «Советский человек»¹. За прошедшие 25 лет многие из первоначальных гипотез и предположений, которыми руководствовалась Рабочая группа проекта, были радикально пересмотрены и отвергнуты. В частности, это касалось одной из базовых посылок, заключавшейся в том, что «советский человек» — это, как писал сам Ю. Левада в 1992 г., «уходящая натура»², что со сменой поколений и вхождением в жизнь молодежи, не знавшей повседневности тоталитаризма, общество изменится, усвоит ценности демократии, свободы и т.п. Через 10 лет, в 2002 году, описывая те перемены общественных настроений, которые сопровождали установление авторитарного режима в постсоветской России, он писал: «Вот почему никакие, сколь угодно обстоятельные, данные о настроениях, ценностях, установках сегодняшних молодых людей не могут приоткрыть картину «за-

втрашнего» общества, если остается неясным, в какие социальные рамки вольются интересы и энергия молодых. Иными словами, дело не столько во взрослении сегодняшних *молодых*, а «во взрослении», формировании институциональной зрелости *общества*. Претенциозно-пошлые лозунги типа «молодежь — наше будущее» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее — это то, что социальные институты и обстоятельства сделают с *бывшими молодыми*. Только в условиях развитого, социально «зрелого» общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают «старческие» воспроизведения той же «подростковой» наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях»³.

В настоящей работе внимание уделяется прежде всего социальным механизмам стерилизации или уничтожения морали как условия поддержания в населении состояния апатии и безразличия, без которых авторитарные режимы, вроде путинского, не могут существовать. Подавляя систематическим образом (с использованием политических технологий и средств пропаганды) потенциал человеческой порядочности, а значит — ценностные основания гражданской солидарности, институты насилия сохраняют возможности своего воспроизводства.

¹ Сам проект был инициирован Ю. А. Левадой в 1989 году и продолжается по настоящее время. Последний замер общественных установок был произведен в августе 2012 года. По итогам первого исследования под его редакцией вышла коллективная монография «Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х». М., Мировой океан, 1993, переведенная на немецкий и французский языки. Левада систематическим образом последовательно описывал этот тип человека, представив результаты своих разработок в серии статей, опубликованных в журнале нашего Центра («Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», с 2003 года — «Вестник общественного мнения»). Эти статьи были им собраны и представлены в виде основных тематических разделов двух его книг: «От мнений — к пониманию» (М., МШПИ, 2000) и «Ищем человека» (М., Новое издательство, 2006).

Название настоящей статьи отсылает к одной из этих работ Левады: Человек в корруптивном пространстве (Ищем человека, с. 233-247).

² Уходящая натура?.. // Знамя. — М., 1992, № 6. с. 201-211.

³ Левада Ю. Заметки к «проблеме поколений» / Ищем человека, с. 43-44.

1. Политика и мораль. К социологической теории морали

Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать. Если сумеем понять, можно строить какие-то предположения о том, что будет дальше.

Ю. Левада

В русском языке слово «мораль» в советское время подверглось такой же девальвации, что и другие этические понятия — добро, грех, благо, вина, совесть и т. п. Убедительнее всего об этом свидетельствовала неудача призывов к общественному «покаянию» в период перестройки, когда вопрос: кто именно должен каяться (и за что конкретно)? — приобрел модальность принуждения к публичному признанию вины при отсутствии самого субъекта раскаяния и неопределенности состава преступления. Что сразу же убило саму идею моральной — субъективной — ответственности и превратилось в словоблудие публицистов. Сам факт гибели и страданий миллионов ни в чем не повинных людей при советской власти не подлежит сомнению и признан абсолютным большинством населения в качестве «политического преступления» (хотя доля таких мнений сокращается с каждым годом). Но ответа на следующий вопрос: кто преступник или преступники? — нет. Жертвы есть, оправдывать «необходимость» или «целесообразность» их какими-либо высшими государственными резонами большинство россиян (как и само руководство страны) уже не осмеливаются, но и признать советское руководство страны «виновником» или дать определение советскому режиму как «преступного», не хочет от 64 до 68% опрошенных¹. И здесь дело не только в инерции страха, проходящего через несколько российских поколений (что само по себе следует считать достаточной причиной для состояния растерянного молчания), но и парализующего массового отупления, наступающего всякий раз, когда обыватель оказывается один на один с подавляющим его государством. Сегодня уже нельзя сказать, что люди «ничего» или «мало» знают о терроре, но у них нет средств или желания разбираться в этом; не возникает самой потребности осмысления этих событий, поскольку вынесение моральной оценки логически требует следую-

щего шага: признания «ответственности» действующих лиц или социальных сил (не просто установления «виновников», но и обязательной квалификации их в категориях «носителей зла»). Другими словами, отсутствует, исчезла (если она и была когда-то, что тоже неочевидно) сама способность к подобному оценочному суждению или контекст, в котором была бы возможна оценка и моральная интерпретация действий людей, текущих событий, прежде всего — политической жизни (так как здесь другие масштабы и характер последствий). Поскольку разобраться в том, что произошло за годы советской власти, и кто должен нести ответственность за преступную политику государства (деяния, которые в мировой практике после Второй мировой войны квалифицируются как «преступления против человечности», не имеющие срока давности, что подчеркивает их особый характер) российское общественное мнение самостоятельно оказалось не в состоянии, страна предпочла эти вопросы не трогать.² Проблема исторической цены преступлений советской власти (террор, массовые репрессии, бесчеловечная растрата человеческих жизней в «мирное» время и во время почти непрерывных войн³, прежде всего в 1939-1945 гг.) была благополучно вытеснена и забыта.

Но точно так же без этической оценки остается и множество других общественно значимых событий, связанных с насилием, таких как расстрел парламента в 1993 году, обе чеченские войны, атмосфера террора на Северном Кавказе во время «контртеррористической операции», несправедливые судебные процессы, имитация выборов и т. п. Получается, что «способность суждения»⁴ или вынесения моральной оценки важнейшим обстоятельствам кол-

² Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Ч. 2 // Вестник общественного мнения, 2010, № 2 (104), с. 13-61; Гудков Л. Дерезализация прошлого: функции сталинского мифа // Pro et Contra, 2012, ноябрь-декабрь, № 6 (57), с. 108-135.

³ За 73 года своего существования советский режим вел различные по масштабам, продолжительности и ожесточенности военные кампании. Сюда должны быть включены как «большие» и общеизвестные войны (Гражданская, Финская, Отечественная, Афганская), так и многочисленные «малые» войны, военные действия внутри страны или за рубежом с участием советских войск, забытые или вообще оставшиеся за рамками общественного внимания или интереса (на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Африке, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке), в общей сложности это продолжалось 23-24 года. На 22 года постсоветского времени приходится 12 лет военных действий на Северном Кавказе (первая и вторая война в Чечне, а также — хронические военные операции против боевиков и сепаратистов).

⁴ Русский перевод этого понятия И. Канта стирает очень важный семантический оттенок: по-немецки это не столько «способность», сколько «сила суждения» — die Urteilskraft.

¹ А с учетом тех, кто «затрудняется ответить», то есть уходит от ответа, не обладая «способностью суждения», и все 80-82%. См.: Общественное мнение — 2012. Ежегодник Левада-центра. М., 2012, с. 223, табл. 23, 34. (Далее ОМ-2012)

лективной жизни, связанным с безопасностью частного, индивидуального существования, отражает степень дееспособности «общества»¹, его интеллектуальный потенциал, средства концептуализации, а они, в свою очередь, что очевидно, зависят от характера его социальной организации.

Сегодня словоряд «мораль», «нравственность» и производные от них, употребим в речи лишь высших чиновников и депутатов, а также иерархов РПЦ, приравненных к ним по статусу и назначению. Здесь «мораль» (апелляция к «моральным ценностям») означает лишь ужесточение контроля в сфере социализации молодежи, ограничение прав человека (сферы субъективности), деятельности оппозиционных политиков, писателей, содержания СМИ и прочее (то же, впрочем, и в массовом сознании²), но сам по себе контекст высказываний не содержит ничего, что связывалось бы с идеей этической рационализации повседневной жизни и, соответственно, практик методического самоконтроля. В этом плане представления о морали (все равно – светских ли, духовных ли функционеров, или большей части населения, принявшего официальный язык власти как часть конструкции реальности) не выходят за рамки требований запретительных мер и дополнительных ограничений, прежде всего по отношению к группам, настроенным либерально, а значит – критически по отношению к авторитарному режиму и поддерживающей его церкви³. Следование «общепринятым моральным нормам» и «национальным традициям» в данной ситуации означает требование придерживаться правил обрядоведения, внешний социальный конформизм.

К подобному словоблудию кремлевских политиков (заклинаниям о защите общественной морали, физического и духовного здоровья нации /народа, сохранения национального генофонда и т.п.) большая часть россиян относится с равнодушием, как и к любой пропагандистской риторике власти. Пропуская мимо ушей

соответствующие пассажи, население, тем не менее, одобряет принятие строгих мер против «несвоих», то есть покушающихся на сложившийся порядок. Поддерживается, например, введение цензуры в СМИ и интернете, несоразмерно жестокий приговор Пусси-райот или репрессии в отношении НКО или законы против «оскорбления чувств верующих», однако люди решительно возражают против применения к ним самой практики государственного регулирования их собственной частной жизни⁴.

По существу моральная тематика никогда не была в поле внимания российского общества.

Своеобразие российской ситуации с «моралью» состоит в том, что прежние, досоветские блюстители традиционных нравов были не отделены от сословного порядка, а это значит, что сами этические представления не могли подвергаться генерализации и универсализации. К абсолютному большинству населения это понятие или система представлений вообще не имела отношения⁵, поскольку ни о какой «морали» или свободе воли не могло идти и речи вплоть до середины 60-х годов 19 века, потому что крепостное право оставляло крестьянина в полной личной зависимости от его владельца, включая место жительства, род занятий, выбор брачного партнера и т.п. Крепостные гаремы, эксплуатация, унижение и прочие особенности этого образа жизни налагали свою неизгладимую печать не только на самих крестьян, но и на сознание крепостников, чиновников и все остальные категории населения. Положение казенных крестьян или купечества, казаков,

¹ Понимаемого здесь не как совокупность государственного населения, а как система социальных связей, основанных на отношениях солидарности или взаимных интересах (что означает: без отношений «господство-подчинение»).

² См.: пресс-выпуск Левада-центра от 25.07.2013 – <http://www.levada.ru/25-07-2013/moralnye-ogranicheniya-rossiyan>

³ Достаточно напомнить слова патриарха Кирилла о том, что приход к власти В. Путина – «это божье чудо» - *Simon A.-C. Pussy Riot: Putin und der Patriarch – eine unheilige Allianz // Die Presse, 13.08.2012.* – http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/1278008/Pussy-Riot_Putin-und-der-Patriarch-eine-unheilige-Allianz?_vl_backlink=/home/politik/aussenpolitik/index.do.

⁴ Например, при несомненной лояльности РПЦ, абсолютное большинство россиян высказывает явное несогласие с попытками запрета абортов или навязывания обязательного религиозного образования для их детей (не вообще введения ОПК для кого-то, а недовольство увеличением нагрузки именно для своих собственных детей).

⁵ Само слово «мораль» в русском общественном обороте появляется довольно поздно – оно заимствовано из других языков не ранее 30-40-х годов XIX века и входит в речевой оборот образованного сословия практически одновременно с другими европейскими понятиями модерности, требующими известной интеллектуальной развитости и некоторых навыков отвлеченного мышления: «культура», «литература», «история», «интеллигенция» и т. п. К еще более позднему времени относятся попытки рационализировать уже собственно проблематику морали – так, например, «Оправдание добра» Владимира Соловьева написано в 1893 г. Примечательно, что у Соловьева «мораль» – сочетание стыда, сострадания (жалости) и благоговения – внутренне связывается с субъективной свободой индивида и наличием «общества», с преодолением узко понятой обрядовой религиозности и национализма (национальной исключительности и изоляционизма). – см.: *Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия.* - М.: Республика, 1996; Он же. Идолы и идеалы. Национальный вопрос в России. - В кн.: В. С. Соловьев. Соч. в 2-х тт., Т. 1, с. 607 и далее.

мещан, безусловно, существенно отличалось от крепостных, но и тут уровень нравственного сознания не поднимался над рутинной традиционного уклада или простого безальтернативного воспроизводства жизни. Только в ходе процессов модернизации (последняя треть или четверть XIX века) моральные нормы стали теоретически дифференцироваться, отделяться от традиционных предписаний поведения и стандартов идентификации – дворянского, купечески-мещанского, крестьянского или чиновничьего, хотя поддержание «благонравия» осуществлялось по-прежнему: через мнение «света» («хорошего общества»), исправником и духовенством. Тончайший слой разночинской или интеллигентской столичной публики (даже на переломе веков его можно оценить лишь как 0,002-0,1% от всего населения), конечно, уже представлял собой разновидность носителей возникающей в тот момент общей европейской *модерной* культуры, заметно диссонировавшей со всем косным и малоподвижным российским социумом. Не случайно процессы модернизации в России воспринимались как крах сложившегося порядка, а сама возникающая субъективистская культура как «декадентство» (то есть как закат и разложение, хотя позже, на фоне уже советской «культуры», она признана как Серебряный век). Этот болезненный отрыв модерности от традиционализма предопределил всю тематику «великой русской литературы» и искусства, от А. Островского, Л. Толстого и А. Чехова до А. Блока, Саши Черного и акмеистов. Только в этом узком диапазоне заимствованных из Европы идей и смысловых форм («просвещения», «гуманизма», «человечности») и складывалась проблематика русской «морали», точнее – еще только тоски по моральности, по «правильному» или «настоящему человеку», освобожденному от мертвых прописей религии, от лицемерия общества, от исторически предопределенной провинциальности и т.п. Соответственно, сюжеты в русском романе и повести последней трети XIX – начале XX века определяются конфликтом жесткости старых и слабости новых социальных ролей: темы лицемерия («Господа Головлевы» у Щедрина), адюльтера и женской эмансипации (или иначе – свободной любви), просвещения без социальной ответственности, скуки (как отсутствие общества, дефицит признания или адекватной социальной gratification), равнодушия, наслаждения в безумии (выход за рамки общепринятой нормальности – см., например,

«Черный монах» Чехова), греха, вины, смерти, границ социального статуса или эрозии социальных барьеров, жесткости ролевых предписаний, и, наконец, самое позднее – моральности межэтнических отношений¹.

На формирование этого пласта сознания указывает появление слова «нравственность», содержащее семантический компонент абстрактности качества, обобщенности понятия, отделенности его от этнографических «нравов» и обычаев, воспринимаемых как специфически партикулярные регуляции коллективного поведения («этоса» в античном или средневековом значении слова). Возникновение такого понятия (представлений) означает, что происходит распад самой традиции (изначальной слитности субъективных и коллективных значений действия, техники социализации и воспроизводства поведения): *образец действия* отделяется от ситуации и актуального процесса поведения. Это означает – отделение действующего от социальных норм, от нормативной системы группы или института, являющегося внешней инстанцией социального контроля и gratification. Таким образом, происходит не только выделение и умножение социальных ролей: помимо самого актора появляются воспитатель или учитель, следящий за поведением (контролер), хранитель образца (памяти или записей обобщенных норм), но и разделение самой реальности на различные сферы или модальные плоскости восприятия, выбора средств действия, суждения, оценки и т.п. Такого рода элементы дифференциации предполагают дальнейшую специализацию ролей – обучения или социализации, с одной стороны, и поддержания образца, контроля над поведением, с другой. В отличие от примитивных социумов или традиционных сельских сообществ, где обучение (социализация) происходит от «лица – к лицу», от отца к сыну или от матери к дочери, в ходе повседневного проживания или рутинной хозяйственной деятельности (принцип «делай как я», «так исстари повелось», «не нам менять» и т.п.), в меняющемся социуме появляются специализированные фигуры и социальные роли, репрезентирующие интересы и идейные представления других социальных групп

¹ В этом плане еще предстоит написать социологическую историю русской литературы, в которой общественная тематизация процессов модернизации представлена именно в литературном материале – романах Л. Толстого («Анна Каренина» или «Воскресенье», «Хаджи-Мурат» и др.) или М. Салтыкова-Щедрина и др. Соответствующие курсы, впрочем, уже читались в ведущих американских университетах (например, проф. Г. Фрейдиным в Стэнфорде).

и институтов. Другими словами, единый космос традиционного социума распадается на отдельные социокультурные сферы, стремящиеся к автономности. Это еще не позволяет говорить о «морали» в современном смысле (в принятом здесь смысловом значении), но дает основания для отслеживания процессов внутренней социальной дифференциации (усложнения системы социальных отношений, социально-ролевой и групповой структуры социума). На ранней стадии этих процессов возможным оказывается лишь внешний социальный контроль и принуждение к соблюдению групповых норм и порядков, здесь еще нельзя ничего сказать о том, в какой степени эти нормы интернализированы субъектом и стали частью его структуры личности. Здесь нет ничего специфически русского, точно такие же процессы, но только значительно раньше, протекали и в других странах опаздывающей модернизации¹.

Сфера эстетического в России оказалось единственным смысловым пространством, где можно было искать и находить аналоги и тематизации моральных коллизий и драм модернизирующегося европейского общества. И дело здесь не только в той роли, которую в России играет литература и искусство, или в отсутствии специальных групп, функцией которых была бы этическая рационализация повседневной жизни, и чей авторитет общество готово было бы признать. На этом месте мне придется остановиться, чтобы сделать несколько методологических пояснений, касающихся функциональной роли российских представлений о «Западе».

Неизбежное (при социологическом анализе российской действительности) появление оппозиций или конструкций «Россия-Запад» часто служит поводом для поверхностной критики самого способа социологического описания и интерпретации социальных процессов в России (упреки в «идеализации Запада»,

¹ См., например, историю понятия *Sittlichkeit* в Германии, близкое по этимологии с русским словом. В России генерализованное понятие «нравственность» начинает употребляться не ранее последней трети 19 века. Это понятие не совсем адекватно европейскому понятию «мораль», но сам процесс универсализации семантики указывает на вектор изменения, на приближение к нему. Социолингвистический анализ мог бы подтвердить характер диагноза этих модернизационных социальных изменений. Готов предположить (но не более того — мои возможности здесь ограничены), что русское слово «нравственность» указывает на фазу общественного сознания, типологически предшествующую «морали» в европейском смысле. Запрос уже есть в определенных группах или социальных средах (более рафинированного, чем массовое сознание), но общей системы координат морали, а значит — наличия специализированных или авторитетных в этом плане групп, нет.

рассуждения, что «Запада» как такового нет и т.п.)². Использование обобщенной модели стран, завершивших процессы модернизации, как системы координат для описания российских явлений может объясняться не только непроясненностью концептуальных установок, методологической наивностью или идеологической предвзятостью социологов. Для нас (меня и моих коллег) давно понятно, что «Запад» — это понятийный конструкт (имеющий статус трансцендентальной предпосылки), а не описание конкретных обществ европейских стран, что это весьма условное образование, не обладающее иным статусом реальности, кроме модальности методологических сравнений³. То, что обычно не понимается или не принимается во внимание подобными критиками, заключается в том, что для общества запаздывающей (незавершенной или в принципе не могущей быть завершённой) модернизации такое сопоставление *культурно предзадано и обосновано*, что оно конститутивно для национального самосознания и национальной идентичности и составляет одно из важнейших, можно даже сказать — принципиальных — течений в русском мышлении⁴. Целый ряд ценностных представлений, базовых мифов и идеологем, образующих силовые линии русской культуры (философии, литературы, искусства, политики), сложившихся в 19 веке после войны с Наполеоном, *не могут быть выражены иначе*, чем с помощью референции к условному «Западу». Благодаря артикулированной таким образом ценностной позиции становятся возможным объективации тех элементов социальных взаимодействий, которые либо особо не марки-

² Ср., например, *Габович М.* К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Вестник общественного мнения, 2008, № 4 (96), с. 51-61.

³ Задолго до того, как нас стали обвинять в подобных грехах, я в докладе на Тыняновских чтениях описал саму эту культурную конструкцию («ослепления Западом», по выражению К. Аксакова) как механизм компенсации и обживания культурной фрустрации, характерной для самоопределения и претензий патримонильных элит, и ее функцию в русской культуре. — *Гудков Л.* Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986, с. 208-226. (в соавторстве с Б. Дубиным). См. также: *Дубин Б.* Европа — «виртуальная» и «другая». Запад, граница, особый путь. Символика «Другого» в политической мифологии современной России // Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М., Новое издательство, 2004, с. 264-285 и с. 300-318.

⁴ Включая и некритический перенос на отечественную реальность российскими социологами понятийного аппарата современной социологии, разработанного для описания и анализа социальных отношений, которых нет в нашей практике. Ценностная подмена (и ее причины) оказывается гораздо более значимой мотивацией «научной» деятельности, нежели ее когнитивная составляющая.

рованы, поскольку они редки или незначимы, либо представлены в модальности «значимого отсутствия», как элемент негативной групповой идентификации или идеологического проекта, желаемого будущего. Можно сказать, что заданная таким образом *ценностная* позиция позволяет высветить в темной, смутной и непроясненной социальной действительности значимые обстоятельства, подлежащие анализу и интерпретации.

Другого способа артикулировать многие сложные понятия и представления, в том числе – моральные или политические (более сложные, нежели социальные формы и отношения в окружающей говорящего действительности), кроме как соотнести их с «чужой» жизнью, выступающей как образец уже достигнутого и как средство осмысления разрыва (собственной «неразвитости», «отсталости», «ненормальности») нет: подобным понятиям не соответствует практика взаимодействий ни одной из реально существующих групп российского общества. Что вовсе не означает их полного отсутствия или нереальности подобных ментальных образований – они наличествуют, но в иной модальности: модальности моральных, политических или социальных «проектов», мечтаний, стремлений, иногда – утопий, ценностных ориентиров, выдвигаемых самыми разными элитными группами, а также – элементов их групповой идентичности. Такая риторическая или ментальная фигура сознания позволяет (предоставляет для этого интеллектуальные и семантические средства) артикулировать те смыслы и значения, которые в повседневной реальности российской жизни присутствуют в самой слабой концентрации, скорее как намек на возможность в будущем развернуть их, как то, что *должно* быть, но пока отсутствует, а не как действительные и значимые структуры взаимодействия, формы социальной жизни. Поэтому они сохраняют «условную модальность» (как если бы...), с одной стороны, и «негативность по отношению к любым типам социальных образований», с другой, <...> «фиксируют уровень достигнутой культуры для части целого (населения, общества, народа) и выступают в качестве залога обеспечения этого уровня в будущем для всех»¹. Другими словами, моральная тематика, как и прочие проблемы «недомодернизированного состояния», могут обсуждаться или осмысляться исключительно в условном плане сопоставления с моделью более развитых социальных

форм (в рамках фикционального или «игрового пространства», если вспомнить понятие «игры» у Левады). «Запад» служит «проявителем» соответствующих ценностных значений.

Таким образом, ценностная (и риторическая) фигура «Запад» и ее элементы и производные являются не столько содержательными утверждениями о тех или иных реалиях общества и культуры европейских стран, сколько условием и предпосылкой для обсуждения зон социальной и культурной фрустрации российского общества и его социальной истории. Но цена такого способа осмысления оказывается в исторической перспективе слишком высокой: это не только «литературоцентризм» или «утопизм» российской интеллигенции, но и слабость и незначимость практической работы (в том числе – политической или гражданской). При таком подходе социальная реальность предстает преимущественно в виде больших целостностей («власть», «интеллигенция», «народ» или «общество» и т.п.), что часто блокирует возможности более сложного, дифференцированного и эмпирически подтверждаемого наблюдения, подавляет внимание к тому, что «есть» («на самом деле»), но лишено ценностного наполнения, и сковывает мысль слепой приверженностью идеологическим убеждениям и ценностным пристрастиям.

Дискредитация духовенства (неприятия его из-за присущего попам агрессивного невежества и консерватизма, враждебности просвещению) в интеллигентской среде, ставшей агентом модерности, радикально развела проблематику модернизации и морали общества (возможности его гуманизации), что, в частности, обернулось апологией и фасцинацией насилия как средства социального изменения (причем в его самом крайнем варианте). Осмыслить последствия этого не так просто. Недостаточно лишь констатировать низкий уровень морального сознания российского общества (что стало общим местом). Речь должна идти о том, что сохранение чисто эстетических возможностей обсуждения этих вопросов (в литературной или какой-то другой изобразительно-экспрессивной форме – кино, театра, живописи, перформанса и т.п.) блокирует появление более рафинированных интеллектуальных средств рационализации подобной проблематики. Об этих затруднениях свидетельствует отсутствие специальных социальных ролей и институтов, которые должны были бы тематизировать и прорабатывать моральные коллизии, поддер-

¹ Гудков Л. Понятие литературы у Тынянова..., с. 220.

живая тем самым необходимый уровень рефлексии над типовыми конфликтами такого рода, а значит — делать их решение доступным для массовой социализации.

В современном (модерном) обществе такими образованиями (социокультурным институтом поддержания морали) является прежде всего сфера публичности, «общественности», (*Öffentlichkeit*, как ее описал в свое время Ю. Хабермас), общественного мнения, немыслимого без СМИ и опирающегося на них, а ее составными частями или агентами выступают не только традиционные институты — церковь (по-прежнему сохраняющая свою функциональную роль для определенных групп населения, с ее рациональной проработки греховности и ответственности — исповедью, проповедью, но вместе с тем, использующая и все новые технологии и возможности удержания своего влияния), монашество, религиозные школы, теология, оказывающая существенное влияние на публицистику и саму публичную сферу, но и светские институты: прежде всего — университеты, а также — науку (в ее внешней стороне, обращенной к публике, обществу, к СМИ, то есть выдающей результаты своих рационализаций и тем самым влияющих на структуры мышления и знания, сами интерпретации реальности и ее конструкций). Особая роль (моральных консультантов или арбитров, замещающих традиционных исповедников и священников в качестве супер-Эго) здесь падает на врачей, в меньшей степени — на учителей, сохраняющих еще в своем образе следы авторитета носителей знания и культуры (хотя и подвергшегося в сильнейшей степени эрозии и десакрализации), в последнее годы — появившихся психоаналитиков.

Однако преимущественное значение здесь все-таки получают именно публичные интеллектуалы и моральные авторитеты (философы, писатели, деятели культуры), а также люди, занимающиеся благотворительностью и заслужившие доверие общества (представители гражданского общества, самоорганизации общества). Их функция — не социальный контроль или образец действия, а лишь подкрепление или удостоверение возможного выбора, который предстоит делать самому действующему. В этом плане собственно религиозные мыслители и теологи — профессионалы этической софистики и диалектики — входят в качестве важнейших фигур на публичную сцену общества, но не обладают уже монополией на суждение и квалификацию поведения или проблемати-

ки (на что сегодня самым агрессивным образом претендует РПЦ, но об этом ниже)¹.

Важно подчеркнуть, что надстраивающаяся над традиционными институтами социального контроля современная сфера морали (публичности) лишена моноцентричности, а значит — и претензий на монопольное влияние и жесткость своих санкций. Другими словами, модернизационные процессы, выражающиеся в интенсивной социальной дифференциации (автономизации и специализации различных социальных сфер и систем действия), сильнейшим образом влияют на структуру личности современного человека, ослабляя значимость внешнего социального контроля (репрессивность контроля отдельных групп или институтов, с которыми он себя отождествляет или к которым принадлежит) и усиливая механизмы субъективной самоорганизации, самостоятельного выбора стратегии и тактики действия, индивидуальную ответственность за собственные решения и поступки. Такое положение вещей порождает увеличение контингента растерянных, фрустрированных, одиноких, дезадаптированных или депрессивных, маргинализованных людей, нуждающихся в специальной помощи и профилактике неврозов и суицида, но с другой — в целом увеличивает потенциал терпимости, гуманности и социально-правовой защиты большинства, осознанной гражданской солидарности и понимания².

¹ Можно привести массу примеров признанности высокого авторитета католических теологов (Т. де Шардена), или еще большей популярности протестантских авторов (А. Швейцера, Р. Бульмана, К. Рашке, П. Тиллиха, Ю. Мольмана или Д. Бонхеффнера), иудаистских (М. Бубер) или дзен-буддистских (Д. Судзуки) мыслителей, оказавших самое серьезное влияние на своеобразие современного культурного мира. Но, оглядываясь на отечественный опыт, невозможно назвать в этом ряду ни одного имени из круга РПЦ МП, хотя зарубежные православные авторы были хорошо известны, тот же митр. Антоний Сурожский, оказавший значительное влияние на интеллигентские круги в России в 1960-70-е годы.

² Некоторое представление о колебаниях уровня аномии могут дать международные сравнения. Сопоставляя, допустим, статистику преступлений в Европе или удельный вес осужденных, мы получаем разительную картину социальной — нормативной — девиации, позволяющую судить об уровне насилия в различных странах соответственно значимости повседневной морали: число заключенных в РФ (на 100 тыс. населения в 2005-2006 гг.) составляло 611, в Белоруссии — 426, Украине — 356, Эстонии — 327-339, в Латвии — 337, Литве — 234, Польше — 216-230, Чехии — 186, Венгрии — 162, Болгарии — 158-148, Великобритании — 143-148, Испании — 142, Нидерландах — 134-128, Италии — 102, Германии — 96, Франции — 92-85, Бельгии — 91, Швеции — 78-82, Дании — 76, Финляндии — 73, Норвегии — 65. // Демоскоп Weekly № 361-362 от 19.01-01.02.2009 — <http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/>. Явственно выделяется здесь зона бывшего социализма. Больше, чем в России, заключенных лишь в США (738), где профиль преступности и заключенных радикально смещен в сторону афро-американцев и латиноамериканцев.

В отличие от церкви, религиозных организаций в западных странах (кроме, может быть Польши, Ирландии), где они отделены от государства, а потому вынуждены полагаться лишь на силу собственного авторитета и значимость своего влияния, Русская православная церковь МП не имеет опыта интеллектуального диалога с обществом¹. Слабость РПЦ проявляется в том, что она недееспособна без государства: она вынуждена постоянно обращаться к государственным средствам насилия и принуждения для того, чтобы провести в жизнь какие-то из важнейших своих планов, реализовать ведомственные, церковно-политические цели, например, получить доступ к преподаванию вероучения в школах, заткнуть рот своим критикам, получить льготное или внебюджетное государственное материальное обеспечение и финансирование своих мероприятий, выключивать налоговые привилегии, здания, земли и проч.), прикрывая «моральными» соображениями вполне материальные, земные интересы владения, алчности, властолюбия. В этом отношении никакие соображения приличия и нравственные сдержки не работают — ни про-

---

Те же самые закономерности распределения аномии нетрудно проследить на международной и внутрироссийской статистике самоубийств, сердечно-сосудистых заболеваний, отражающих уровни социальных напряжений, стресса и т.п.

¹ Зависимость православных религиозных интеллектуалов от государства парализовала возможности и интересы теологической и практической рационализации повседневной жизни. Более того, всякая самостоятельность религиозных интеллектуалов, их попытки найти взаимопонимание религии и культуры, установить диалог интеллигенции и духовенства вызывают со стороны православной бюрократии подозрение и отторжение (таково отношение православных иерархов к о. А. Меню, к деятельности Св.-Филаретовского института, к о. Г. Кочеткову и другим случаям). Ситуация в зарубежной РПЦ принципиально иная: только здесь и можно найти примеры современных теологических разработок, стремящихся дать православный ответ на моральные вопросы современного общества. Если зарубежная церковь стремится сблизиться с современным обществом, как то показывают, например, проповеди пресв. А. Шмемана, то РПЦ, сохраняя архаическую феодальную организацию («церковный абсолютизм», по выражению Н. Митрохина), по своим интенциям тяготеет к авторитарному режиму Путина, поддерживает его и пытается (не слишком успешно, впрочем) идеологически обосновать, резко негативно относясь к явлениям современной интеллектуальной и культурной жизни, дистанцируясь от общества, не будучи в состоянии понять и оценить то, что происходит внутри него. Напротив, РПЦ, опираясь на власть, стремится к подчинению общества. Для этого используются разного рода псевдо-исторические спекуляции, вроде изданий арх. Тихона (Щелкунова) — «Гибель империи». См. также: *Лункин Р.* Образ РПЦ в светских медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурном православии // *Православная церковь при новом патриархе. М., центр Карнеги — РОССПЭН, 2012, с. 171-222; Верховский А.* Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI века // Там же, с. 141-170.

поведь нестяжательства, смирения, отказа от земных ценностей и т.п., как показывает опыт поведения ведомства в целом или отдельных иерархов, включая и самого патриарха Кирилла. Можно отобрать школу, здание детской больницы, консерватории, музея, галереи, принадлежавшие до революции церкви, и не чувствовать при этом никаких моральных сомнений, поскольку все это оправдано заботой о духовности и нравственности народа. Тем самым лицемерная апелляция к морали превращается в систему нормативного социального контроля.

Вместе с катастрофой 1917 года, революцией, гражданской войной, красным и белым террором, эмиграцией, национализациями и экспроприациями разного рода, классовыми чистками, коллективизацией, голодом, сталинскими репрессиями и т.п. беззаконием и произволом коммунистического государства проблематика морали ушла из сознания советского населения.

К настоящему времени она вообще потеряла какой-либо смысл, поскольку российское население не понимает, что за этим стоит, хотя смутное ощущение неблагополучия в этой сфере время от времени проступает в данных массовых опросов². Ни той духовной работы, которую вели католики в своих странах на протяжении последнего столетия, ни тем более практики протестантской этической рационализации жизни, в России не было, что в своем роде «облегчило» процессы опустошения и деморализации населения, распространения лагерных нравов, внутреннего одичания во время советского массового террора и последующих десятилетий. Какое-то, причем довольно долгое, время (конец 1920-х — начало 1950-х годов) человек был поставлен в такие условия, в которых в принципе нельзя говорить о «морали» — любой выбор в условиях массовых репрессий

² На кризис морали, культуры, неудовлетворительное состояние общественных нравов (в чем бы оно не выразилось) указали в октябреском опросе 2013 г. («самые острые проблемы нашего общества») 30% опрошенных. По мнению 63% (сентябрь 2011 г.) уровень морали (и культуры!) в России за последние 12 лет упал и положение дел в этой сфере ухудшилось (21% считают, что ситуация в этом отношении не изменилась, а 12% — даже улучшилась). За весь период исследований (1989-2013 гг.) озабоченность состоянием морали и культуры общества высказывали от 15% опрошенных (февраль 1991 г.) до 31% в 2012 г. Хотя в общем и целом доля таких ответов обычно снижалась в моменты ухудшения экономического положения и повышалась до 26-28% по мере улучшения ситуации, тем не менее общий тренд здесь явно негативный. Чувство стыда за происходящее сейчас в стране испытывают 52% опрошенных (с их оценками не согласны 19%) — Общественное мнение — 2012, с. 22, табл. 3.2.2.

и атмосфере террора был аморален, поскольку субъективно детерминированное нравственное действие влекло за собой конфликт действующего со своим окружением, а значит — и угрозу репрессий или предательства по отношению к какому-либо из близких. За вольную или невольную нелояльность, тем более внутреннее сопротивление советской системе или выпадения из нее, наказывался не только сам действующий, но и его семья, коллеги, друзья и знакомые, а часто и вообще посторонние люди. Принудительная коллективная ответственность уничтожила проблематику морали (как целой области культуры и определяемой ею социальной организации), что, соответственно, имело следствием разрушение структуры личности сложного типа и ее последующее исчезновение как социального феномена (хотя, разумеется, уникальные примеры человеческой порядочности всегда можно привести)¹. Дело не в недостаточном присутствии или дефектах российских религиозных институтов, не в недостатках мирского служения РПЦ, а в подавлении самой этой проблематики в массовом сознании, ее отсутствии, стерилизации запроса на нее. Символические дефициты такого плана, ощущаемые немногими людьми еще в советское время компенсировались (в поздние брежневские годы с мумификацией выморочной коммунистической идеологии) суррогатами православного неопитства, оккультизмом, йогой, восточной философией, сыроедением и т.п.² После краха СССР и снятия идеологических запретов обрядовое и магия, суеверия банализировались и стали масскультурным явлением (от раннего Кашпировского до назойливых нынешних ТВ-передач о экстрасенсах, ясновидящих и т.п.), а агрессивная или демонстративная религиозная идентификация — наиболее характерным способом нравственного самоутверждения и самоудовлетворения. Роль религии здесь очень важна, но вовсе не в том плане, в каком об этом рассуждают церковники, утверждая, что именно религия является источником морали.

¹ Эта проблематика хорошо представлена в поздних произведениях восточноевропейских писателей и кинематографистов, прежде всего — у венгров («Пятая печать» З. Фабри, И. Сабо, повести И. Кертиса), но не только у них. Можно привести также в качестве примера сочинения П. Леви, В. Шаламова, Ч. Милоша.

² Характерно, что из среды приверженцев этой моды 70-х годов — городской молодежи, поколения рождения примерно середины 1950-х годов, полуинтеллигентов, фрондирующих, хиппующих или экспериментирующих с альтернативными образами жизни, несостоявшихся поэтов, философов и музыкантов, вышли многие видные представители нынешнего русского православного фундаментализма, идеологи евразийской геополитики и неомпериализма. Перебесились.

Дискредитированная большевиками и практикой террора советской власти («...морально то, что соответствует классовым интересам пролетариата», то есть самой власти), эта тематика всерьез не обсуждалась ни советской интеллигенцией³, ни постсоветской публикой, довольствующейся глянцевым гламуром и формульной литературой. Она и не могла обсуждаться, поскольку даже «продвинутая» часть российского общества не дотягивалась до того уровня, когда эти проблемы могли быть осознаны⁴.

Мораль у нас обычно путают с этикой как учением о добродетельной жизни. Но суть этих проблем (вопросов морали) совсем не в том, чтобы представить аудитории то или иное изложение рекомендуемых норм поведения и предписаний «как жить». Как раз наоборот. Сама проблема морали выросла из осмысления границ насилия и произвола, из необходимости понять, чем, какими средствами может быть ограничен деспотизм абсолютного самовластия. А это значит, что в отличие от традиционной тематики «добраго правления» (воспитания суверенного, но просвещенного автократора), здесь упор делается на солидарные действия подданных, не могущих уступить узурпатору свои права, не потеряв часть своего

³ Опять-таки, сама проблематика этого рода стала вновь появляться лишь с первыми признаками идеологического разложения советской системы. Не случаен поэтому и столь длительный успех «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, в котором так явно — для советского сознания — поставлен вопрос о предательстве (разрешаемый лишь в условном плане). Справедливости ради здесь следует упомянуть также и усилия немногих писателей и кинематографистов (В. Тендрякова, В. Быкова, Ю. Трифонова, А. Тарковского, Ю. Казакова, В. Шукшина и других), пытавшихся диагностировать саму ситуацию этической антиномии, хотя и без особого успеха быть услышанными. Подступающему кризису советской системы, «перестройке» предшествовало появление целого ряда произведений, в которых обозначался диссонанс частной морали (личной ответственности) и системы государственного заложничества и конформизма, по выражению Салтыкова-Щедрина — «круговой поруке снисходительности» (например, в фильме «Остановился поезд» В. Абдрашитова и А. Миндадзе). В постсоветское время это свелось к суррогатному обрядовому и моральной карикатуре (представленной, например, фильмом «Остров» П. Лунгина). Сегодня эту проблематику вновь пытается поднять С. Алексиевич (см. ее интервью «Почему мы такие?», данное «Новой газете», № 95 от 28.08.2013, с. 15-16).

⁴ Современное российское искусство (литература, кинематограф) смутно ощущает утрату способности к моральному измерению социального и частного существования (см. фильм А. Балабанова «Груз-2000», повесть П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» и множество менее ярких однотипных сочинений), но даже не пытается осмыслить сам этот феномен или дать какие-то свои диагнозы проблемы. Еще раньше, но в менее выраженном виде, это почувствовало советское кино («Афоня», «Полеты во сне и наяву»). Появилась литература, которая на свой лад даже паразитирует на коллективной травме неспособности к морали (В. Сорокин или В. Пелевин, например).

достоинства (утратить образ человека как подobia Бога — мотив, введенный в политическую философию морали прежде всего Дж. Локком).

Необходимость дать ответ на эти вопросы проистекает из логики развертывания проблемных узлов политической философии. После макиавеллиевского анализа прагматизма, необходимого для государя, так или иначе освобожденного от сакрального характера власти или утратившего его, и гоббсовской идеи делегирования (в порядке самоограничения) населением суверенных прав государю, становящегося таким образом гарантом порядка и безопасности в государстве и только отсюда получающего свою легитимность, неизбежно встал вопрос о том, где пределы суверенитета власти, чем можно, а значит, и должно и следует ограничить абсолютную власть, где гарантии от превращения «доброе правителя» в «тирана» и «деспота» (в духе «Аллегии Доброго правления» Амброджо Лоренцетти).

Мыслители 17-18 веков нашли ответ: в «нравах», обычаях подданных (*moralis*¹). С. Пуффендорф, Дж. Локк (последний особенно много сделал в этом плане), развили эту идею в теорию «естественного права», естественных, то есть прирожденных, присущих самой природе человека, не социальных, а потому — не могущих быть отмененными или не признаваемыми, а значит — упраздненными, *неотчуждаемых* прав человека (в его качестве подданного или позднее — гражданина). Но Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Дж. Локк, Ж. Руссо внесли в это представление и понятие еще некоторые смысловые компоненты: естественное право как барьер против узурпации власти и беспричинного насилия они усилили *принципом разделения властей*, что должно было служить средством минимизации

¹ Слово «*moralis*» (от лат. *moralitas*), касающийся нравов (позднее в контексте философских рассуждений — нравственный), изобретено Цицероном для перевода аристотелевского понятия «этический» (производное от «этос», которое первоначально означало место совместного проживания, жилище, позднее — связь сущности /природы/ явления или характера человека с образом его жизни, нравом, обычаем, темпераментом, манерой одежды или образом поведения. «*Mores*» множественное число от *mos*, означающее примерно то же, что и греческое «этос», а именно: нрав, обыкновение, обычай; во множественном числе — нравы, характер, образ жизни, поведение, свойство, природа, но также — правило и предписание, покррой и мода). У Аристотеля «этическое» получило специфическое значение, став синонимом особых качеств характера человека, не сводимых ни к природным свойствам тела, ни к способностям ума, качеств, описывающих добродетельное ведение жизни, а «этика» — наука о добродетелях и, соответственно, знание о различении доброго и плохого. В таком нормативном виде «этика» и вошла в историю европейской философии, в отличие от морали, которая скорее фиксировала «реальные», предметные особенности поведения.

опасности узурпации власти (благодаря взаимному ограничению властных институтов), и необходимым минимумом солидарности *в виде общественного договора* граждан и государства. Границы произвола очерчивались признанием неотчуждаемых прав человека, а именно: права на жизнь, на свободу, здоровье, собственность, и в некоторых случаях, помимо уже перечисленных сдержек, сюда вводилась еще идея справедливого (независимого) суда. Позднее они были положены в основу американской, а затем — и других западных конституций. Тем самым, понятие получило еще и социальный, политический (конструктивный) смысл, теряя вместе с тем связь с семантикой традиционных нравов, социальной или территориальной локализацией, «этнографичностью» и приобретая гораздо более общий, обобщенный, метафорический характер, что собственно и стимулировало процессы универсализации моральных представлений.

Философская фикция «естественных прав» или морали была таким образом в какой-то части реализована в законодательстве и других публичных и государственных институтах демократии. «Правовое государство» выросло из «нравов» городских обывателей и опиралось на моральную оценку власти и законов. Наиболее заверченный вид эти философские идеи (моральные основания политики и права) нашли в изложении И. Канта². Из его трактовки этих вопросов следовало, что нормы закона, не опи-

² См. у Канта (*Кант И.* К вечному миру. Соч. в 6 томах. Т. 6. М., «Мысль», 1966): «Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы *должны* вести себя; и после того как признан авторитет этого понятия долга, явно нелепо утверждать, что это *невозможно*. /с. 289-290 /<...> Народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только правовыми понятиями свободы и равенства. И этот принцип основан не на благоразумии, а на долге <...> Только общая воля, данная априори..., определяет, что такое право у людей /с. 299/ <...> Истинная политика, следовательно, не может сделать шага, заранее не отдав должное морали, и хотя политика сама по себе трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре. Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это не стоило господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой). <...> Возможность этой формы содержится в каждом правовом притязании, потому без гласности не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только *публично известной*), стало быть и никакое право, которое исходит только от нее /с. 302/ <...> Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью <...> Этот принцип следует рассматривать не только как *этический* (относящийся к учению о добродетели), но и как *юридический* (касающийся права людей) /с. 303/.

рающиеся на «нравы» или не соответствующие моральным представлениям (принимающих в данном случае форму идеи «справедливости»), воспринимаются в современном обществе как непродуктивные и неэффективные¹. Но, вместе с тем, нет сомнения, что значительная часть законов всегда отражает интересы господствующих групп (так называемое «октроированное право»), однако их роль в современном обществе по мере усиления представительной демократии отчасти ослабевает под влиянием других интересов, трансформируется с течением времени из-за множества компромиссов и внутренних соглашений различных партий и социальных сил, превращаясь в конце концов в «пактированное право».

Как и другие институты современного социума (искусство, история, наука, нуклеарная семья, школа, фабрика, массовые коммуникации и т.п.) мораль — своеобразный продукт западного мышления нового времени, родившийся из переключки философов, мыслителей, теологов, историков и литераторов из разных стран

¹ Наиболее полно это демонстрирует российский опыт советского и постсоветского времени. Формально прописанные нормы права (объективность позитивного права) и даже Конституции легко обходятся властями, порождая практику избирательного правоприменения и несправедливого судопроизводства. Но точно также — и обывателями, вынужденными решать свои проблемы в обход решений власти. Без интернализации этих норм, то есть превращения их во внутренние регуляторы — императивы социального контроля и ценностные составляющие компонентов социального действия («совесть», которая, как известно социальным психологам, говорит «голосом матери»), закон может быть известен и учитываем в поведении действующим, но не значимым в качестве побудительного мотива действия. Двоемыслие такого рода — общераспространенное явление в репрессивных обществах. Оно свидетельствует не только о поверхностной социализации, разделении значимости (или силы) формального закона и силы обычаев или нравов, но и о недифференцированности социальных структур. Слабая дифференциация может быть как следствием неразвитости, отсталости, архаичности социальной системы, так и искусственного, принудительного подавления механизмов самоорганизации общества. Право без моральной основы является внешним регулятором поведения, то есть превращается во внешний локус контроля. Напротив, более глубокий уровень социализации — ценностный, представляет в генерализованной форме учет интересов других социальных сил и институтов, усвоенных в виде обобщенных, универсалистских императивов поведения. В этом случае мораль уже не предполагает внешнего контроля и, соответственно, применения *социальных санкций* различного репертуара. Ценностный (моральный) уровень регуляции задан исключительно собственными представлениями действующего индивида или группы, с которой он себя отождествляет. Собственно именно отсутствие социальных санкций и связанных с ними институциональных — формальных или неформальных механизмов или средств принуждения и гратификации, отказ от *наказаний* за отклонение от общепринятого и ожидаемого поведения, то есть высокая степень «терпимости» окружающих к культурному и социальному разнообразию, — становятся индикатором наличия морального уровня массового сознания.

Европы. Этот круг проблем окрашен чисто европейскими коллизиями и историческими примерами. Мораль — результат секуляризации традиционного христианского миропорядка и эмансипации отдельных сфер знания и норм внутри иерархического, сословного или кастового социума. В этом плане «мораль» остается ограниченной пространством европейской, христианской по своему генезису, культуры. (Если бы в русском языке существовали артикли, то перед словом «мораль» надо было бы ставить определенный артикль, как в английском или немецком языке). Но общность происхождения не означает единства форм или смысловых структур². Безусловно, можно найти множество функциональных аналогов «морали» как систем этической регуляции в других больших цивилизационных или культурных ареалах, таких как конфуцианская этика поведения и взаимодействия с людьми из разных сословий или слоев в Китае, или индуистская система правил кастового поведения в Индии и т.п. Но все это будут именно *аналогии* соответствующих функциональных образований (норм, ценностей, принципов). Вытекающие из них *формулы рациональности* (соединение идей и социальных интересов, то есть требований, вытекающих из отношений господства, производства и распределения, коммуникации и т.п., определяющих практическое приложение моральных постулатов) будут иметь совершенно отличную от европейской содержательную архитектуру смыслов и референций, другую метафизику. А это, в свою очередь, означает, что связанные с ними внешние институциональные формы социальных организаций или групп, которые принимают на себя задачу поддержания этической регуляции социальных отношений, их рационализацию (систематизацию и проработку, связь с другими институтами — структурами господства, семьи, экономики, права и проч.), будут существенно различными.

² Не случайно М. Шелер в своей работе «Рессантимент в структуре моралей» использует именно множественное число, тогда как в русском языке «мораль» допускает употребление только единственного числа. Нормативное сознание в этом плане не предполагает, не мыслит себе какой-либо сложности и многообразия регулятивных структур, культурного релятивизма, ограничивая тематику жестким набором социальных предписаний. Это, со своей стороны, означает, что язык — в своем роде — отражает институциональную систему конкретного общества. Авторитарный режим Путина (как впрочем и другие репрессивные режимы), выдвигая цели «сохранения традиционных ценностей», настаивая на «усилении духовных скреп» государства и общества, проводит политику принудительной примитивизации общества, поскольку дифференцирующееся и усложняющееся общество отторгает несменяемую и безотчетную власть как форму политической организации.

В этом плане утверждение о том, что в любом социуме можно обнаружить все компоненты структурно-функциональной парадигмы (в том числе и мораль), верно лишь с учетом высокой степени генерализации типологических сравнений. Но такие суждения оказываются мало продуктивным, когда мы обращаемся к анализу и описанию конкретной страны и ее истории. Общая теория имеет границы адекватности (ее нельзя использовать для непосредственного применения к задачам эмпирического исследования, ее назначение — соединение теорий среднего уровня, относящихся к отдельным предметным регионам). Поэтому бессмысленно пускаться в эмпирическое изучение «морали» или ее институциональных аналогов, не описывая источников моральных представлений, социальных групп, поставивших себе задачу внесения морали в неморальное пространство повседневности, систематизации типовых конфликтов или коллизий, возникающих у действующих акторов из разных функциональных подсистем, и чье положение в обществе зиждется именно на признании обществом их в качестве приоритетных или даже единственных «специалистов» в этой области (жрецов, священников, монахов, «культурных» лидеров, которым СМИ выдали ярлык «совести нации», и других общественных персонажей, воспринимаемых в качестве профессиональных и безупречных иллюстраций морального поведения).

Более плодотворным видится подход, предлагаемый и реализованный Максом Вебером в предметной социологии, который дал поражающие воображение примеры исследования влияния высокоразвитых этических учений, порожденных мировыми религиями и отдельными сектами, на повседневную жизнь в таких сферах, как право и господство, музыка и секс, экономика и социальная стратификация и т.п.

Это соображение — укорененность «морали» в смысловых коллизиях именно европейской культуры, особенности ее генезиса — следует учитывать и при дальнейшем анализе логической структуры моральных представлений (главным образом, при описании социальной организации общественного контроля). Сам по себе подобный «учет» должен исходить из понимания тех ограничений, которыми могут характеризоваться этические аналоги морали в других ареалах. Но для нас в данном случае важнее подчеркнуть, что сами понятия — мораль, свобода, справедливость, собственность — оказывались символическими структурами (трансцендентальными категориями, ценностями), *соединявшими* существование индивида

(его семьи, группы) с образованиями более высокого уровня социальности: с локальным или региональным сообществом (городом, землей) или с «народом» как гражданской (а не этнической) общностью, нацией и, наконец, с обеспечивающими их государственными институтами. Последнее предполагает дополнение этой идеи включением сюда исторических представлений о происхождении национальной общности, то есть наполняет это символическое образование конкретными примерами событий, оказывающихся основанием коллективных ритуалов воспроизводства «общей памяти».

Именно мораль (нравы) соединяет групповые интересы и идеалы, ставя пределы для целерационального действия (инструментализма индивидуального произвола). Именно из внутренних ограничений субъективной активности рамками «общее благо» и рождается тот дух солидарности, который лежит в основе западноевропейской демократии. Характерно, что основатели американской демократии, авторы ее Конституции, были по сути именно моралистами, идеалистами, видящими Конституцию как проективную структуру государства, результаты которой должны проявиться лишь в будущем. Они закладывали основы общественного порядка прежде всего для своего потомства, для обеспечения его свободы, безопасности, спокойствия и благополучия (но одновременно — видели в ней пример, образец решения проблем для всего человечества).

Роль религии (но не церкви) здесь, несомненно, очень важна: именно религия предполагает соотнесение обыденного поведения с планом символическим, то есть она исторически первая дает образец сочетания значений, которые имеют трансцендентный характер (то есть лежащих вне практических интересов и норм регуляции социальных групп), с практическими вопросами материального обеспечения и взаимодействия с другими акторами. Однако, в российской ситуации церковь, я имею в виду прежде всего РПЦ как социальный институт, стремится узурпировать право на такое регулирование самих разнородных посредников (частных, групповых и институциональных представлений). В принципе религиозность (метафизический, трансцендентный уровень символов) не является непременным условием возникновения и значимости морали как системы внутренней регуляции, возникновения внутренних императивов социального контроля, генерализованных и интернализованных в процессах социализации. Социологический, культурологический, философский и даже в ряде случаев

теологический (Т. Альтицер) анализ источников морали уже в XX веке освободился от неременной связи с христианством. Изучение различных религий и метафизических систем за пределами Европы дало множество свидетельств функционирования этических представлений, не связанных с монотеизмом (буддизм, индуизм и др.) или даже вообще с религией (конфуцианство). Трансцендентальность соединения собственной активности и общественной солидарности (как основа внутреннего самоконтроля и мотивации действия) могла происходить и другими способами, предполагать иные, уже секулярные основания морали («безрелигиозное христианство»). Важно лишь, что составные части этических систем всегда были гетерогенными («двумирными») структурами соотнесения, синтез которых имел форму логического, модалного шарнира или метафорического соединения общезначимых предписаний и субъективной воли. Но это в принципе так, хотя для понимания генезиса современной морали, включая и ее рецепцию в странах запаздывающей модернизации, христианские истоки морали имеют первостепенное значение¹.

Таким образом, мораль представляет тот уровень само-собой-разумеющейся, социаль-

¹ Легко всплывающее возражение против такого хода мысли: как же так, Россия же православная страна, почему же здесь проблематика морали представлена в зачаточном состоянии? — снимается, если вспомнить, что христианство русские князья приняли в «готовом виде» от Византии, практически сразу же как вероучение, подлежащее санкционированию светской властью, что подавило потенциал религиозных споров и дискуссий. Во всех случаях (разногласий между нестяжателями и иосифлянами, старообрядцами и никонянами, а позднее между сектантами и представителями Синода) верх одерживали сторонники государственной церкви, но не потому, что у них были сильные теологические аргументы, а потому, что власть силой устраняла, буквально — «ликвидировала» их оппонентов. Вплоть до середины 19 века «ересь» являлась уголовным преступлением, что, естественно, обернулось предельной косностью, догматизмом, антиинтеллектуализмом религиозной и духовной жизни страны, равно как и инерцией восприятия самодержавной власти как сакральной. В сравнении с многообразием религиозных течений в Европе, все время усиливавшимся, начиная уже с 13 века, благодаря особой социальной организации религиозной жизни в этом регионе — наличию монастырей, монашеских орденов, университетам, городам, библиотекам, теологическим диспутам, внимательнейшему взаимному изучению взглядов оппонентов, реформации и контрреформации и т. п., духовная жизнь Руси представляла собой довольно тусклую и однообразную картину, сводимую к тезису: «Братья, не высокоумудствуйте!» (см. об этом: *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 2, ч. 1. — М., Прогресс-Культура, 1994). «Симфония» церкви и государства, всевластие приказа тайных дел или его разнообразных исторических аналогов стерилизовало умственное пространство страны, стянув его до военных или чиновничьих рамок государевой службы. Поэтому ничего подобного европейской философии, искусству, истории, литературе, науке и т. п. феноменам сложно устроенной жизни, в России не возникало, как ни стараются доказать обратное идеологи «особой русской цивилизации».

ной, бесспорной регуляции, когда люди не спрашивают, почему и как. Это — совокупность конвенциональных норм, которая определяет ориентированность и границы такого поведения и отношений людей между собой, с властью, с другими институциями и группами, социальными организациями, несомненность правил поведения. Но — в отличие от традиции, обычая, глухих привычек, санкционирующих поведение через отнесение к «всегда так было», в лучшем случае — к содержанию предания, легенде, мифу, и поэтому сопровождаемых безусловным ограничением «изменять нельзя», следует «держаться заведенного порядка», «не нам менять то, что было» и т.п., — моральная регуляция включает в себя соотнесение с генерализованным уровнем общих значений: идеей общего блага и «высших интересов».

Понятие общего блага предполагает такие блага, ценности, в которых заинтересованы «все», которые распространяются на «всех», а значит — не вступают в конкуренцию или в противоречие с частными интересами и представлениями. Они не образуют поля игры с нулевой суммой, при которой одни выигрывают, а другие — теряют или проигрывают. Другими словами, общее благо — это такой тип ценностно-рационального действия, которое увеличивает совокупный баланс приобретений — безопасности, достатка, удовлетворенности жизнью, заботы о других, солидарности и достоинства отдельных индивидов и всех членов вместе. Примером такого блага может служить «национальное государство», проводящее политику защиты национальной культуры, повышения уровня массового образования, медицины, солидарности поколений и проч., или правозащитные, гражданские организации, или любые формы благотворительности, общественной самоорганизации (например, НКО), не направленные против интересов других групп.

Этот уровень регуляции может быть (содержательно) легитимирован и обоснован самым разным образом: религиозно, через рационализацию божественных заповедей и предписаний (т.е. трансцендентно), либо светски и метафизически — какой-то рациональной этикой или идеологией спасения, или, допустим, сословно — честью и достоинством особой группы (в ее отличии от других групп). Но мораль современного (модерного) общества в данном случае апеллирует к идее (ценностям) «общего блага», не блага частных существований, а именно блага для всех (!), а потому — идеального (обобщенного), высокого, внеповседневного — «высшего интереса» «всех», «общества».

Понятая таким образом, мораль (регулятивная система) является предпосылкой самоконституирования общества (society, Gesellschaft) как системы социальных взаимоотношений, основанных на солидарности и взаимных интересах (то есть не имеющих и не предполагающих отношений господства!).

Безусловно, система власти (господства) является неперменной частью социальной системы социума в целом, но было бы ошибкой (очень распространенной в посттоталитарных и авторитарных странах) отождествлять социум и общество (тем более государство и общество) как специфический тип социальной структуры. Мораль в этом смысле является предпосылкой и условием формирования представительной системы власти (ограничения пределов суверенитета господства и предупреждения перерождения власти в деспотический произвол), с одной стороны, с другой — высшим, идеальным регулятивом деятельности бюрократии (условием ведомственной институционализации харизмы). «Общее благо» — это квинтэссенция этики служебного долга бюрократии, условие ее технического функционирования («без гнева и пристрастия»), строго формально и исключительно в рамках установленной компетенции чиновника¹.

В логическом, точнее — в методологическом — смысле мораль является трансцендентальной смысловой структурой, соединяющей два плана значений: фактическое и должное (предписывающий план значений, соответственно, задает модальность возможного образца поведения как императив действия). Мораль представляет, таким образом, совокупность всегда более или менее рефлексированных образцов *разрыва* фактического и должного, что, в свою очередь, образует паттерн и мотив движения к более высокой норме общего, являющейся предпосылкой для последующей социальной дифференциации. Без минимального морального базиса процессы развития (автономизации, усложнения, структурно-функциональной дифференциации) просто невозможны. Мораль не может возникнуть в «простом», недифференцированном обществе. Она возникает только там, где формируются многосторонние связи отдельных людей, относительно независимых (автономных) социальных образований и групп, причем она возникает именно как принцип или норма согласования интересов и правил поведения.

¹ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1972, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), S. 125-130.

Важным признаком такого состояния становится выделение специализированных структур и институтов, ответственных за согласование нормативных систем и обеспечивающих их поддержание (в некоторых случаях — и контроль, по крайней мере, на начальных стадиях дифференциации) — сословие священников, исповедующих мирян и тем самым вводящих идею моральной калькуляции поступков исповедующегося, профессиональных психологов, врачей, в других случаях — муфтиев или кади и проч².

Идея «общего блага» (морали, основанной на идее общего блага) отличается от обычной или привычки тем, что она дает импульс социальной сублимации, самовозвышению, «томлению» по более высокому порядку, в отличие от совокупности механизмов понижающей адаптации как общераспространенной регулятивной базы в репрессивных режимах. (Последняя строится по известным схемам: «уши выше лба не растут», «плетью обуха не перешибешь», «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»³ и т.п.). Мо-

² Нет нужды специально говорить о том, что моральная рационализация частного поведения — исторически крайне сложный и длительный процесс, включавший в себя и постепенную выработку специфических представлений не только о конечном — Страшном — суде, но и о по-сторонней возможности расчета грехов (в католичестве — это идея Чистилища, индульгенций, исповеди), в протестантизме — идея предопределенности избранничества и вытекающей отсюда необходимости методического самоконтроля в повседневных делах, прежде всего — в труде и в потреблении. В православии аналогов подобных практик и вырабатываемых представлений (идей) не было, оно не поднялось в своем развитии до осмысления уровня личных отношений индивида с богом, удовлетворяясь требованием полной передачи ответственности за индивида церкви, что отражает ее статус и функции в абсолютистском социуме. (Может быть, лишь в XX веке здесь начинает пробиваться мысль о персоналистском характере веры и личном боге).

³ Там, где доминирует идеология патернализма, не следует искать следы присутствия в умах идей свободы или ответственности; там в той или иной форме сохраняются репрессивные структуры отношений господства и подчинения, равно как и отношения взаимного недовольства, недоверия и обмана (включая и самообман). Если обратиться к данным опросов, характеризующих динамику представлений о «необходимости заботы государства» «об обычных людях», то мы увидим, что доля подобных представлений (или их настоятельность) заметно выросла: с 57% (1990 г.) до 83% (август 2013 г.). — Пресс-выпуск Левада-центра от 25 августа 2013 г. И одновременно, на протяжении последнего десятилетия 62-65% опрошенных, отвечая на вопрос: «Как бы вы определили свои отношения с властью?», заявили, что они «живут, полагаясь только на самих себя и избегая вступать в контакты с властью», 21-27% — что «их жизнь во всем зависит от власти». // ОМ — 2012, с. 37, табл. 3.6.18. Из распределений ответов опрошенных аналогичного по характеру, но в другой формулировке, вопроса («На что Вы сейчас рассчитываете?...»), в среднем (за период 1996-2012 гг.) 75% респондентов заявили: «на свои силы и возможности», 24% — «на социальную защиту и поддержку со стороны общества и государства». — Там же, с. 59 (табл. 6.3).

ральный комплекс представлений современного общества принципиально расходится с идеологией патерналистской «заботы государства», признание которой сразу же вводит отношения неравноправия и зависимости¹.

Попытки вернуть церкви (в данном случае я имею ввиду прежде всего православную церковь) ее прежнюю функцию институционального посредника между властью и моралью (нравами) общества несостоятельны по двум причинам: во-первых, культурной отсталостью и архаичностью самого православия как учения, его метафизики и богословия, неспособностью нынешнего духовенства — в силу низкого уровня светского образования «персонала» — отвечать запросам более образованного общества, по крайней мере его средних и высших слоев (населения крупнейших мегаполисов, уже прошедшего определенные фазы модернизации и вестернизации). А во-вторых, и это главное — РПЦ, став фактически государственной церковью, оказывается неавторитетной в качестве института миссионерства и проповедничества евангельского учения и образа жизни. Десятину мало кто собирает из православных вносить, пожертвования со стороны населения явно не соответствуют представлениям и аппетиту иерархии, православные ТВ-каналы имеют крайне незначительную аудиторию и т. п. Подозрения в лицемерии и ханжестве, стяжательстве, алчности не только высших иерархов (прежде всего — патриарха Кирилла, оказавшегося в центре целой серии скандалов такого рода), но и рядовых батюшек, даже обвинения в педофилии среди священников остаются неустрашимыми. Поэтому РПЦ, отвечая массовым запросам на инстанцию морального авторитета, может функционировать лишь как ведомство магических ритуалов, обрядов, поддержания ожиданий чуда и т. п. мифологических структур массового сознания.

Подытоживая выше сказанное, я бы определил мораль как структуру смыслообразова-

ния, устанавливающую в зоне своей значимости осмысленные нормы поведения — взаимодействия с другими действующими лицами. Моральные принципы (= сам механизм надления смыслом разнородных фрагментов действительности, кажущихся иррациональными до того, пока они стали предметом смыслового синтеза) соединяют воедино некоторые содержательные идеи (включаемые в понятия общего блага) и групповые интересы, образуя ограниченное пространство *возможности* действия как *должного*. Таким образом, *мораль — это особый тип рациональности*, указывающий индивиду то, как должны соотноситься обстоятельства конкретного действия с представлениями об общем благе и общих интересах членов всего общества. Этот тип рациональности значим наряду со многими другими типами (например, инструментальной, целевой рациональности, наиболее полно представленной в экономическом поведении, в технике или когнитивной рациональности, институционализированной в форме науки) идеологической и религиозной и т. п.

Принципы морали не содержат конкретных предписаний, как следует вести себя в тех или иных ситуациях. Они представляют собой лишь общий алгоритм для субъективного выбора, то есть принцип решения дилеммы действия, поскольку действующий в современном обществе всегда стоит перед противоречивым набором мотивов поведения, обусловленным разными ценностными побуждениями индивида, его желаниями, стимулами, включенностью в разнородные групповые или институциональные отношения. Чем сложнее структура общества, то есть чем более многообразно ролевое поведение субъекта действия, обусловленное принадлежностью к различным социальным группам (и их гетерогенным культурным ресурсам), тем более актуальным и значимым оказывается принцип моральной самодетерминации поведения. «Мораль» (моральное поведение) поэтому — такая же структура синтетического (рефлексивного, игрового — по терминологии Ю. Левады) действия (= суждения), что и другие формы или механизмы смыслообразования — тропы, ядерные метафоры научных теорий, религиозные идеи бога или метафизические постулаты, генерализованные ценности — доверие, любовь, справедливость, современность и прочее. Мораль — это сложносоставное, закрытое (т. е. внутренне ориентированное и организованное) социальное действие², в котором действующий

¹ Идея общего блага в советское время, если и существовала какое-то время (например, в идеологических проработках коммунистической пропаганды), то умерла она вместе с коммунистической идеологией. Допустимо полагать, что она была значима лишь для некоторых категорий средней бюрократии и молодого поколения советских людей, то есть социализированных уже в условиях полного господства институтов тоталитаризма с его миссионерством, утопизмом, всеобщим навязыванием «единомыслия». Замещение перспективной идеологии коммунизма национализмом (этническим или имперским, русским) меняет не только временной вектор идентичности, но и отрицает само понятие «общего блага» как блага для всех, скрыто вводя вместо этого идею исключительности (этнических русских), особенности, отдельности от остального мира.

² Левада полагал, что функции «игровых» структур социального действия заключаются прежде всего в связывании различных сфер социальной жизни, институционально разделенных. В ходе игры сами

субъективным образом (не «нормативно!»), без санкций угрозы наказания или, напротив, поощрения, соединяет в относительно непротиворечивое смысловое целое (= проективную структуру собственного поведения, собственной жизни) *императивы и нормы различных социальных институтов и групп*, решая таким образом антиномии собственного выбора. Мораль в этом плане образует общее основание для органической интегрированности общества (в отличие от механической, принудительной – полицейско-бюрократической).

В отличие от других механизмов смыслообразования мораль конституирована всегда таким образом, что она имеет бóльшую временную размерность, чем прочие ценности: моральные события субъективной жизни действующего соотносятся (должны соотноситься в соответствии с идеей морали) с воображаемой конструкцией целостности законченной, т. е. прожитой жизни индивида. Можно сказать более категорично: только «мораль» предполагает регулятивную идею *целостности личности*, конституируемую от мыслимого конца ее жизни – смерти, образующей законченный сюжет прожитой жизни человека (возможную или воображаемую биографию), а значит – той точки, позиции, исходя из которой сам индивид может контролировать свое поведение и рассчитывать

эти институциональные нормы и правила, относящиеся к разным институциональным системам, становятся частью внутреннего автономного пространства, в котором действующий должен самостоятельно, субъективно переосмыслить, переинтерпретировать, переозначить их и соединить в относительно непротиворечивый набор мотивов и средств собственного действия. «...Все ролевые и смысловые трансформации происходят внутри игровой реальности, на рубежах, разделяющих ее [игры – ЛГ] структурные компоненты, а не на рубеже игра / реальность» – Ю. Левада. Игровые структуры в системах социального действия. – *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993, с. 103. Другими словами, именно в игровых структурах происходит субъективация, субъективное освоение, переструктурирование внешних групповых и институциональных императивов и предписаний, согласование их с другими ценностными представлениями и интересами. Так закладываются условия для появления социальных механизмов нормативного или ролевого синтеза, гибких форм и структур согласования различных кодов поведения, регулирующих разные сферы социальной жизни, правила и предписания поведения в которых могут принципиально, радикально расходиться, порождая ценностно-нормативные конфликты. Именно игровые структуры действия становятся условием формирования личности современного типа, обладающей относительной автономией по отношению к своему окружению, а значит – руководствующей в первую очередь собственными принципами, собственными интерпретациями групповых, институциональных, профессионально-ролевых и т.п. значений, более независимой к давлению оппортунистического большинства. Появление таких структур, а значит – и лиц с более сложной внутренней организацией указывает на возможности и перспективы процессов социальной, структурно-функциональной дифференциации, а стало быть – на условия интенсивного развития общества.

баланс добра и зла, произведенный им самим. Другим образом значения «целостности личности», к которой только и можно предъявлять претензии «отвечать за себя», не возникают. Мораль всегда предполагает сильное Я (развитую, рефлексивную структуру личности), в отличие от крепостного, зависимого, патерналистского сознания (или «слабого Я»).

Мораль (этим она отличается от всех разновидностей традиционной этики) – позднее культурное и социальное образование, выделяющееся из традиционного социума, возможное только в условиях интенсивно дифференцирующегося социума с выделяющимися специализированными зонами ролевого взаимодействия, особыми значениями и правилами жизни¹. Поэтому проблематика морали – продукт тематизации прежде всего современного искусства (воображения) и религиозного мышления (религиозной философии) в условиях быстро развивающейся секуляризации.

Страны с представительской политической системой оказываются особенно чувствительными к проблематике морального поведения высших лиц государства, репрезентирующих ценности всего коллективного целого. В так называемых «демократических странах» (государствах с представительской системой формирования власти) отношение к моральной чистоплотности публичных фигур чрезвычайно трепетное и строгое. Дело не в общественном ханжестве (на которое любят ссылаться наши высокопоставленные циники: дескать,

---

¹ «Сегодня о всеобщем нравственном кризисе говорят больше всего там, где с историческим опозданием происходит десакрализация нормативных систем и связанное с этим «приземление» господствующих социальных норм. Понятно, что это относится и к нашей стране, как будто надолго застрявшей на историческом перекрестке, где сошлись одновременно переоценка и десакрализация религиозных, политических, моральных критериев, казавшихся незыблемыми. (В этом перечне фигурирует и религия, так как наблюдаемое возрождение церковной жизни не возвращает ей функции высшего мировоззренческого и нравственного контроля в обществе.) <...> В обществах, прошедших подобные катаклизмы ранее (и в разные периоды), десакрализация и переоценка высших нормативных конструкций означала не только приземление «высших» нормативных структур, но одновременно и утверждение важности, серьезности «низших», обыденных практически-ценностных и утилитарных уровней таких структур. Трудное избавление «человеческих» отношений от сакрального и псевдосакрального контроля происходит по мере того, как утверждается серьезность обыденного, впитавшего наследие длительной и многообразной культурной традиции. Наше общественное сознание пока – и не без оснований – заиклено на одной стороне этого процесса – на его трудности, мучительности, противоречивости. Отсюда и встревоженные суждения о релятивизации всех и всяческих нормативных критериев. Отсюда же и перипетии таких категорий, как «истина» и «правда» в общественном мнении». – *Левада Ю.* «Истина» и «правда» в общественном мнении. Проблема интерпретации понятий // Ищем человека, с. 223.

езде политика грязное дело, везде коррупция и всегда политики обманывают обывателей и лицемерят), а в понимании смысла самой процедуры селекции во власть и сути неформальных, не кодифицируемых законом, но общественно значимых требований к человеку, выходящему на публичную сцену. Проблемы пургенизации политики — дело западных СМИ и публичных дискуссий по этому поводу. Система публичного контроля «морального облика» — личной порядочности, честности, соответствия потребительских расходов заявленным в налоговой декларации и т.п. является крайне жестким фильтром для авторитарных демагогов и потенциальных деспотов. Расхождения между словами и поведением, на российский взгляд, в мелочах, не заслуживающих внимания, может служить тревожным индикатором неблагополучия, включающим систему общественного предупреждения об опасности. Таковы примеры отставки американского министра труда из-за обвинения в найме нелегальной мигрантки в качестве домработницы, немецкого министра из-за использования в частных целях служебной машины, скандалы с политиками из-за оплаты за счет казны авиабилетов при уходе в отпуск, отставка британского министра из-за хамски неуважительного тона по отношению к полицейскому, охраняющему вход в министерство, случаи ухода немецких министров из-за давнего плагиата в диссертации и проч., не говоря уже о более существенных деликтах, вроде счета в иностранных банках (недавняя отставка французского министра) или лжи в официальных выступлениях¹. Другими словами, в старом споре социологов: что первично (что более значимо в системах объяснения социальной динамики) — культура, идеи, люди или социальные институты, ответом может быть лишь одно: констелляция некоторых из возникающих идей и вполне определенных интересов конкретных социальных групп может привести при благоприятном стечении обстоятельств к институционализации отмеченных и желаемых форм социального поведения и их последующему закреплению в общественном сознании. В этом плане границами индивидуальных моральных девиаций становятся институциональные

¹ На фоне обычного поведения российского политического класса все эти инциденты кажутся смехотворными. Перечислять даже не конкретные случаи, а виды злоупотреблений и казнокрадства среди высшего слоя руководства или регионального чиновничества в данной статье бессмысленно и невозможно, каждый день СМИ, интернет приносят новые факты, иллюстрирующие наглость, самодурство и коррупцию правящей элиты.

рамки поведения. Они начинают играть роль нормативного каркаса общества. Сами по себе люди в истории не становятся лучше или хуже (мораль — это горизонт оценочных суждений, а не уровень качества людей), но нормативные системы, институционализируемые, то есть закрепляемые правом, общественным мнением, системой публичного контроля и рефлексии, несомненно, могут служить показателем цивилизованности тех или иных стран (субъективных представлений о социальном благополучии, удовлетворенности жизнью, безопасности, защищенности от насилия, доверии людей друг к другу, терпимости, подавлении агрессии, альтруизме, солидарности и т.п.).

Ничего подобного указанной системе категориальных соответствий и общественных практик (западноевропейской морали Нового времени) Россия не знала в своей истории².

Крепостное состояние всех сословий (а не только крестьянства) по отношению к самодержавию не допускало идеи страхования от угрозы деспотизма — разделения властей. Архаические представления о власти (традиционный, сакральный характер самодержавного правителя и пирамида патримониальной бюрократии массового управления) предопределили не только длительное существование крепостничества, холуйство дворянства и аристократии, ничтожность ценности частной человеческой жизни, но и реинкарнацию крепостного сознания в советское время (и не только у колхозников!), вплоть до нынешних дней.

Недолгая, но интенсивная фаза модернизации конца XIX — начала XX века, следовавшая через поколение после реформ 1860-х годов, сопровождалась появлением общественно-политических движений и чем-то похожим на «morals». Однако доминирующим в политике того времени все равно оставалось представление (явное, например, у А. Столыпина) о недопустимости политических компромиссов, механизмов согласования интересов, уступок

² Приводя в качестве примера «моральности» американскую или европейскую демократии, я вовсе не собираюсь противопоставлять им фатальную предопределенность российской истории. Моя задача ограничивается в данном случае методологической необходимостью показать, что мораль в социологическом смысле — это не предписание известного рода, а система соотношений разных планов действия и общественных структур: плана символических значений, инструментальных — политических — общественных образований и интегративных механизмов, обеспечивающих солидарность *действующего*, то есть *активного субъекта* с общностями более высокого уровня — группами, институтами. Проблема российского либерализма в том, что здесь связи такого рода систематически подавляются и стерилизуются, уничтожаются.

со стороны самодержавия и продуктивности насилия как инструмента «правильной» организации отношений общества и власти. В этом плане формирование морали и, соответственно, появление «общества» в дореволюционной России разрушило основания для архаической государственной системы, не выдержавшей напряжений Первой мировой войны, войны нового, промышленного, массового типа. Вместе с тем, остатки предшествующего, пусть слабого морального сознания, уже существовавшего в тончайших слоях новых классов самодельного населения в начале XX века (предпринимателей, людей свободных профессий, земства, интеллигенции), были стерты вместе с группами их носителей во время террора 20-х и тем более 30-х годов.

В массовом сознании понятия морали в этом смысле нет и сегодня. Что-то отдаленно напоминающее ее проявилось в ходе недавних демонстраций на проспекте Сахарова и Болотной площади, но и здесь оно слабо связано с императивом собственной активности. Отсутствие морали теснейшим образом обусловлено сознанием невозможности защитить и отстаивать свои права, а без их институциональных гарантий не возникает чувство собственного достоинства, даже — понятие чести. Нельзя быть преисполненным чувства собственного достоинства и жить в условиях хронического состояния зависимости от государственной власти¹ (что не означает полного отсутствия чувства собственного достоинства в очень узком кругу людей, ограниченных нормами высококвалифицированных профессии, специальностей и т.п., но такое не распространяется за пределы социального фрагмента, зоны «игры» социально близких людей в левадовском смысле). Государственный патернализм², основа нынешнего социального порядка в России, не предполагает и не допускает каких-либо конвенций («общественного договора») населения и власти. Следы прежнего крепостного сознания проступают сегодня в отчуждении от политики или нежелании участвовать в ней, брать на себя соответствующие обязательства. Идея «общественного

¹ От 75 до 80% россиян на протяжении почти 20 лет раз за разом заявляют, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства» — ОМ-2012, с. 40, табл. 3.6.26. И тем не менее, живут, как утверждают две трети опрошенных, «полагаясь лишь на самих себя» — там же, с. 37, табл. 3.6.18. В данном случае мы имеем характерное разделение нормативного представления и фактической констатации положения вещей.

² Маяковский (поэма «Хорошо»): «...мы только мошки, мы ждем кормежки, закройте время вашу пасть, мы обыватели, нас обувайте вы, и мы уже за вашу власть».

договора» в российских условиях никогда не существовала как реальная программа или основа для социального порядка, консенсуса, это — иллюзия или благодушный самообман либералов и технократических консультантов власти. Поэтому критика коррупции или неприличной нуворишевской роскоши высшего руководства страны (включая сведения о президентских или премьерских дворцах и яхтах или «шубохранилищах» их приближенных) практически не затрагивает массового отношения к тем или иным персонам во власти³.

Таким образом, мы имеем дело с двойным набором причин моральной несостоятельности российского общества: первое — эффектом разложения морали (развращением) под действием репрессивных структур тоталитарного, а затем — авторитарного и коррумпированного государства и, во-вторых, неразвитостью, не модернизованностью низовых и провинциальных слоев и зон населения, «недоморалью» населения, сохранением полуразрушенного этического традиционализма, отсутствием универсалистских представлений. Соединяясь вместе, эти обстоятельства и производят такой эффект общей моральной несостоятельности российского общества. Кроме того, имеет смысл подчеркнуть этот момент, сохранение примитивности социальных отношений и самопонимания граждан, сниженного нравственного и интеллектуального уровня населения целиком объективно соответствует интересам и практике государственной бюрократии российского типа: простыми людьми, лишенными чести и достоинства, компетентности и знаний легче командовать и управлять. Любая бюро-

³ Непробиваемое, крепостное равнодушие не только к фактам массового диссертационного плагиата высших лиц (от Путина и Жириновского до Собянина или каких-то безымянных сенаторов и депутатов) или к сведениям о сомнительной по происхождению собственности, к всеобщему казнокрадству, к потере в архивах дела (доклада) М. Салье о коррупции в питерской мэрии в начале 90-х годов, в которой замешан В. Путин, и т.п., и т.д., говорит о том, что в общественном мнении нет связи между коррупцией, лживостью руководства и массовым насилием, то есть между политикой и частной жизнью граждан. Чем это оборачивается: войной в Чечне (окончившейся после десятков тысяч убитых и покалеченных, фактическим ее отделением или полуотделением), крупно-, средне- и мелкомасштабным рейдерством в экономике, деградацией правовых институтов, превращением страны в поле бесчисленных «кущевок», ухудшением отношений со всеми соседними странами — остается за рамками публичного поля. Одно только обязательство содержать кадировский режим ради фиктивной целостности государства обходится ежегодно в сумму, превышающую 30 млрд. долларов. И это никому не кажется уже странным. Когда-то, во время переговоров в Хасавюрте генерал Д. Дудаев требовал от российского руководства компенсации в 2 млрд. долларов за разрушения первой войны, и тогда эта цифра казалась чудовищной.

кратия, а бесконтрольная со стороны населения тем более, может функционировать лишь постоянно и систематически упрощая и нивелируя имеющееся ценностное разнообразие, подгоняя «социальный материал» под общие положения своих инструкций. Аппарат нынешней власти тем охотнее это делает, что средств заставить его отвечать за свои решения и проводимую политику, за низкий уровень компетентности ни у населения, ни у самой верховной власти нет. Поэтому для обывателя есть лишь два варианта: подчиниться тому, что соответствует интересам правящей группировки, или обходить принятые бюрократией правила поведения.

Другими словами, «слабость» морального сознания российского общества (несостоятельность морали как структуры коллективных регуляций) связана с тем, что я называю «понижающим трансформатором», а Левада (более точно) — «стратегией понижающей адаптации», необходимостью уживаться с произволом самодостаточной власти. Репрессивный и аморальный характер российского социума не есть сущность сама по себе, это не просто проявление злой воли или природной низости населения, их «естественного», прирожденного стремления к дисквалификации и унижению Других, а следствие более примитивного, чем само российское общество или, как минимум, продвинутых и образованных групп, устройства власти — государства, церкви, их стремления удержать коллективные представления подчиненных на доступном ей (властной элите) уровне. Аморализм есть результат систематического понижения, упрощения социальных отношений, вызванных приспособлением к архаической и примитивной системе господства.

2. Конец советской интеллигенции: последствия для массовой «морали»

Живи, но пребудь навсегда дураком!
Не блестяще... но как практично!
М. Салтыков-Щедрин¹

С распадом советской системы закончилось существование двусмысленной интеллигентской культуры 1960-80-х годов с ее специфическим сервиллизмом и сопротивлением государственному насилию; именно она была держателем нормы гуманности в советском обществе. Интеллигентская культура отличалась своеобразной двойственной структурой:

¹ Салтыков-Щедрин М. Дневник провинциала в Петербурге. Собр. соч. в 10 тт., т. 4. Изд-во «Правда», 1988, с. 80

большая часть ее представителей занималась обслуживанием власти (подготовка кадров, оправдание власти и ее политики, цензура, технологическое обеспечение массового управления и т.п.). Однако, претендуя на значимые социальные позиции, интеллигенция настаивала на признании уважения к себе и известной автономии как обладательнице специальных знаний и умений. Перспективы отстаивания своей автономности от властей связаны были не с ее собственными достоинствами (идеализмом, совестливостью, гуманностью, ценностями, которыми она якобы руководствовалась), а с утилитаризмом использования ее знаний и компетенций. Если для начальства смысл интеллигентского существования заключался в безоговорочном обслуживании режима, то «для себя», для внутренней консолидации и поддержания групповой идентичности интеллигенции в ходу были представления о ее миссии посредничества между властью и народом, соответственно, защите бедных, просвещении как тех, так и других, ограничении властного произвола, и, напротив, консультировании номенклатуры для обеспечения эффективности управления и решения поставленных властью задач. Без защиты этого своего статуса и признания со стороны власти значимости знаний, культуры, собственный авторитет интеллигенции сводился к нулю, то есть вся ее роль ограничивалась лишь функцией исполнения указаний начальства. Дело не в том, что определенная часть интеллигенции искренне и бескорыстно боролась за свободу духа, слова и мысли; дело в том, что за возможностью признания этих ценностей стоял вполне определенный корпоративный и социальный интерес: только при условии утверждения этих ценностей и компетенций в обществе (и усвоении этой мысли даже советским начальством) желаемый высокий социальный статус, авторитетность и престиж (вместе со всякого рода привилегиями, материальными благами, премиями и наградными цацками) мог быть достижим хотя бы для части интеллигенции. Поэтому наряду с искренним холопством интеллигенции, в ней всегда присутствовал периферийный слой носителей высокой культуры, потребность в «учителях жизни», сознание необходимости быть «совестью нации», как называли подобных персонажей, правда, обычно после их смерти. Благодаря этой двойственности интеллигентской культуры в обществе удавалось сохранять некоторое подобие моральных координат реальности, которые после ее ухода подверглись стремительной эрозии.

Советская интеллигентская культура возникла (одновременно с критикой «культы личности» Сталина) в качестве самообоснования репродуктивной бюрократии советского времени. Стимулами для осмысления опыта прошлого стала война, вина власти за поражения первых лет, за громадные потери и безжалостное растрачивание людей, сговор Сталина с Гитлером и тем самым — провоцирование войны, безответственность руководства на всех уровнях, стремление определить цену сохранения советской власти. Носителем этой культуры было не само военное поколение, а непосредственно следующее за ним — рождения 1930-40-х годов. Лишь этот один слой производил «понимание» советской истории. Интеллигенция держалась лишь до тех пор, пока сохранялась советская власть, которая обеспечивала ее существование, а затем — этот слой рассыпается, деградирует и интеллектуально, и морально, и исчезает, оставляя за собой пространство цинизма и недоразумения. Распад государственной организации культуры и замещение ее массовой культурой привели к разрушению связей между центром и периферией, к изменениям в механизмах передачи образцов от «интерпретаторов» или носителей высокой культуры к реципиентам — зависимым в интеллектуальном и моральном плане потребительским группам. С крахом интеллигенции временно ослабла культура страха и памяти. Феноменальным выражением этого процесса оказался крах литературной культуры, организованной вокруг толстых литературных журналов¹, сокращение массового чтения (уменьшения числа читателей в стране), стремительная коммерциализация высшего образования, резкое усиление роли массовой коммуникации (увеличения числа средств массовой коммуникации — тонких иллюстрированных журналов — женских, мужских, подростковых, по интересам и т.п., развлекательных ТВ-каналов, радиостанций), экспансия массовой

¹ За несколько лет, с 1991 по 1995 гг. тиражи самых известных изданий («Нового мира», «Знамя», «Дружбы народов», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник» и других) упали с 0,8—1 млн. (у «Нового мира» некоторое время было даже 3,5 млн. экз.) до 3-7 тыс. экз. Еще сильнее сократились читательские аудитории у популяризирующих науку изданий («Наука и жизнь», «Знание — сила», «Химия и жизнь» и им подобные), несших стандарты Просвещения, веры в прогресс, естественнонаучную этику рациональности и гуманизма. Вместе с ними исчезли массовые каналы репродукции держателей интеллигентских ресурсов знания, механизмы интерпретации и моральных оценок текущих процессов. Литература утратила свой прежний статус и всякую значимость. То же самое произошло с отечественным кинематографом. Разорваны оказались и связи между академической наукой и образованной публикой. На смену им пришли ТВ с их оккультным, магией, экстрасенсами и — отчасти — православием.

культуры, в которой доминантная роль принадлежала презентации потребительских ценностей и ориентаций. И, наконец, завершило этот период радикальных изменений появление интернета, снявшего в принципе проблему культурных и моральных авторитетов.

Следствием подобных изменений оказалась устойчивая тенденция к общей примитивизации общественной жизни и выход на общественную сцену людей, демонстрирующих особый стиль «успешной жизни» и циничного отношения к другим, к проигравшим². Как показывают социологические исследования, определенное — и более проработанное — отношение к государственному насилию сохранилось лишь у тех, кто сознает опасность повторения репрессий, кто боится их. Лишь у них сохраняется историческая память о той эпохе и характере советской системы, так как они в состоянии учитывать исторические уроки; понятно, что это образованные, пусть даже и поверхностно образованные, группы, обладающие некоторыми интеллектуальными средствами рефлексии и культурными ресурсами; они более встревожены ситуацией в стране, более критически относятся к нынешней власти, понимая потенциал угрозы, исходящей от нее. Поэтому после ухода интеллигентской культуры, в образовавшейся пустоте идей и представлений о будущем, уже при Путине, в окружении которой особую роль играли бывшие сотрудники КГБ (родившиеся в середине 1950-х-начале 1960-х годов, прошедшие социализацию в условиях брежневского безвременья, реакции и наступившей деморализации), в идеологической практике воцарился дух мстительного консерватизма, реванша и демонстрации наглой силы.

Переход от интеллигентской культуры к массмедиальной, к культуре СМИ сопровождается резким понижением интеллектуального, морального и культурного уровня, даже не из-за идеологических интересов контролирующих ТВ и СМИ органов власти, госбюрократии, а просто в силу самой технологии и социального устройства СМИ, их неизбежной — в условиях госкапитализма — ориентированности на массового потребителя. Например, сегодняшние телевизионные передачи — сериалы на «исторические темы» оставляют за рамками внимания и сюжетного нарратива несколько вещей, принципиально важных для

² Внимательные наблюдатели довольно рано отметили появление публицических фигур этого особого типа: см.: Дилигенский Г. Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?... М., МШСЭИ-Интерцентр, 2000, с. 414-417.

морального осмысления прошлого: характер и структуру социальной организации советского общества сталинского времени, номенклатурный принцип власти (сращения партии и государства), функции идеологии, социальную направленность репрессий и другие особенности функционирования тоталитарных режимов. При этом теряется главное — субъектность представлений об истории (история как взаимодействие различных действующих лиц), и, следовательно, институциональная природа государственного насилия и его последствия для морали общества (оснований общественной солидарности). Устранение субъективной ответственности сопровождается резким упрощением или — что то же самое — архаизацией сознания, в том числе и представлений о прошлом, всплывает нуминозный пласт сознания — представления о несоизмеримой с человеком мощи и силы государства, сакрализация власти как символического воплощения коллективных ценностей, и ничтожности в сравнении с ним, неценности частного, индивидуального человеческого существования, получающего свой смысл только в обратной проекции на него значений государства.

В результате имеет место не только специфическая разгрузка — тривиализация или банализация представлений о советском прошлом, моделируемом по сегодняшним лекалам зависимого от власти человека, но и превращение прошлого в набор отдельных сцен и картин *бессубъектной истории* и тем самым — вытеснение специфики тоталитарного общества, «партии-государства» из сферы актуальной публичности. По существу, на сталинское время переносится модель самопонимания человека путинского времени, обезличенная, обезличенная стихия социальности, характерная для нынешнего режима.

2000-е годы отмечены завершением короткого периода российской «демократии», оказавшейся не более чем переходной фазой ослабления репрессивного государства, трансформации тоталитарной системы в авторитарный режим. Эта несколько более сложная по составу социальная система господства в качестве основы для своей легитимности имела этос «общества потребления». Мотивация и смысл «потребления» в 2000-е годы мало связаны с GRATIFIKACIEY личного труда. Напротив, в очень большой степени потребительская мораль стала выражением «подавленных» или «отложенных желаний» родителей нынешних потребителей, проживших свою жизнь в условиях социалистической уравниловки и при-

нудительного аскетизма плано-распределительной экономики, и от образа жизни которых молодое поколение стремится всяческим образом дистанцироваться как от «совкового прошлого», идентифицируя себя с жизнью в «нормальных странах». «Общество потребления» в России, характеризующееся очень коротким временным горизонтом, нетерпеливыми установками «здесь и сейчас», — это не «средний класс» в западном смысле слова. Российская рыночная экономика остается сильнейшим образом зависимой от власти, в ней огромное значение приобретает распределение административной ренты и коррупционных ресурсов, деформирующих общественный смысл «достижения». Поэтому потребление здесь теснейшим образом связано с символической демонстрацией статуса, знаков социального престижа как выражением социальной полноценности индивида, что следует рассматривать не только как инерцию «подсознания» дефицитарного социалистического общества, но и как отражение массовых комплексов неполноценности, социальной незначимости. Другими словами, сам по себе феномен «демонстративного потребления» указывает на несостоятельность субъективности и морали («общества»), то есть на отсутствие других механизмов GRATIFIKACIEY, кроме демонстративной причастности к привилегированным группам. Это не причина, а симптом ценностных дефицитов. Поэтому в таком, вневременном, контексте осмысление травматического опыта прошлого (в том числе — национального стыда и страха) оказывается ненужным. Отказ от прошлого означает, что будущее предстает как бесконечная или многократная итерация настоящего (с повышением качества потребления). Подобный тип ценностных регулятивов делает ничтожной значимость культуры, а вместе с ней — и представления о более сложных запросах и понимании жизни, чем нормы потребительского образа жизни.

Нынешнее ослабление идеологии государственного патернализма в среде самых продвинутых групп населения (с осознанием подавленных возможностей политического участия) легко допускает сочетание потребительского гедонизма с готовностью уживаться с авторитарным режимом. Другими словами, идет общая ювенилизация жизни (в том числе — инфантилизация коллективной, публичной жизни). Это не развивающееся общество, а общество повторяющееся, воспроизводящее механизмы интеллектуальной и моральной самокастрации.

3. Распад системы обнажил репрессивные институты

«Политика» в России всеми участниками взаимодействия общества и государства воспринимается как сфера легального господства, монополизированная номенклатурными группировками или кланами высшей бюрократии, закрытая для других групп и контроля со стороны общества. Хотя это господство, несомненно, имеет легальный характер, но оно далеко не всегда и отнюдь не всеми в обществе признается в качестве *легитимного*. Расхождение легальности и легитимности носит принципиальный характер применительно к постсоветской действительности, как бы парадоксально это не выглядело с точки зрения веберовской концепции господства. Призрачность или фиктивность разделения ветвей власти (при полном доминировании вертикали власти во главе с президентом над парламентом и судебной системой, узурпировании президентом полномочий всех других ветвей власти) означает, что право (как конституционное, так и гражданское, хозяйственное или уголовное) оказывается инструментом манипулирования (например, инспирированных уголовных процессов, за которыми скрываются политические расправы¹), реализации корпоративных или групповых интересов, административного произвола, но также и составной частью технологии самолегитимации власти (путем пропаганды, управляемых выборов, зависимого суда и других органов принуждения). Перманентное подавление контроля общества над властью предполагает отсутствие механизмов привлечения к ответственности держателей власти (несменяемость высшего руководства — лишь частный пример)².

1 Тульский М. В период «оттепели» Медведева репрессированы 50 оппозиционных мэров (в «Блогах» «Эхо Москвы» от 2.11.2011 - <http://echo.msk.ru/blog/tulsky/826429-echo/>), «... за то, что они посмели победить официальных кандидатов «Единой России». Из тех, кто избран мэром против воли ЕР, посажено и отстранено 90%, а из тех, кто по воле ЕР, только 10%. <...> Даже уголовные дела в отношении победивших по воле ЕР мэров несут почти исключительно характер использования «правосудия» в политических и клановых интересах (а вовсе не в целях борьбы с коррупцией): уголовным делам против них практически всегда предшествовал конфликт с губернатором-единороссом или федералами-единороссами, появление на их месте более влиятельного и более богатого претендента-единоросса и т.д. Случаи же посадок в тюрьму мэров-единороссов, пользующихся поддержкой губернатора и федеральной ЕР, практически отсутствуют».

² 79% опрошенных в 2012 г. согласны с тем, что «в России сложилась система круговой поруки и ухода от ответственности людей, наделенных властью» (не согласны — 11% и 10% затруднились с ответом). — Общественное мнение 2012. Ежегодник. М., Левада-центр, с. 34, табл. 3, 6, 5. 75% полагают, что в стране нет эффективной системы подбора,

Российская власть (в сравнении с прежней «советской», конца 1970-1980-х годов) расценивается как лишенная качеств «справедливости» (в среднем такое определение по отношению к путинской системе выбрали всего 3%), «честности» и «порядочности», то есть как корыстная, беспринципная и коррумпированная (в последнем случае так считают более половины опрошенных). «Законной» ее назвали в среднем лишь 12% (причем, доля таких ответов заметно упала с 2008 года: с 21 до 8%; советскую власть — от 32 до 22%; табл. 1).

Восприятие власти как «чужой, далекой от народа» (41-32%), «несправедливой» (а потому — обладающей сомнительной или двусмысленной легитимностью) обусловлено двумя обстоятельствами: первое — эрозией патерналистских иллюзий, разочарованием от фактического сокращения путинским правительством объемов социальной поддержки населения, характером социальной политики, а второе — злоупотреблением правом, использованием судебной и правоохранительной системы исключительно в интересах правящего режима.³ Власть поэтому признается как безальтернативная, но не оправдываемая, а лишь терпимая своими подданными. Недовольство ею, сдерживаемое страхом и самоцензурой, оборачивается известной идеализацией прежней государственно-распределительной системы (что не означает стремления вернуться к ней, а лишь использование такого приема как условия критики положения дел в настоящем, как основание для негативной оценки политического руководства страны).

Если свести данные обеих таблиц (№ 1 и 2), то мы получим следующую матрицу распределения доминирующих (самых частых) коллективных мнений о прошлой и нынешней власти (в скобках диапазон колебаний ответов за 15 лет измерений, в %)⁴:

проверки и назначения людей на государственные должности. — Там же, с. 35, табл. 3.6.9. Порочным подобное устройство государства считают 61-62% россиян (и эта цифра не менялась на протяжении всех последних 10 лет, несмотря на высокие рейтинги главы государства). Нет идеи «общего дела» (*res publica*), если 81-85% опрошенных утверждают, что они не могут влиять на принятие государственных решений в стране, 75% — на принятие решений даже на местном уровне. — Там же, с. 38, табл. 3.6.19-3.6.20.

³ Заметное снижение негативного отношения к власти отмечается лишь к 2008 г. — пику поддержки и одобрения путинского режима. Однако сразу после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. недоверие и отрицательные оценки восстанавливаются до прежнего уровня.

⁴ Левада Ю. Феномен власти: парадоксы и стереотипы восприятия // От мнений — к пониманию. М., МШПИ, 2000, с. 323-344.

Таблица 1

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАЧЕСТВА, БЫВШИЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫМИ ДЛЯ ПРЕЖНЕЙ, СОВЕТСКОЙ, ВЛАСТИ КОНЦА 1970-х – НАЧАЛА 1980-х гг.

Год	1998	2001	2005	2008	2012
Законная	32	22	28	23	22
Честная, открытая	13	11	13	8	13
Криминальная, коррумпированная	13	13	12	8	6
Близкая народу, людям	36	30	34	27	29
Сильная, прочная	27	25	30	24	27
Эффективная, компетентная	5	10	11	5	8
Недальновидная	23	14	21	13	10
Справедливая	16	16	21	15	16
Слабая, беспомощная	8	6	8	5	4
«Своя», привычная	32	24	26	18	18
Непоследовательная	8	6	9	5	4
Келейная, закрытая	17	14	13	14	10
Прагматичная	2	2	5	4	4
Паразитическая	8	6	5	5	4
Ограниченная, неумная	9	7	8	7	5
Авторитетная, уважаемая	21	21	24	18	19
Компетентная	4	6	7	3	5
Незаконная	1	2	3	2	1
Непрофессиональная, безграмотная	6	6	8	6	5
Далекая от народа, чужая	8	8	10	8	5
Образованная, интеллигентная	8	12	13	8	11
Бюрократичная	30	26	30	24	15
Другое	0,4	12	13	2	2

Таблица 2

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАЧЕСТВА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ

	1998	2001	2005	2008	2012
Законная	12	10	9	21	8
Честная, открытая	3	3	3	9	4
Криминальная, коррумпированная	63	50	62	30	52
Близкая народу, людям	2	3	5	9	5
Сильная, прочная	2	4	7	16	10
Эффективная, компетентная	3	3	6	12	6
Недальновидная	28	17	25	8	12
Справедливая	3	3	3	7	4
Слабая, беспомощная	31	21	20	5	10
«Своя», привычная	3	2	4	5	4
Непоследовательная	32	25	29	9	12
Келейная, закрытая	8	7	8	5	7
Прагматичная	4	5	6	7	5
Паразитическая	18	12	15	5	11
Ограниченная, неумная	12	4	8	2	6
Авторитетная, уважаемая	2	4	7	17	6
Компетентная	3	6	9	13	6
Незаконная	13	10	16	5	9
Непрофессиональная, безграмотная	13	7	12	5	8
Далекая от народа, чужая	41	34	42	19	32
Образованная, интеллигентная	6	12	13	19	11
Бюрократичная	22	24	39	26	30
Другое	1	11	8	2	2

Здесь и далее жирным шрифтом выделены значимые варианты ответов

Таблица 3
КАЧЕСТВА ВЛАСТИ

Прежняя, советская	Нынешняя, современная
Близкая народу, людям (36 – 29)	Криминальная, коррумпированная (63 – 52)
Законная (32 – 22)	Далекая от народа, чужая (42 – 32)
«Своя», привычная (32 – 18)	Непоследовательная (32 – 9)
Бюрократичная (30 – 15)	Недальновидная (28 – 8)
Авторитетная, уважаемая (24 – 19)	Бюрократичная (22 – 39)
Сильная, прочная (30 – 27)	Слабая, беспомощная (31 – 5)
Справедливая (21 – 16)	Паразитическая (18 – 5)

Первая цифра в скобках – 1998 г., N=1500, вторая цифра – 2008 г., N=1500

Отдельные позитивные характеристики нынешней власти, проявившиеся в 2008 году (*законная, интеллигентная, авторитетная, эффективная, компетентная*), быстро падают с началом кризиса. Но и негативные определения (*недальновидная, слабая, беспомощная, паразитическая и другие*) также ослабевают к нынешнему моменту (2013 г.). Остается неизменным лишь общий фон восприятия системы господства как деспотической криминально-бюрократической власти, узурпированной кланами или группировками, апроприрующими средства легального насилия, ориентированной на интересы самосохранения и обогащения, но вместе с тем – слабой и неэффективной¹. Такое ослабление значимости образов прежней и нынешней власти возникает из рутинизации значений власти как безальтернативного порядка господства, стирания критической функции идеализированных представлений о советском прошлом и принятия существующего режима как безнадежной реальности, как неизменяемого положения вещей.

Почти две трети россиян (табл. 4) уверены, что интересы власти и общества в России не совпадают (не согласны с ними от 28% до 24%). При этом 45% опрошенных считает, что за время первых двух сроков путинского правления (1999-2007) разрыв между властью и обществом лишь увеличился, 36% – сохранился на том же уровне, 11% – уменьшился и лишь 1% рискнул заявить, что «его не было и нет», что «морально-политическое единство» советских времен сохраняется и по настоящее время (остальные затруднились ответить).

Напротив, относительно большая часть (37%, ноябрь 2007, примечательно, что это са-

мый благополучный год в истории постсоветской России) утверждает, что возможность контроля граждан за органами власти и руководством страны – это фикция, что этого как не было раньше, так нет и сейчас; еще 21% полагают, что «она уменьшилась» и столько же (25%) что степень контроля осталась той же, что и прежде. Оптимистов («возможности контроля власти со стороны общества увеличились») насчитывалось 7%.

Всего 6% опрошенных полагают, что политический курс руководства страны (отражаемый в структуре госбюджета) соответствует интересам обычных людей (моральным запросам общества). Еще 11% надеются, что приоритетными являются запросы социальных ведомств (образования, медицина, социальное обеспечение). Более существенным для руководства, в глазах населения, оказываются соображения и аргументы влиятельных группировок, для которых развитие реального сектора экономики и благосостояние граждане не являются первостепенными задачами (до тех пор, пока это не становится проблемой массовой поддержки власть имущих). Руководство страны ориентируется главным образом на интересы и мнения силовиков, обеспечивающих охрану власти и могущественных группировок «новых богатых».

Представления населения о составе и происхождении правящей «элиты» лишены какой бы то ни было двусмысленности и четко определены. Я бы сказал, они социологически «адекватны» тем знаниям, которые мы получаем из специальных источников и исследований: это союз силовиков, олигархов и высшей бюрократии (включая и руководство крупнейших госкорпораций), образующих костяк авторитарного режима. Путин – выразитель их интересов, они – опора нынешней системы господства. (таблицы 8 и 9).

За десять лет характер этих представлений принципиально не менялся, то есть мнение о влиянии силовиков, олигархов и бюрократии стали лишь более выраженными (особенно в 2012 г., на волне городских протестов и усиления репрессивной риторики власти).

¹ Самыми часто называемыми характеристиками российских политиков (в списке из 22 определений) были «стремление к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами» (39%), «неуважение к рядовым гражданам» (34%), «пренебрежение к законам» (31%), «корыстолюбие» и «непрофессионализм» (по 26%), «бесчестность», «непорядочность» (24%) и «безнравственность» (19%) (июль 1995, N=1540). И такое отношение, фиксируемое при самых разных формулировках вопросов, сохраняется на всем протяжении 1990-х и 2000-х, 2010-х годов.

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СОВПАДАЮТ ЛИ СЕЙЧАС В РОССИИ ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА?

	2007	2009	2011
Определенно да	5	3	3
Скорее да	23	23	21
Скорее нет	38	43	44
Определенно нет	25	22	24
Затрудняюсь ответить	9	9	8

Таблица 5

ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ СЕЙЧАС НЕ СОВПАДАЮТ?

	2007	2009	2011
У власти и населения всегда разные интересы и цели	32	31	34
Власти живут за счет населения и поэтому вынуждены его обманывать	30	30	29
Нет «обратной связи» между теми, кто принимает политические решения наверху, и населением	21	18	19
Интересы власти и населения совпадают только в критические периоды, когда стране грозит смертельная опасность	15	19	14
Затрудняюсь ответить	2	2	4

Ответы ранжированы, в % от числа тех, кто считает «интересы власти и общества не совпадают»

Таблица 6

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?

Руководство – это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	26
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	60
Наши органы власти – народные, у них те же интересы, что и у простых людей	8
Затрудняюсь ответить	6

Декабрь 2007, 1600

Таблица 7

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИНИМАЕТ ВО ВНИМАНИЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОПРЕДЕЛЯЯ СТРУКТУРУ БЮДЖЕТА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ?

Интересы обычных людей, таких как я	6
Интересы богатых и влиятельных групп и кланов	37
Интересы силовых ведомств (армии, ФСБ, полиции)	18
Интересы тех ведомств и организаций, от которых зависит будущее нашего народа, его благополучие и безопасность – медицина, образование, социальное обеспечение, пенсионный фонд и т.п.	11
Интересы ведомств, защищающих статус России как великой державы – космоса, науки, внешней политики и т.п.	7
Затрудняюсь ответить	21

Июль 2012, 1600

Невозможность другого будущего, кроме повторения настоящего, включает механизм понижающей адаптации – массового приспособления («русское терпение»), примирения с системой несправедливого господства, признаваемого аморальным, но «естественным», коренящемся в самом порядке вещей. Всеобщность подобных коллективных представлений парализует любую мысль о сопротивлении этому

порядку как опасную и вредную провокацию. Поэтому для массового сознания в России сама возможность изменения дел в лучшую сторону всегда связывается с запросом на «сильную личность», могущую заставить власти (правительство, низовую бюрократию) прислушиваться к мнению народа и тем самым обеспечить повышение уровня жизни, защищенность существования и т. п., а не с собственной активностью.

Причем этот трансферт собственной недееспособности проецируется как на оппозиционного политика (как правило, популиста, весьма неразборчивого в средствах, с националистическим оттенком – А. Руцкой, А. Лебедь, вплоть до А. Навального и многих других), так и на представителя номенклатуры, псевдолидера, играющего – хорошо или плохо, это уже другой вопрос – роль отца нации (Б. Ельцин, В. Путин). Так, по последнему опросу 2013 г. («В какой мере Вы согласны с утверждением: «России

нужен сильный лидер, который сможет навести порядок, пусть даже ценой временной отмены выборов и ограничения свободы слова?»), подобные установки были присущи 74% опрошенных (с предложенным тезисом были «полностью согласны» – 39% и «скорее согласны» – 35%, то есть налицо очень высокая степень единодушия), «не согласны» – 22% (в том числе «совершенно не согласны» – всего 5%; и 4% затруднились ответить).

Таблица 8

ИНТЕРЕСЫ КАКИХ СЛОВ НАСЕЛЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЛАДИМИР ПУТИН?

Год опроса	Силовики	Олигархи, банкиры, крупные предприниматели	Государственные чиновники, бюрократия	Средний класс	Директора крупных предприятий	Ближайшее окружение Ельцина	Простые люди	Культурная и научная элита	Всех без исключения	Затрудняюсь ответить
2000	39	16	19	14	13	18	19	8	9	16
2001	31	19	20	20	20	21	15	6	12	13
2002	30	16	23	14	11	17	17	10	13	16
2003	35	19	26	17	14	21	20	7	11	10
2004	32	24	16	22	13	15	18	6	8	13
2005	41	23	21	22	13	18	14	6	10	11
2006	34	23	24	21	12	18	13	7	9	12
2007	39	18	31	19	13	24	13	10	11	13
2009	27	22	24	16	14	21	9	7	10	13
2010	34	26	27	24	18	20	11	10	7	13
2011	33	29	25	22	22	19	13	10	12	12
2012	43	39	32	21	26	14	14	10	11	7
2013	41	35	30	24	23	14	11	9	12	10

Жирным шрифтом выделены значения от 25% и более

Таблица 9

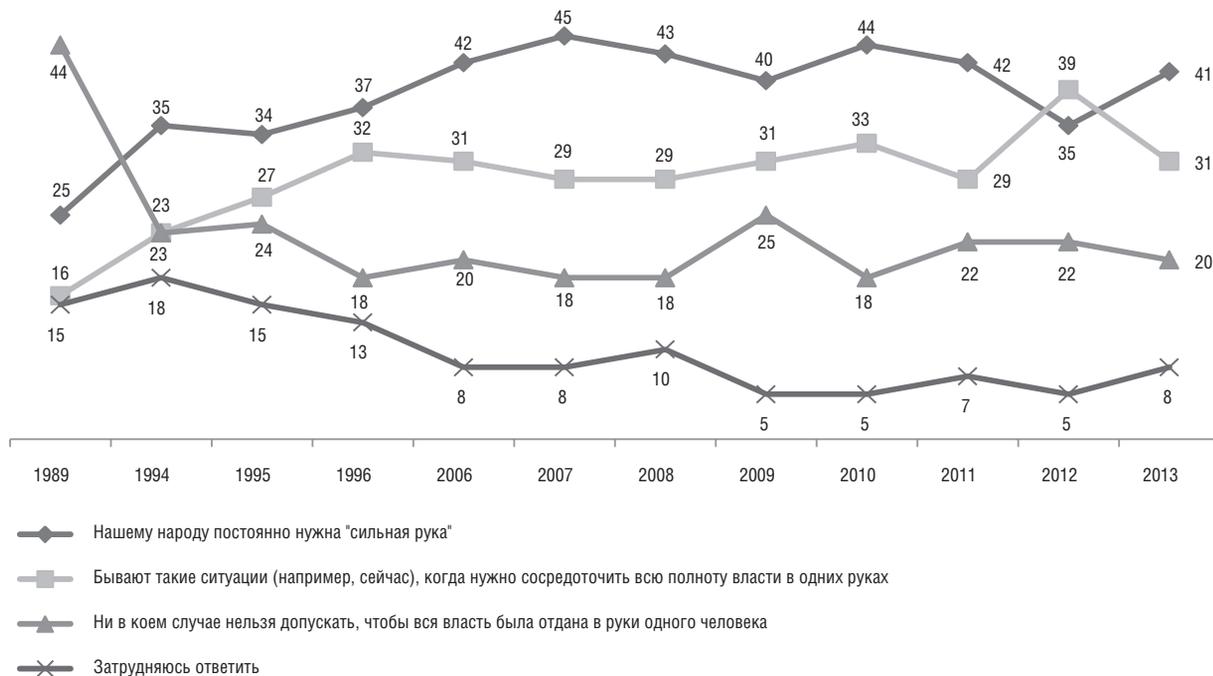
НА КАКИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОПИРАЕТСЯ В.ПУТИН?

Год опроса	Силовики	Олигархи	Государственная бюрократия	Директора крупных предприятий	Средний класс	ближайшее окружение Ельцина	Простые люди	Культурная и научная элита	Интеллигенция	На все без исключения
2000	54	24	12	16	10	25	12	4	5	5
2001	43	15	15	16	16	22	15	8	10	7
2003	51	27	21	20	19	25	15	9	8	7
2005	51	25	26	23	23	20	18	11	12	5
2011	49	42	36	30	25	15	12	11	11	8

Жирным шрифтом выделены значения от 25% и более

Рисунок 1

БЫВАЮТ ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?

Сам по себе факт такого единодушия (показатели в 75-80% говорят о нормативной всеобщности таких представлений) указывает на гражданскую (и интеллектуальную) неразвитость современного российского общества, непонимание связи между «законным порядком», поддерживаемым дифференцированными, а потому уравновешивающими и контролирующими друг друга институтами, и свободой слова, равно как и выборами, позволяющими установить ответственность власти, то есть ограничить пространство ее произвола. Без подобного ограничения и контроля невозможен и сам порядок в государстве (то есть соблюдение законов, равенство всех перед законом, а значит — и само существование правового государства, что собственно и подразумевают россияне под словом «порядок»). Другими словами, *государственный патернализм* и его обратная сторона — *административный или судебный произвол* — никоим образом не связываются в массовом сознании. Подобная структура массового сознания (ее можно назвать партикуляризмом, мозаичностью, двоемыслием, социальной шизофренией или просто тугоумием) в России обеспечивает нейтрализацию, «гашение» критической массы недовольных. Значительная часть вины или ответственности должна была бы возлагаться на элиту общества, оказывающуюся неспособной к рационализации происходящего и просветительской деятельности, даже не

в силу ее интеллектуальной слабости, сколько из-за оппортунизма и внутреннего цинизма, прикормленности властью, зависимости от нее, идентификации с ее интересами и определениями реальности. Эти ее качества внутренней этической и метафизической опустошенности, сервильности, несамостоятельности не позволяют российской «элите» отрываться от «массы». «Массовидность» элиты, которая не раз отмечалась в исследованиях Левада-центра, ее тождество со структурами и стереотипами массового сознания является, в свою очередь, симптомом слабости специализированного знания, и тем самым — отказа общества в признании авторитетности интеллектуальных и моральных, ценностных продуктов элиты как научной, так и артистической или политической¹. Политика, таким образом, понимается российским обществом не как участие граждан, не

¹ Левада Ю. От мнений к пониманию, с. 273. Об этом можно судить и по эпидемическому распространению в последние годы паралитературы, фантази, суррогатов культуры, представленных блогами и социальными сетями, по падению спроса на высокую художественную литературу (и ее фактическое исчезновение) или арт-кино, разрушение института эстетической критики, по отказу от признания авторитета профессиональных политиков, отчетливо проявившегося в протестном движении и в сетях и т.п. Как бы ни были разнородны эти явления, их роднит одно качество: снижение значимости специализированного знания, компетентности, профессионализма, за которыми стоит стерилизация процессов и механизмов социальной структурно-функциональной дифференциации общества, то есть примитивизация социальной системы.

как их *действия* или активность в обсуждении общезначимых проблем, определении целей, которые поставлены перед страной или перед отдельными группами ее граждан. Политика – это область привилегированных действий государственных лидеров и их массовые оценки (исключительно положительные). Допустимо лишь одобрительное отношение к власти (но не ее критика, но не дискуссия, предполагающая наличие механизмов контроля за лицами, принимающими «решения»). Сама идея коллективного участия в формировании социальных, экономических или культурных программ, подлежащих реализации государством, вызывает подозрение властей (и ассоциирующих себя с ней граждан) и квалифицируется как планы захвата власти, как антинародная позиция, проявление враждебных стране интересов и подлежит резкому осуждению.

Таблица 10

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ ПОЛИТИКА?

	1990	1991	1992	1997	2006	2010	2011	2012
Очень интересует	21	16	15	11	15	9	8	10
В какой-то степени интересует	44	40	33	36	37	39	34	36
Мало или совершенно не интересует	35	36	52	49	47	51	58	52
Затруднились ответить	<1	8	<1	4	1	1	<1	2
Ангажированные / аполитичные	0,6	0,4	0,3	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2
Число опрошенных	1000	1500	1500	1700	1600	1600	1600	1600

Таблица 11

СКАЖИТЕ, НАСКОЛЬКО ВЫ В ЦЕЛОМ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ПОЛИТИКОЙ?

	1996	2003	2004	2005	2006	2007	2010	2011	2012	2013
Очень интересуетесь	4	6	7	6	6	7	3	3	5	1
Скорее интересуетесь	31	28	37	32	31	37	29	31	27	28
Интересуются*	34	35	44	38	36	43	32	34	32	29
Скорее не интересуетесь	43	44	34	36	41	36	38	42	42	41
Совсем не интересуетесь	21	19	20	24	21	18	26	22	23	26
Не интересуются*	64	63	54	60	62	54	64	64	64	67
Нет ответа/ затруднились ответить	2	2	3	2	1	3	4	2	4	4
Соотношение интересующиеся/ неинтересующиеся	0,5	0,6	0,8	0,6	0,6	0,8	0,5	0,5	0,5	0,4

Таблица 11а

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ЛИЧНО БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ?

Год опроса	2006	2012	2013
Определенно да + в какой-то мере да	19	17	16
Скорее нет + определенно нет	77	77	79
Затруднились ответить	4	6	5

За 20 лет, на протяжении которых мы прослеживали коллективные представления о власти, доля субъективно включенных в политические процессы после первых же шагов реформаторов сократилась вдвое, а доля нежелающих ничего знать об этом составила больше половины населения (табл. 10; в другой формулировке шкалы – табл. 11, 11а).

В массовом отношении к политике можно выделить три типа массовых установок или реакций (табл. 12):

1) активное включение в политическую деятельность, регулярное участие в политических организациях или акциях (как про-, так и антиправительственных), присущее крайне незначительному меньшинству (2-3%; почти столько же включены в работу организаций гражданского общества, в волонтерское движение и т.п.);

2) «зрительский» интерес¹, то есть отслеживание политических событий, не предполагающее собственного участия в политическом процессе или деятельности, пассивное отношение к происходящему, допускающее при этом возможность высказывания своих оценок политическим фигурам или актам, документам и проч., аналог отношения болельщиков к спортивным состязаниям (доминанта общественного мнения — 40-50%, правда лишь в случаях сильного общественного возбуждения);

3) дистанцированное, отчужденно-негативное отношение к этой сфере деятельности и происходящим здесь событиям, отсутствие «интереса», а точнее — исключенность из этой сферы (основная масса населения — в среднем около 60%).

За два года некоторого пробуждения политики в стране, вызванного неожиданными акциями и демонстрациями протеста, оппозицией Кремлю на выборах, судебными приговорами демонстрантам и т.п., произошли довольно существенные подвижки в массовых настроениях. Но показатель собственного участия в политической работе, то есть ответственное или заинтересованное поведение самостоятельных людей, остался неизменным (2%). Сократилась доля «зрительского участия» (на треть: с 44 до 29%), что отражает массовое разочарование и впечатления о том, что демонстранты и активные участники протеста «ничего не добились». (Подобная упреждающая установка на «неудачу» была довольно ясно выражена уже в середине 2012 года, а к ноябрю

мнение, что протестанты ничего не добились, разделяли уже 58%. Функция мнений этой категории заключается прежде всего в том, чтобы убедить себя и других в том, что сделать «ничего нельзя» и тем самым — оправдать свое неучастие в политике (при некотором сочувствии лозунгам демонстрантов).

Но самую значительную группу составляют «абстиненты», индифферентные, дистанцирующиеся от политики с определенной долей раздражения и антипатии к протестантам (при слабой негативной установке относительно всей сферы политического и оценки ее, становящейся все более распространенной). Этот массив *увеличился* за тот же период наблюдений в той же степени, что и сокращение доли «зрителей» (на 14 пп.). Иначе говоря, то примечательное оживление социально-политической и интеллектуальной жизни, которое наблюдалось в российских мегаполисах и выразилось в результатах сентябрьских региональных выборов, у большей части населения вызвало реакцию «улитки» — желание втянуться в свою защитную скорлупу повседневности, съежиться, «не слышать и не видеть ничего» вокруг.

Это базовая характеристика политической культуры российского населения, которую и следует в первую очередь разобрать и осмыслить.

Среди «активистов» (выбравших первый вариант ответов) в среднем несколько больше предпринимателей (12%), руководителей и специалистов (5 и 4%), остальные — либо на уровне средних значений (служащие, рабочие, учащи-

Таблица 12

МАССОВЫЕ УСТАНОВКИ НА УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Вопрос: «Какое из утверждений более всего соответствует Вашему участию в политической деятельности?», 2011-2013, N=1600)

Год, месяц опроса	Ноябрь 2011	Декабрь 2011	Август 2012	Август 2013
Я принимаю активное участие в деятельности политической партии/ группы или активно поддерживаю ее	2	2	2	3
Я с интересом слежу за политическими событиями в России, но не принимаю участия в деятельности политических партий/групп	39	50	36	29
Я довольно безразлично отношусь к политической жизни в России, она меня не слишком заботит	39	31	38	34
Мне не нравится политика, и я не собираюсь беспокоиться по поводу нее	18	15	22	29
Затрудняюсь ответить	2	3	3	5
Сумма индифферентных / дистанцирующихся от политики	59	49	63	68

¹ Левада Ю. Человек политический: сцена и роли переходного периода // Мониторинг общественного мнения, 1996, № 4. Перепечатано в кн.: Левада Ю. От мнений к пониманию. М., МШПИ, 2000, с. 96-110. О «зрительском интересе» см. с. 102-104; Зоркая Н. Интерес к политике как форма политического участия // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1999, № 4, с. 13-20.

еся), либо вообще исключены из этих отношений (силовики, пенсионеры, безработные). По возрасту самую большую группу активистов составляют 40-летние люди (6%); молодые и пожилые люди полностью исключены из этой

сферы. Заметно больший удельный вес предпринимателей не означает большей включенности этого слоя в политику, а лишь сильную дифференциацию внутри этой группы (здесь и самая большая доля ответов «политика мне не нравится» – 40%). Зрительское отношение характерно прежде всего для более образованных и пожилых людей, москвичей, специалистов.

Более развернутый спектр отношений, многое объясняющий в массовом сознании, открывает таблица 13. Здесь выделяются три типа ценностных проявлений, образующие единый комплекс в общественном мнении: *надежды* (иллюзии государственного патернализма, составляющие позитивную базу легитимности власти), *раздражение* и *разочарование* (негатив патерналистских ожиданий) и *равнодушие*, отчуждение от власти (табл. 13 и 13а).

Максимум положительного отношения к политике (назовем это общее выражение -

«интересом», пассивной ангажированностью) приходится на большие и средние города (34% и 30% ответов). Данные по Москве (24%), на первый взгляд, кажутся противоречащим обычным представлениям о столице как фокусе протестного движения, сложившемся в последние годы. Однако, как уже говорилось выше, заявленный позитивный интерес к политике не означает собственного участия; это пассивное и безответственное отношение к политике, характерное для сравнительно развитых в культурном или информационном плане социальных сред, но удаленных от центров политических решений, или для людей, дистанцирующихся от выбора. На прямой вопрос: «*Вы хотели бы участвовать в политической жизни, хотя бы на уровне своего города?*», – около двух третей опрошенных (в среднем 63%) отвечали «нет» (табл. 14).

Таблица 13

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС СЕЙЧАС РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА?

Уважение	3
уверенность в завтрашнем дне	2
Надежду	16
Интерес	6
Усталость	12
Недоумение	14
Брезгливость	2
Раздражение/возмущение	17
Презрение	5
Никаких особых чувств	22
Затрудняюсь ответить	1
% респондентов с позитивными установками	27
% респондентов с отрицательными установками	50

Март 2013, N=1600, в % к числу ответивших

Таблица 13а

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС СЕЙЧАС РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА?

	Доля позитивных установок	Доля негативных установок	+/-	Никаких/затрудняюсь ответить
Тип поселения				
Москва	24	50	0.5	26
Большой город	34	43	0.8	23
Средний город	30	50	0.6	20
Малый город	21	62	0.3	17
Село	22	54	0.4	24
Возраст				
18-24 года	37	36	1.0	27
25-39	27	50	0.5	23
40-54	27	50	0.5	23
55 лет и старше	26	55	0.5	19

Таблица 14

ВЫ ХОТЕЛИ БЫ УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, ХОТЯ БЫ НА УРОВНЕ СВОЕГО ГОРОДА?

	июнь 2008	июнь 2010	октябрь 2011	июнь 2012	август 2013
Определенно да	7	5	7	3	3
Скорее, да	21	21	24	17	17
Скорее, нет	30	28	32	33	44
Определенно, нет	33	34	23	37	32
Затрудняюсь ответить	9	13	15	10	4

Таблица 15

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ? (в % от тех, кто не хочет заниматься политикой; ответы ранжированы по последнему замеру)

	Февраль 2006	Февраль 2012	Март 2013
Все равно ничего изменить нельзя, «плетью обуха не перешибешь»	32	22	32
Политика – не для рядовых граждан, политикой занимаются власти	29	30	27
Я занят своими повседневными делами, у меня нет времени заниматься этим	25	25	24
Я ничего не понимаю в политике, не знаю, как действуют органы власти	22	18	21
Политика – грязное дело, не хочется мараться	15	11	15
Не хочется выделяться среди других, большинство людей не интересуются политикой	4	5	6
Боюсь преследований со стороны властей, лучше держаться от политики подальше	3	4	5
Затрудняюсь ответить	3	2	2

Таблица 16

МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, ВЛИЯТЬ НА ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В СТРАНЕ?

	2006 февраль	2007 октябрь	2010 Февраль	2012 февраль	2013 март
Определенно да + в какой-то мере да	15	24	14	15	12
Скорее нет + определенно нет	84	72	85	81	84
Затруднились ответить	1	1	1	4	4

Таблица 17

МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ, УЧАСТВУЯ В МИТИНГАХ, ДЕМОНСТРАЦИЯХ, ЗАБАСТОВКАХ?

	Январь 2001	2010 апрель	2011 апрель	2011 октябрь	2012 апрель	2012 октябрь
Определенно да	5	4	3	4	4	4
Скорее да	19	18	18	15	14	20
Скорее нет	41	36	40	40	35	39
Определенно нет	30	32	32	34	35	29
Затрудняюсь ответить	5	9	7	8	12	9
Сумма «не могут»	71	68	72	74	70	68

Данные таблиц 15-17 подтверждают вывод о поразительной устойчивости и фундаментальности подобных массовых установок относительно политики и собственного участия граждан в ней.¹ Не хотели бы заниматься обще-

¹ Заявляют о своей готовности участвовать в коллективных акциях обычно не более 10-15% («Примете ли Вы в митингах и демонстрациях

ственными проблемами, прежде всего потому, что участие в политике таит в себе целый ряд угроз и опасностей для частного человека. Эти

протеста с экономическими или политическими требованиями?»), причем чаще осмеливаются декларировать свое присутствие на акциях с экономическими (16%), а не с политическими лозунгами (10%) (август 2013).

угрозы или факторы страха, как и положено, не могут быть в полной мере артикулированы или кодифицированы, но от этого они не становятся менее значимыми. Полностью социализированный индивид в репрессивном обществе должен бояться не нарушения каких-то конкретных предписаний или норм (их фиксация была бы предпосылкой правовых установлений), а самой угрозы, диффузной, неопределенной, исходящей от начальства. Социальная норма правильного поведения могла бы быть сформулирована в духе Щедрина: «По наружности иметь вид откровенный и даже смелый, внутренне же трепетать» (Собр. Соч., т. 4, с. 142). Спустя даже два десятилетия после краха советской системы в среднем около половины опрошенных россиян (45%) говорят о том, что они не могут свободно и открыто говорить то, что они думают о политике (о руководстве страны и действиях политиков, состоянии дел в стране и т.п.). Только треть (или около того) опрошенных (29-33%; табл. 18) заявили, что «могут» обсуждать подобные проблемы, ничего не опасаясь.

Таблица 18

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ СВОБОДНО ГОВОРИТЬ О СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К ПОЛИТИКЕ, ПРОВОДИМОЙ РУКОВОДСТВОМ СТРАНЫ?

	2012	2013
Да, всегда и везде	29	33
Да, но с некоторыми ограничениями и не везде	35	31
Нет, не могу (боюсь или чувствую себя неловко)	12	11
У меня нет такой потребности	19	21
Затрудняюсь ответить	4	5

N=1600

Дело не в собственно личном опыте, а в силе воздействия общих коллективных пред-

ставлений, принуждении к двойному поведению (для себя и на людях), двоемыслию как социальной норме общепринятого поведения и состояния общества. Особенно отчетливо такая структура массового сознания проявляется в проективных вопросах (табл. 19). Динамика опросов показывает нарастание действия этих механизмов приспособления после прихода Путина к власти (снижение доли ответов «практически все говорят откровенно» с 20% в 2000 г. до 7% в 2013 г. и рост числа тех, кто считает, что люди скрывают свое мнение с 31 до 64%).

Чаще других считают, что люди обычно скрывают свое отношение к властям (проекция собственного, но подавленного отношения на обобщенных других), более образованные и высокостатусные группы: руководители, специалисты, но также и безработные. Это и есть те, кто острее других сознает свою уязвимость и зависимость от вышестоящего начальства.

Но дело не только в страхе (об этом ниже), но и в понимании безнадежности и бессмысленности, нерезультативности участия в политике при данном режиме господства. Сознание невозможности (отсутствия легальных институциональных средств) и опасности влияния на власть коррелирует с отказом от ответственности за действия власти и сосредоточения всех интересов, забот и долга на проблемах семьи и самого узкого круга отношений с близкими людьми, поддающимися персональному контролю.

Колебания в ответах респондентов из разных социальных групп незначительны. Доминирующими являются мнения, характерные для периферийных групп (село, среднее образование, самые молодые респонденты, а значит — не полностью социализированные, репродуцирующие самые рутинные и оппортунистические установки и оценки старшего

Таблица 19

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЛЮДИ В НАШИ ДНИ ОТКРОВЕННО ГОВОРЯТ О ТОМ, КАК ОНИ ОТНОСЯТСЯ К ВЛАСТИ, К ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ ИЛИ ОНИ СКРЫВАЮТ ТО, ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДУМАЮТ ОБ ЭТОМ?

	Апрель 2000	Февраль 2005	Январь 2012	Август 2013
Практически все отвечают откровенно	20	18	13	7
Большинство отвечают откровенно	38	33	30	23
Половина откровенно, половина - нет	21	23	27	33
Большинство скрывают то, что думают	9	18	19	26
Практически все скрывают то, что думают	1	4	5	5
Затруднились ответить	10	5	6	6
Сумма «все + большинство откровенно»	58	51	43	30
Сумма «все + большинство + половина скрывают»	31	47	51	64

N=1600

поколения, уходящего советского). Небольшой потенциал сопротивления (несогласия с предложенным тезисом) отмечается лишь у зрелых людей с высшим образованием, жителей крупных городов (47-48%, в Москве – 45% при средних значениях в 41%; другими словами даже в этих группах опрошенных несогласие не является преобладающей позицией).

Таблица 20

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ: «ВСЕ РАВНО ЗА КОГО ГОЛОСОВАТЬ: ОТ ЭТОГО ПРАКТИЧЕСКИ НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ?»

	Согласны	Не согласны
В среднем	56	41
Возраст		
18-24	62	36
25-39	55	41
40-54	52	44
55+	57	38
Образование		
Высшее образование	51	47
Среднее специальное	62	35
Среднее общее	52	44
Ниже среднего	61	36
Тип поселения		
Москва	53	45
Большой город	51	48
Средний город	54	42
Малый город	58	35
Село	62	36

Приводится сумма ответов «Полностью согласен» + «Скорее согласен» и «Скорее не согласен» + «Совершенно не согласен», 5-11 июня 2013, N=1600, без затруднившихся с ответом (в среднем - 3%)

При других формулировках вопроса мы получили схожие распределения: выраженный интерес к политике проявляли на протяжении последнего десятилетия (2003-2012 гг.) от 7 до

15% опрошенных (пик ангажированности и интереса приходится на 2011 год, начало массовых протестов). Те, кого политика не интересует и не интересовала, составляют от 47% (2005 г.-минимум) до 59% (2012, это максимум), в среднем – 53%. Для остальных характерен умеренный и пассивный интерес к политической жизни страны («зрительское поведение»).

Оправданием для такой позиции становятся и аргументы о нечестных или грязных выборах, фальсификациях при их организации и подсчете голосов и т.п. Сознание безальтернативности власти и присущих ей манипуляций, коррумпированности, жадности, беспринципности, аморализме чиновников на любом уровне сочетаются (или даже предполагают их) с патерналистскими иллюзиями о возможности (благой воле, доброжелательности) той же самой власти, тех же самых чиновников, о которых общественное мнение отзывается крайне негативно, с глубоко сидящими надеждами на то, что руководство страны обратит, наконец, внимание на нужды и проблемы простых людей. Последнее обстоятельство обусловлено традиционными, то есть лежащими ниже порога осознания и рациональной рефлексии, представлениями о вышестоящем начальстве как держателе нормы (правильного, надлежащего, должного) поведения, компетентности, а стало быть – установкой на «них» как на тех, кто вправе определять судьбу других. Поэтому не должно удивлять то обстоятельство, что относительно чаще интерес к происходящему высказывали те, кто приписывал нынешнему руководству страны более «возвышенные» мотивы (например, стремление к модернизации и развитию страны, к возвращению авторитета великой державы и т.п.) и сомневался или не разделял обычные установки относительно власть предержащих как хищников и беспринципных временщиков (табл. 21).

Таблица 21

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧЕМ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, РУКОВОДСТВУЮТСЯ СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЫСШЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ? КАКОВ ГЛАВНЫЙ МОТИВ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

	Август 2006	Август 2012
стремлением превратить Россию в современную, экономически развитую, социально благополучную страну	25	25
стремлением вернуть стране статус великой державы, восстановить прежний геополитический баланс сил	17	25
стремлением любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение	39	35
страх перед преследованиями со стороны тех, кто может придти на смену	7	4
другое	1	1
затрудняюсь ответить	11	10

N=1600

Нерефлективное отождествление себя с властью как самой значимой инстанцией, воплощающей значения коллективного целого, снимает с индивида (актера, респондента) моральную обязанность самостоятельно определять природу и границы «добра и зла». Тем самым происходит вытеснение любых вопросов о вероятности злоупотребления начальством своими полномочиями, возможности административного насилия. Это табуирование морали — основа деспотических правлений. Но императивный запрет на вникание в аморальную основу (деспотического или диктаторского) авторитарного правления, осознание ее природы не отменяет и не упраздняет трезвого сознания цинизма власти, лживости причастных к власти людей. Абсолютное большинство опрошенных не сомневается, что власть предержавшие (начальство) озабочены исключительно своими собственными чисто эгоистическими интересами, удержанием средств контроля над подданными, принуждения и материального обогащения и далеки от идеи «общего блага».

Для обывателя не являются новостью ни факты коррупции в высших эшелонах власти, ни вызывающий аморализм поведения власти. Демонстративное нарушение общепринятых правил поведения — публичные оскорбления оппонентов, нарушения ПДД высокопоставленными чиновниками и их дворней, избирательное правоприменение и прочие действия свидетельствуют о претензиях на *эксклюзивность* данных лиц. Исключение их из общих правил указывает на символические ресурсы суверенности власти. Регулярные скандалы, еженедельно вспыхивающие в российском

годы. Избирательное правоприменение и карательный характер судебной системы предназначен, по мнению граждан, для защиты тех, кто кооптирован в высшие эшелоны власти¹.

То, что люди во власти кормятся от казны, воруют, лгут, никого не удивляет, поскольку само занятие властных позиций мыслится исключительно как мотивированное чисто корыстными интересами, открывающее доступ к закрытым для обычных профанов ресурсам — обогащения (через инсайдеровскую информацию, сговор с бизнесом, получением откатов, взяток, льготного приобретения собственности или участия в рейдерских захватах с помощью суда и правоохранительных органов, установления преференций для членов семейного бизнеса и проч.), а также — самоценностью насилия, возможностями демонстративного потребления и праздной жизни. Оно лишено каких-либо признаков идеологического оправдания, ориентации на ценности «общего блага». Это и есть цель достижения власти, содержание ее суверенитета, ограждаемого барьером чрезвычайности, избирательности, недоступности для других (и несменяемости). Производное от этого — общая уверенность, что все врут, но те, кто выступают от имени государства, врут чаще и больше (табл. 23). Чиновники лгут почти всегда (так полагают 39-37%); тех, кто полагает, что они в большинстве случаев или практически всегда «говорят правду» (21%), существенно меньше, чем тех, кто имеет аналогичные мнения о простых людях (здесь 33%, считают, что окружающие чаще говорят правду), соответственно, реже лгут (на 10-12 пп.).

Таблица 22

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БОЛЕЕ ВАЖНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС СТОЯТ У ВЛАСТИ В РОССИИ: ПРОЦВЕТАНИЕ СТРАНЫ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?

	2006 Февраль	2010 Февраль	2012 Январь	2012 Август	2013 Апрель
процветание страны	16	27	28	30	26
сохранение и укрепление собственной власти	72	60	59	58	62
затрудняюсь ответить	12	13	13	12	12

парламенте, в ключевых министерствах, в правоохранительных органах, в судах, в госкорпорациях и т.п. лишь подкрепляют массовые представления о казнокрадстве, лихоимстве и безудержной жадности тех, кто причастен к власти. Более того, эти представления давно стали частью образа самой власти, политического режима, сложившегося еще до Путина и закрепившегося при нем в нулевые и десятые

¹ Права человека ценятся меньше, чем номинальный «порядок» в государстве (их приоритетность подтверждают лишь 33% опрошенных против 57% тех, кто считает, что «порядок» важнее (июнь 2013). Следует, однако, уточнить при этом, что «порядок» включает упования на то, что даже при данной системе возможно такое положение, когда в обществе «главенствует закон, перед которым все равны». Эта — утопия, мечтания, не наделенные статусом действительности или даже реальной возможности. Мнимость противоречия заключается в том, что «права человека» мыслятся как сугубо индивидуальные, точнее — частные возможности человека, а «порядок» — как коллективные нормы, обязательные для всех.

Но общее убеждение состоит в том, что *лгут практически все*, что это такой же код социальности, как насилие или управляемые выборы. Подобные представления укорены в традиционном российском восприятии политики (и пропаганды как государственной дезинформации и лжи — советское время здесь не является исключением, а лишь дополняющим подкреплением этих глубоко лежащих представлений). Их следует относить на счет практики неправового государства, будь то самодержавная абсолютистская бюрократия, советский тоталитаризм или постсоветский путинизм. Недоверие к официальным источникам информации (при зависимости от них) пронизывает весь аппарат управления и общество в целом. Подобное недоверие может также быть средством поддержания персоналистских иллюзий и оправдания диктатора (табл. 23).

Недоверие — это постоянное ожидание агрессии встречаемых людей, будь то чиновники или случайные попутчики в общественном транспорте, настороженность, готовность заподозрить всех и вся в обмане, враждебных намерениях, хищениях, несправедливом отношении и т.п.¹ Оно распространяется и на «национального лидера». И дело здесь не в недостатке на-

дежной информации, а в привычной убежденности, что такова природа власти, что это не индивидуальные свойства конкретного человека (Путина, Сердюкова, Якунина, Собянина, Жириновского), а характеристики социальной роли, производной от занимаемой позиции и отношения к ней общества. Негативное определение Другого (обобщенного или конкретного партнера) составляет консенсус власти и общества, обусловленный социальным типом человека, описанного в работах исследовательской группы проекта «Советский простой человек». Это сочетание негативизма (отсутствие уважения, что не обязательно должно сопровождаться возмущением) и безальтернативности (синдром лакея или крепостного) определяет мотивацию тех, кто, разделяя мнение о «Единой России» как «партии жуликов и воров», тем не менее, голосует за нее, испытывая к ней (к ее руководству, а не к низовому составу) смесь таких чувств, как надежду, пресмыкательство и презрение. Можно сказать, что этот «панцирь» негативной социальности играет роль внешнего корпуса норм поведения в обществе, т.е. что эта система базовых представлений, негативным образом конституирующая само общество. (В отличие от представительной демократии и

Таблица 23

1. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВСЕГДА ЛИ РУКОВОДИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА, ВЫСШИЕ ЧИНОВНИКИ ГОВОРЯТ ПРАВДУ, ОПИСЫВАЯ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЭКОНОМИКЕ, В ЗДРАВООХРАНЕНИИ, ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ, БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ДРУГИХ ВАЖНЕЙШИХ СФЕРАХ УПРАВЛЕНИЯ?

2. А БОЛЬШИНСТВО ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ ОБЫЧНО ГОВОРЯТ ПРАВДУ ИЛИ СКРЫВАЮТ ЕЕ, ЛГУТ?

	Большинство окружающих Вас людей...		Руководители государства, высшие чиновники, описывая положение дел в экономике и здравоохранении, пенсионном обеспечении, борьбе с преступностью и других важнейших сферах управления...	
	Декабрь 2010	Август 2013	Декабрь 2010	Август 2013
Всегда/практически всегда говорят правду	5	4	6	2
По большей части говорят правду	28	24	15	14
Иногда говорят правду, иногда скрывают правду, лгут	47	47	35	42
По большей части скрывают правду, лгут	14	17	30	30
Всегда/практически всегда скрывают правду, лгут	3	3	9	7
Затрудняюсь ответить	4	6	5	5
Сумма ответов «Обычно говорят правду»	33	28	21	16
Сумма ответов Лгут (всегда или в неопределенно многих случаях)	64	67	74	79

¹ Доминирует убежденность в том, что власти относятся к обычным людям несправедливо (66%), мнение «справедливо и одинаково, как к себе» разделяют лишь 23%. (2007-11, N=1600)

правового государства, составляющего костяк институциональной организации современно-

го социума, здесь структуры негативной идентичности образуются как опорные системы защитных механизмов частной жизни, лишенной самой по себе определенности и устойчивости, как у ракообразных – хитиновый корпус, удерживающий мягкие внутренние органы).¹

Всего 13% россиян в среднем безоговорочно верят в белые одежды национального лидера, президента. Как полагает большая часть респондентов, в российском обществе стало

больше свободы (хотя их число снижается год от года), но меньше порядка, справедливости, законности, солидарности (табл. 27). Иначе говоря, свободы – для власти, порядка и законности – для подданных. Подобное восприятие происходящих в обществе процессов может свидетельствовать как о дезинтеграции общества, аномии, так и о растущем ощущении неблагополучия в моральной сфере, осознании значимости моральных регуляторов.

Таблица 24

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПОЛУЧАЕТ ЛИ ВЛАДИМИР ПУТИН ОТ СВОЕГО ОКРУЖЕНИЯ ПОЛНУЮ И ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В СТРАНЕ – ИЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ИМЕЮЩАЯСЯ У НЕГО ИНФОРМАЦИЯ НЕПОЛНА И ИСКАЖЕНА – ИЛИ ЧТО ОТ НЕГО ВООБЩЕ СКРЫВАЮТ ПРАВДУ О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ?

	2000	2004	2005	2006	2007	2013
Получает полную и достоверную информации	29	28	26	26	28	27
Получает неполную и искаженную информацию	40	46	50	47	44	42
От него скрывают правду	12	17	15	16	15	13
Затрудняюсь ответить	19	9	9	11	13	18

N=1600

Таблица 25

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДАННЫМ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ О «РАЗМЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КОРЗИНЫ», РАСХОДАХ НА АРМИЮ ИЛИ ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО?

	2010	2013
Полностью доверяю	4	2
По большей части доверяю	17	17
Отчасти доверяю, отчасти нет	36	34
По большей части не доверяю	23	28
Совершенно не доверяю	15	13
Затрудняюсь ответить	5	6
Сомневающиеся и недоверяющие	74	75

N=1600

Таблица 26

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВИНОВЕН ЛИ ПУТИН В ТЕХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ, В КОТОРЫХ ЕГО ОБВИНЯЮТ ПРОТИВНИКИ?

	2012 апрель	2012 декабрь	2013 август
Несомненно виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в Интернете и свободных СМИ	16	11	10
Наверное да, как и все высокопоставленные чиновники, но я об этом мало знаю, не слежу за этим	32	37	42
Даже если это и правда, важнее то, что при нем страна стала жить лучше	25	14	18
Что бы ни говорили, я не верю в то, что Путин когда-либо злоупотреблял властью	11	15	13
Затрудняюсь ответить	16	23	17

N=1600

¹ Гудков Л. Страх как рамка понимания // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., МВШСЭН – ИНТЕРЦЕНТР, 2000, VII Международной симпозиум, с. 438

Основываясь на приведенных данных, приходишь к выводу, что распространенная в либеральных кругах идея «оккупационного» характера авторитарной власти — принципиально неверная посылка. Коррумпированная власть — лишь видимая верхушка консенсуса насилия. В принципе речь идет о перманентно развращаемом обществе, принявшем идею насилия как высший принцип государственной организации общества, согласившейся с ней. Такая характеристика социальной материи (все равно будет ли насилие идеологически оправданным в виде борьбы классов или защиты безопасности нации) указывает на несостоятельность и невозможность массовой морали, не-образование моральных регуляторов, и тем самым — на несостоятельность общества, интегрируемого на принципах низости или подлости (как базовых социальных и даже - антропологических константах отношений власти и населения). Коррумпированность и произвол власти, нечестность судов, хроническое сознание социальной уязвимости и незащитности, конечно, предполагает слабую легитимность власти, но отсутствие морали компенсирует подобные дефициты, образуя единый комплекс взаимно парализующих воздействий. Уравновешивается подобный дисбаланс очень

глубокими иллюзиями, восходящими к крепостному праву и советской распределительной системе, что власть, если захочет, может смягчиться и поделиться с подданными своими благами, что только от ее доброй воли зависит решение: повысить благосостояние населения или держать его по-прежнему в бедности ради своих каких-то целей (геополитических или национального престижа — космоса, великих строек, гигантской армии, олимпиады и проч.). Потребительский соблазн для хронически дефицитарного или нищего общества — основа сделок с дьяволом.

Абсолютное большинство россиян (61%, февраль 2012 г.), как раз за разом показывают опросы общественного мнения, утверждают, что сейчас рядовому человеку нечего надеяться на справедливый суд в России (с ними не согласны лишь 27%, остальные не знают, что сказать в этом случае).

Преобладает состояние уязвимости (88-82%), хотя защищенность слегка растет (+6 пп.) при одновременном увеличении «затруднившихся с ответом» (+6 пп., табл. 28) Возможно, это эффект некоторого роста гражданского самосознания в очень узких секторах городского слоя, стимулированного готовностью к протестам. Но для большей части населения

Таблица 27

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ...?

	2008		2010		2011	
	Больше	Меньше	Больше	Меньше	Больше	Меньше
Свободы	65	21	55	31	52	35
Порядка	35	57	23	69	22	72
Законности	30	59	21	68	20	72
Гражданской активности	26	59	20	65	23	63
Справедливости	26	64	18	73	17	75
Солидарности между людьми	22	69	16	74	17	76
Взаимного доверия	15	74	15	75	12	80

N=1600, без затруднившихся с ответом

Таблица 28

НАСКОЛЬКО ВЫ ЛИЧНО ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ЗАЩИЩЕННЫМ (-ОЙ) ОТ ПРОИЗВОЛА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?

	2004 октябрь	2005 ноябрь	2006 ноябрь	2010 январь	2013 апрель
Полностью защищен	2	2	2	5	2
Довольно хорошо защищен	10	11	11	11	16
Слабо защищен	51	54	49	53	51
Совершенно не защищен	32	27	31	24	22
Затрудняюсь ответить	5	6	7	7	9
Защищены	12	13	13	16	18
Незащищены	88	87	87	84	82

N=1600

положение в этой сфере в перспективе не изменится и не может существенно измениться без трансформации действующей системы власти и социального порядка. На вопрос: «Как Вы думаете, изменится ли за ближайшие 12 лет социальная защищенность людей и если да, то каким образом?» (февраль 2012), 43% опрошенных ответили «останется без изменений», 26% — «улучшится», 19% — «ухудшится» (12% затруднились с ответом).

4. Парадокс отношения к власти: сочетание иллюзий и прагматической трезвости

Массовое сознание, фиксируемое в опросах общественного мнения, демонстрирует принципиальную противоречивость установок по отношению к сфере политики. С одной стороны, преобладающая часть российского населения выражает «доверие» ее лидерам и «одобряют» их деятельность (но не проводимую ими политику!), с другой — не меньшая доля опрошенных — выносит весьма резкие оценки нынешнему режиму и человеческим качествам политиков второго ряда и высших чиновников, являющихся командным составом этой системы¹. Политики, депутаты, государственные чиновники оказываются наименее уважаемыми (или самыми неуважаемыми) профессионалами (табл. 29 и 30), в человеческом плане хуже даже, чем представители шоу-бизнеса, издавна вызывавшие амбивалентное отношение или сомнение с традиционной моральной точки зрения. Такая близость фигур, причастных к политике, к работникам эстрады и деятелям поп-культуры может свидетельствовать о том, что массовое сознание воспринимает публичные фигуры власти одновременно и как клоунов, и как уголовников (то же, кстати, проявляется и в отношении полицейских). В. Жириновский — здесь лишь наиболее яркий пример. Символические функции власти в общественном мнении сводятся к утрированному изображению или разыгрыванию на политической сцене важнейших коллективных значений социального целого и насильственного подавления несогласных, что немедленно провоцирует мысль, что защита «национальных» или «государственных интересов» — безопасности, национальной культуры,

¹ На протяжении 2013 года Путина одобряют 63-64%, не одобряют — 32-36% при очень низком проценте затруднившихся с ответом. Напротив, правительство, которое назначается президентом и находится под его полным контролем, которое проводит его политический курс, не на йоту не решаясь на какие-то самостоятельные действия, не одобряют от 54 до 58%.

нравственности и проч., лишь прикрытие для интересов удержания у власти и перераспределения доходов, привилегий, бонусов, собственности и т.п. в свою пользу. Подобная двойственность восприятия политики указывает на то, что «политики» выпадают из ряда обычных, то есть с точки зрения российского обывателя — «нормальных» — людей, они выведены за границы «обычного», «человеческого», что это в определенном смысле — это «не люди», а специфический сорт социальных «хищников», выведенных на публичную сцену в результате весьма специфического отбора, и вместе с тем — они наделяются ореолом посвященных, поднятых из обычной жизни, причастных событиям, происходящим в «высших сферах», в любом случае — они помещены во внеповседневное, символическое пространство, чуждое заботам населения. И это при том, что формально депутаты прошли ритуалы «народного» одобрения в ходе «выборов» (правда, абсолютное большинство опрошенных россиян не в состоянии назвать имени своих депутатов).

Таблица 29
С КАКИМИ ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС СТОЯТ У ВЛАСТИ, ВЫ БЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, СОГЛАСИЛИСЬ?

Это люди...

озабоченные только своими привилегиями и доходами	41
для которых главное — сама власть	34
образованные, знающие специалисты	18
организаторы-практики, умеющие работать с людьми	12
заботятся о благе народа	10
идейные, убежденные	6
защитники «доперестроечных» порядков	2
другое	0,9
затрудняюсь ответить	9
Отношение суммы позитивных (34 пп.) и негативных (58 пп.) суждений	0,4

Апрель 2013; сумма ответов больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать более одного варианта

Явное преобладание негативных оценок власти нельзя рассматривать как методический эффект самого опроса, оно сохраняется при разных формулировках вопросов о нынешней российской власти. Относительно чаще позитивные оценки властям даются теми, кто непосредственно принадлежит к ней или обслуживает ее: бюджетники, военнослужащие, работники госсектора — специалисты, руко-

Таблица 30

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ?

Действующая в собственных интересах	35
Воровская и мафиозная	27
Слабая и неуверенная в себе	16
Демократическая, правовая	14
Авторитарная и репрессивная	13
Наглая и беззастенчивая	11
Профессиональная и компетентная	11
Сильная и уверенная в себе	10
Разумная и дальновидная	8
Справедливая, близкая к народу	2
Затрудняюсь ответить	11
Отношение позитивных (<i>демократичная, компетентная, сильная, дальновидная, справедливая</i>) и негативных (<i>эгоистичная, мафиозная, авторитарная, репрессивная, наглая, слабая</i>) суждений	0,4

Апрель 2013, N=1600 (в % от числа опрошенных).

водители, служащие, а также самые молодые люди (табл. 30а), усваивающие представления о политике из каналов трансляции официальной идеологии — школы, телевизионной пропаган-

Таблица 30а

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ? (распределение ответов в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, в % по столбцу)

Определения...	Всего	Предприниматель	Руководитель	Специалист	Военнослужащий	Служащий	Рабочий	Учащийся, студент	Пенсионер	Домохозяйка	Безработный
Действующая в собственных интересах	35	34	39	34	42	33	33	25	37	39	40
Воровская и мафиозная	27	26	18	26	29	29	29	17	28	25	28
Слабая и неуверенная в себе	16	9	23	15	19	18	16	7	19	9	25
демократическая, правовая	14	9	16	18	16	9	17	21	11	10	7
Авторитарная, репрессивная	13	16	8	17	13	15	16	11	7	3	14
Наглая и беззастенчивая	11	9	11	14	8	11	12	17	9	10	10
Профессиональная и компетентная	11	10	14	19	8	10	9	15	8	8	6
Сильная и уверенная в себе	10	11	14	17	14	12	7	14	9	3	11
Разумная и дальновидная	8	4	4	10	0	9	11	5	7	6	12
справедливая, близкая к народу	2	0	3	2	13	<1	3	0	3	4	0
Затрудняюсь ответить	11	21	6	8	21	12	8	19	10	19	11
Сумма позитивных оценок	45	34	51	66	51	32	47	55	38	31	36
Сумма негативных оценок	102	94	99	106	111	106	106	77	100	86	107
Соотношение позитивных и негативных оценок	0,4	0,36	0,52	0,75	0,46	0,4	0,41	0,71	0,38	0,36	0,31

Апрель 2013, N=1600, ответы ранжированы

ды, армии. Хуже всего оценивают российскую власть те, кто зависят от социальной политики государства (пенсионеры, инвалиды, домохозяйки) или кто явно неудовлетворен его функционированием (предприниматели, безработные).

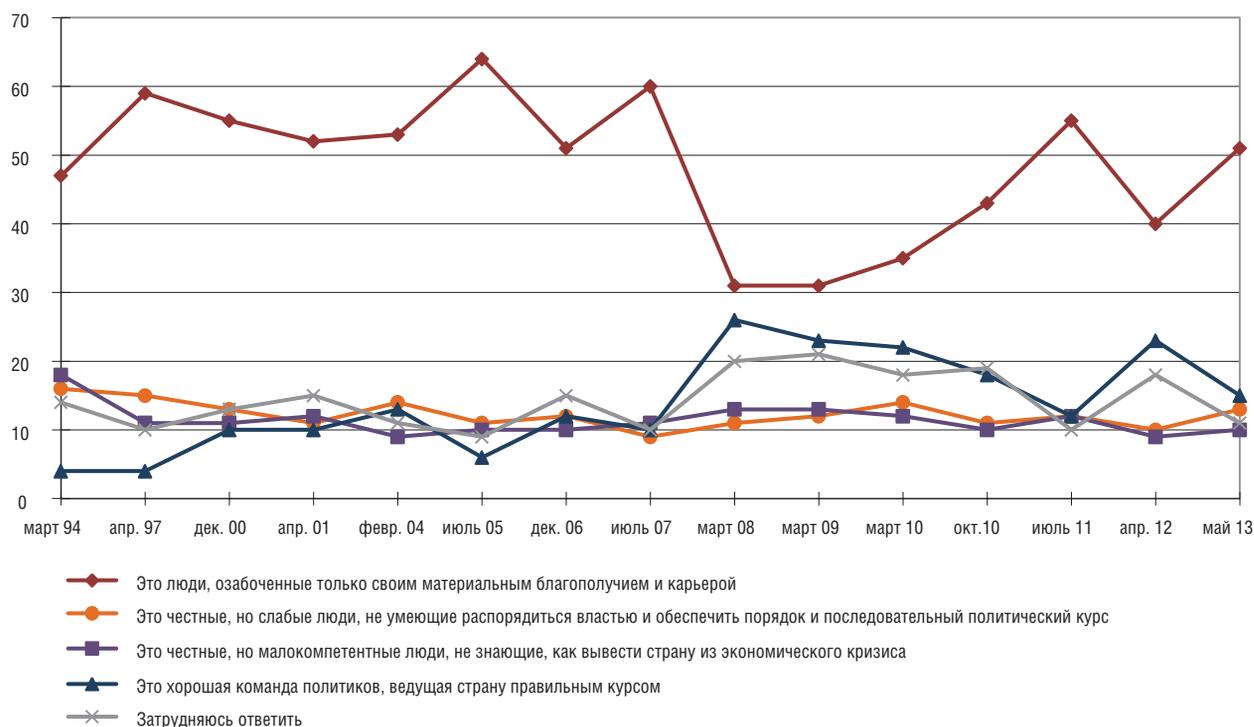
Важно подчеркнуть, что на протяжении почти 20-летнего периода доля положительных оценок («хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом»), характеризующих российское руководство (при всех изменениях его персонального состава) в среднем не превышала 10-12%, даже учитывая рост надежд в первые годы медведевского, чисто номинального, правления. Иначе говоря, мы имеем дело с институциональными механизмами, определяющими воспроизводство системы господства и мало зависящими от текущей политической конъюнктуры.

Негативное — сдержанно презрительное или неуважительное — отношение к власти, как показывают социологические опросы, чрезвычайно устойчиво — оно принципиально не менялось на протяжении 13 лет, с момента избрания Путина до определения на президентский пост Д. Медведева, провозгласившего новый курс,

использовавшего новую для режима риторику: модернизации, институциональные реформы, правовое государство и проч.¹, в которую на короткое время поверило какое-то число россиян, примерно 15-17%, преимущественно молодых и более образованных (рис. 2). Однако уже к середине президентского срока Медведева все вернулось на свои круги. После явного провала Медведева и дискредитации его как самостоятельной политической фигуры (как и его риторики), путинская администрация провозгласила откровенно консервативный и охранительный политический курс. Путин свой новый срок начал с показательных репрессий.

пов по разным общественным сферам. Можно сказать, что социальные институты систематическим образом закрепляют результаты произведенного отбора. Поэтому сам факт неравномерности институциональных изменений, о которой приходилось неоднократно писать, должен заставить задуматься о том, что сдерживание одних процессов и стимулирование других (архаизации сознания, усиление цинизма, лжи, насилия в СМИ и пропаганде, разжигание государством ненависти к отдельным группам), следует рассматривать через призму постоянной фильтрации одних человеческих типов и селекции других, совершенно определенных

Рисунок 2
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ?

5. Институты как механизмы селекции человеческих типов

Человеческие типы или человеческие характеры неравномерно представлены в разных институциональных сферах. Институты представляют собой не просто правила (нормы) поведения (а также способы их правового закрепления и порядка воспроизводства), но и механизмы селекции, то есть последовательного отбора и распределения человеческих ти-

по своим качествам. Другими словами, нынешнюю государственную систему, сложившуюся при Путине, следует рассматривать не как «недоразвитое демократическое» государство (со «слабыми» или «дефектными» институтами, с «дефицитом институтов», как это часто утверждается в среде экспертов – экономистов, сопоставляющих Россию с другими странами по шкале модернизации и экономического развития), а как вполне сформированную, весьма своеобразную авторитарную институциональную структуру, в принципе не ориентирующуюся на западные модели правового государства, свободного рынка, представительной демократии. Ее конструкция и особенности функцио-

¹ Это была уже третья попытка внести новую идеологию в легитимацию государственной власти в России после краха советской системы (первая – демократия, сближение с Западом, вторая (путинская) – укрепление централизованного государства и «вставание с колен»).

нирования — результат накопленных усилий и сознательной политики, произведенной селекции «человеческого материала», систематического отбора из доступного множества качеств людей — интеллектуальных, моральных, эстетических и т.п., весьма специфических — презрение к знанию, интеллекту, культуре, всего того, что возвышает человеческий дух и что противостоит простому насилию¹. Речь не о евгенике, а о последовательном — направленном — подборе людей, обладающих теми или иными способностями (или — неспособностями, включая, например, моральную тупость, нерешительность, конформизм, отсутствие воображения).

Бытовая (или низовая) фиксация подобных отличий обычно выражается в устойчивых социальных предрассудках и стереотипах, в первую очередь, этнических (точнее — этнословных или этностратифицированных) клише: евреи — меркантильны и рационалистичны, сплочены и склонны к самоизоляции, поскольку «внутренне» чужды культуре и ценностям доминирующего большинства; украинцы («хохлы») — прижимисты, мелочно расчетливы и недоверчивы, жлобы; азербайджанцы — рыночные торговцы и спекулянты; цыгане — обманщики и воры, торговцы наркотиками; немцы — педантичны, организованы, добросовестные и прилежные работники; французы — куртуазны, жовиальны и легкомысленны; негры — музыкальны, ленивы и сексуальны и т.п. Подобные стереотипы и, чаще всего, негативные характеристики не статичны, их функциональная нагрузка заключается в том, что они должны оттенить «естественную» бескачественность самих русских, их природную массивность, поскольку русские — не просто большинство населения,

¹ Мысль не новая в социологии, скорее даже, в известном смысле, почти тривиальная. Однако она редко получает систематическое развертывание в виде теоретических концепций и эмпирических исследований. Потенциал подобной рационализации в том или ином виде присутствует в работах почти всех крупнейших социологов (например, в веберовских типах легитимного господства, в его анализе влияния мировых религий на хозяйственную этику; его классическая работа о влиянии протестантской этики на генезис капитализма описывает отбор и воспроизводство определенных характеристик человека-предпринимателя. Этот анализ дается Вебером всегда в сравнительно-типологическом ключе сопоставления разных идеально-типических конструкций акторов в разнородных ситуациях и социально-культурных контекстах; то же самое относится и к его описаниям фигуры демагога, пророка, мандарина, кади, чиновника и проч.). В скрытом виде этот же подход присутствует и в теории социальных ролей и их распределения в структуре социального института, в теориях коммуникаций (предполагающих выделение лидера мнений и внимающих ему реципиентов и т.п.). Однако по мере утверждения социологического позитивизма и популярности количественных методов исследования подобное понимание практически исчезло из практики социологического анализа.

они — государственный народ, то есть специфические различия других должны проявляться на фоне немаркированности собственной идентификации («быть как все»).

Социальные клише и стереотипы (не менее распространенные, чем этнические) характеризуют выделенные, четко определенные институциональные сферы: таковы доминантные представления о политике как «грязном деле» (дескать, в политику идут карьеристы, богатые люди или проходимцы, жулики, стремящиеся заручиться депутатским мандатом, чтобы уйти от — предположительно, уголовной — ответственности)²; о бизнесе (в отечественном бизнесе «успеха добиваются лишь жулики и авантюристы»)³, о бюрократии («все чиновники — взяточники и казнокрады»), об армии, полиции, школе и т.п. Каждому такому образу соответствуют латентные представления с обратным знаком отношения, например, «политика — сфера высоких, неповседневных, исторических событий и отношений выдающихся людей, область геополитических интересов великих стран», «предприниматели — люди богатые, могущественные и свободные от обычных проблем, двигатели экономического и общественного развития страны», «армия — воплощение героического духа и лучших традиций нации», «государство», какое бы ни было, лучше чем социальный хаос и война всех против всех, министерства и ведомства заняты реальным и практическим делом управления, работа чиновника не сводится к абсурду бюрократической рутины или ведомственным интригам, а представляет собой выражение «интересов государства» и т.п.

То, что люди различаются между собой, и что от пилота истребителя требуются (и ожидаются) совершенно иные качества, нежели от священника или артиста, а от университетского профессора — отличные от полицейского или политика, кажется интуитивно понятным и тривиальным обстоятельством. Хотя очевидность подобной констатации немедленно исчезает, если попробовать отойти от различий психофизиологического рода и обратиться к

² Такие установки, среди прочего, проявляются и в стойком недоверии протестного движения в мегаполисах к своим же лидерам и нежелании делегировать им свои полномочия и права, что парализует потенциал самоорганизации оппозиции.

³ См. данные опроса Левада-центра о типичных характеристиках и качествах российских и иностранных предпринимателей и бизнесменов Пресс-выпуске Левада-центра от 10.06.2013, а также: *Бондаренко Н., Красильникова М., Юдаева К.* Инновационный и предпринимательский потенциал общества // Вестник общественного мнения, 2012, № 1 (111), с. 75-99.

этическим или интеллектуальным различиям профессиональных занятий. В этом случае нужны уже некоторые специальные усилия, чтобы резкость различий была замечена, а их природа обдумана.

Препятствует учету подобных вещей вполне обыденное обстоятельство: генерализирующая моральная установка массового человека городского общества подавляет этот процесс уяснения, блокирует внимание к статусным или ролевым отличиям и, напротив, требует относиться ко всем людям как равно значимым акторам. Мода унисекс или постепенное ослабление аскриптивных характеристик людей при приеме на работу, выборе профессий (например, допуск женщин в армию, в полицию, что еще не так давно казалось немислимым), борьба за гендерное равенство или уравнивание гражданских прав гетеро- и гомосексуалов и прочие явления современной жизни ослабляют прежние традиционные ролевые или сословные барьеры и перегородки между социальными группами.

Вне поля внимания и понимания остается

работа селективных механизмов различных институтов, хотя сами результаты подбора людей так или иначе фиксируются общественным мнением в оценках людей, принадлежащих разным сферам.

Большинство россиян уверены (55% против 30%), что Путин подбирает руководителей на высшие посты в государстве по принципу «личной лояльности, а не по способностям или компетентности» (апрель 2013 г.), что его окружают серые и безынициативные люди (так считают 46%, с этой оценкой не согласны 32%, преимущественно те, кто составляет его базовый электорат). Но в целом сам механизм действия этой селекции и его последствия рационализированы крайне слабо, главным образом в виде общественного уважения к тем или иным профессиям и занятиям (табл. 31).

Общественное мнение в данном случае следует моральным предпочтениям гражданского общества, наделяя умом, компетентностью и порядочностью (ответственностью, совестью, что собственно обычно и причисляется к моральному поведению) людей, занятых пре-

Таблица 31

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАКИХ ПРОФЕССИЙ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО УВАЖАЕТЕ, А КАКИХ - НЕТ?

	Уважают	Не уважают	Баланс
Врачи	55	8	47
Школьные учителя	48	4	44
Ученые	44	1	43
Крестьяне	44	2	42
Рабочие промышленности, строительства, транспорта	40	<1	39
Военные	39	5	34
Творческая интеллигенция (писатели, художники, композиторы)	24	3	21
Преподаватели вузов	21	3	18
Актеры театра и кино	20	9	11
Священники	18	4	14
Бухгалтеры, экономисты	15	5	10
Предприниматели, бизнесмены	13	11	2
Журналисты	9	14	-5
Звезды эстрады, поп-культуры	9	24	-15
Работники сферы обслуживания	8	7	1
Полицейские	8	29	-21
Работники торговли	7	12	-5
Сотрудники прокуратуры	6	16	-10
Судьи	6	17	-11
Офисные работники	4	7	-3
Политики, депутаты	3	35	-32
Работники шоу-бизнеса	3	28	-25
Государственные служащие, чиновники	3	28	-25
Затрудились с ответом	7	18	

Сентябрь 2012, N=1600. В % к числу опрошенных

имущественно в гуманитарных сферах: науке, образовании, медицине и т.п.

«Умные люди» могут быть сосредоточены и в других сферах, требующих быстроты реакции, предприимчивости, знаний, а именно: бизнес, торговля, финансы, но тогда эти человеческие качества получают дополнительную окраску: они соединяются с «хитростью», «ловкостью», «пройдохеством», «изворотливостью», свойственных «жуликам и спекулянтам», что, понятно, не вызывает особого уважения.

В РПЦ – ценится не ум, не интеллектуальные способности, а «совестливость», приписываемая священникам (не просто ее наличие, присутствие совести, но вера в то, что нравственная отзывчивость и мера человеческого институционально закреплены и гарантированы).

Но политики, депутаты и плохо отделяемые от них госчиновники, начисто лишены всяких позитивных определений. Почти не упоминаются члены общественных организаций, включая и некоммерческие. Общественным мнением они не рассматриваются как значимые и известные, маркированные сферы жизни. Возможно, одно из объяснений такого отношения к НКО (помимо враждебного отношения государства к ним, транслируемого пропагандой, или дефицита информации у населения об их деятельности, отрезанности участников общественных движений

от доступа к основным каналам СМИ) состоит в том, что в массовом сознании они слабо отделяются от советских общественных организаций, память о которых еще очень жива, и укоренена в повседневности, и ассоциируются с двусмысленными занятиями политикой.

Значительных различий во мнениях об «умных и талантливых» между опрошенными из разных социально-демографических групп – нет. Но мнения о том, где сосредоточены «совестливые и порядочные», существенно различаются (причем резко увеличивается доля «затруднившихся с ответом» – почти 40% не смогли сказать, где прячутся порядочные люди): полярными категориями являются жители столицы и жители села (крайние полюса центр-периферических отношений). Москвичи отвечают более интенсивно, чаще указывают на те или иные области занятости: «в науке» (38% москвичей, в селе – 14%), «в религиозных организациях» (соответственно, 30 и 11%), «в медицине, образовании» (24 и 8%), «в искусстве, литературе, культуре» (22 и 8%), в СМИ (12 и 5%), в общественных организациях, НКО (13 и 3%). Но относительно такого же разделения «в политике» и «в промышленности» различия в ответах респондентов стерты. Колебания в ответах жителей других городских и сельских поселений незначительны (если не считать роста затруднившихся с ответом на эти вопросы

Таблица 32

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В КАКИХ СФЕРАХ СЕЙЧАС РАБОТАЮТ ...

А) САМЫЕ УМНЫЕ, ТАЛАНТЛИВЫЕ, СПОСОБНЫЕ ЛЮДИ В НАШЕЙ СТРАНЕ?

Б) А В КАКИХ - САМЫЕ ЧЕСТНЫЕ, СОВЕСТЛИВЫЕ И ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ В НАШЕЙ СТРАНЕ?

В...	А	Б	баланс
науке	32	20	12
бизнесе, торговле, финансовой сфере	26	<4	22
медицине, образовании,	22	15	7
искусстве, литературе, в культуре	19	13	6
сфере производства (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т.п.)	18	13	5
журналистике, в средствах массовой информации	12	7	5
политике, политических партиях и движениях	9	<2	7
шоу-бизнесе, эстраде	8	<2	6
в религиозных организациях, в РПЦ	7	16	-9
в правительстве, органах государственного управления	7	<2	5
сфере услуг	6	5	1
общественных, некоммерческих организациях	6	6	=
Государственной Думе, Совете Федерации, органах законодательной власти	5	1	4
в армии, полиции, органах охраны правопорядка	5	4	1
затрудняюсь ответить	25	39	-

Июнь 2013, N=1600. В % к числу опрошенных, ответы ранжированы по столбцу «А».

(в Москве их 30%, в селе — 48%, в поселениях остальных типов — от 35 до 40%).

Эти проблемы сильнее занимают именно москвичей (в силу их более высокого образовательного уровня, информированности, включенности в социально-политические процессы, обусловленные интенсивностью и многообразием, сложностью общественной жизни, большей социальной дифференциацией в столице). Кроме того, москвичи в большей степени обладают критическими способностями к рефлексии и оценке качества доступной информации благодаря накопленному здесь социальному капиталу. Не случайно ужесточение закона об НКО одобряют в Москве 24%, в селе — 57%, хотя информированность об их деятельности обратная: ничего не знают о них в Москве всего 14%, во всех остальных типах поселений — от 31 до 36% опрошенных). И опять-таки, именно в Москве самый высокий уровень недоверия к центральным каналам ТВ — 35% (в селе — лишь 22%; недоверие равномерно падает по мере снижения степени урбанизованности поселения, в котором проживает респондент)¹.

Таким образом, неуважение или хроническое (системное) презрение к власти опирается на представления о механизмах негативной или имморальной отобранности людей во власть. Другими словами, подобные персонафицированные оценки отражают слабо рационализированные представления об институциональных формах и принципах организации авторитарного или тоталитарного социума — нерасчлененного в функциональном плане и неспециализированного «общества-государ-

ства». Недовольство властью ни только не отменяет, но даже предполагает наличие в такой социальной структуре фигуры «вождя» или лидера, стоящего над всеми, на которого проецируются (по принципу негативного восполнения и переворачивания знака возможностей — недостатков в добродетели, ограниченность — во всемогуществе) вся неудовлетворенность, все негативные определения пирамиды государственной власти. Он наделяется теми воображаемыми, желаемыми достоинствами (не имеющими отношения к реальности), которые *хотели бы видеть* в нем подданные. Подобный лидер получает нуминозный ореол достоинств, ценимых в обществе, поскольку они приписываются обществом самому себе. Поэтому этот символический потенциал практически неразрушим в текущем времени, так как он не может быть рационализирован, ибо состоит из *массовых иллюзий*. (По сути своей, по функции этот образ не подвергается и не может быть подвергнут рефлексии и осмыслению, он не доступен осознанию. Но вера в него может внезапно иссякнуть, как только начинает эрозировать контекст понимания реальности, фасцинация образа вождя гаснет неожиданно и быстро, а сам культ и пиетет к нему рушится, как только исчерпываются сами иллюзии).

Способ подобного клишированного выделения отдельных сфер общественной жизни сводится к оценке, чаще всего — негативной, предполагаемых в этих сферах занятий и самих занятых здесь людей (бизнес, политика и т.п.). Заведомо дисквалифицирующая интерпретация моральных качеств и мотивации действующих здесь лиц вменяет аморальные (асоциальные по отношению к основной массе населения), эгоистические или цинические мотивы действия, что предполагает тем самым отделение их от «обычных» людей, от «большинства», их отделенность (здесь важны отлагательные определения, содержащие процессуальные компоненты значений)². Следовательно, специфическую характеристику оцени-

¹ Доверяют этим каналам как источнику информации в Москве — 41% (август 2013), в больших городах — 47%, в средних городах — 58%, оно снижается в малых городах и в селе 52 и 50% соответственно, и одновременно здесь растут затруднения среди опрошенных, не знающих, как ответить на подобные вопросы или не могущих оценивать степень объективности информации, поскольку не располагают сколько-нибудь значимым выбором источников информации. Другими словами, проблема достоверности информации или лживости пропаганды в провинции вообще не встает. Интернет здесь не является средством, компенсирующим дефицит информации: выше всего его роль оценивается в средних городах (здесь 24% рассматривают его как наиболее достоверный канал информации, в Москве и больших городах такие оценки встречаются лишь у 20 и 17% опрошенных, в селе и малых городах — 7-8%). Образование само по себе не дает такого эффекта — различия в установках (среди доверяющих с высшим образованием позитивно оценивают объективность и достоверность информационных передач на этих каналах 62%, со средним и ниже — 66-67%). Молодые настроены более скептически к качеству и достоверности ТВ-информации, нежели зрелые и тем более — пожилые люди (позитивные оценки с возрастом растут с 57% у самых молодых до 71%, у пожилых, напротив, недоверие снижается с 31% до 21% у самых пожилых опрошенных).

² Примечательно признание со стороны «верных русланов» режима той глубокой антипатии, которое население питает к власти. Так, например, полпред правительства в высших судах Михаил Барцевский, выступая в Госдуме по поводу законопроекта [о запрете чиновникам иметь иностранную недвижимость, счета, собственность за рубежом], предупреждал, что «нельзя принимать законы в угоду общества» [курсив мой — ЛГ]: «Если вы предложите расстрел губернатора после окончания их срока полномочий, то во многих регионах общество это поддержит» — заявлял он в декабре прошлого года. // Наталья Горюдецкая, Иван Сафронов. Расходное место, Коммерсантъ, № 63 от 11 апреля 2013, с. 2.

ваемая таким образом сфера получает именно по отношению к неопределенному массиву «большинства» (низового или сниженного), которому назначаются свойства предельной тотальности — «все».

Подобная операция имеет двойное назначение: во-первых, выделяет негативно оцениваемые системой действия, неподконтрольные основной массе населения, а во-вторых — формирует столь же неопределенное представление обо «всех», но уже лишенное негативных значений. Это большинство конституировано, если не позитивными значениями (что бывает редко и, как правило, содержит лишь латентные одобрительные определения), то, по крайней мере, — нейтральными значениями массы. «Большинство» — это не содержательное, не предметное определение совокупности каких-то социальных групп или образований, слов, классов и т.п., а апеллятивная инстанция, функция которой — идентификация с массой, «быть как все»¹. Логический смысл (функция) подобного смыслового образования состоит в том, чтобы по отношению к этой апеллятивной структуре «всего целого» иметь возможность произвести характеристику отдельных «частей», не полностью входящих в это общее целое, точнее — выделяемых из него, отчуждаемых от него и тем самым, превращаемых в замкнутые, отдельные множества, обретающие свойства «отдельной сферы». По существу, этот процесс следует назвать матричным дублированием представлений об обществе, когда само общество воспринимается не как система функционально взаимосвязанных институтов, а как агрегат отдельных его сегментов². За таким способом работы массового сознания стоит сохранение понятия недифференцированности целого («народа», «страны», «государства», «населения», «общества» и т.д.) и подавление необходимой специализации и разнообразия ценностных качеств и достоинств индивидов, групп, взаимосвязности и функциональной взаимозависимости институтов и групп, идея коммуникативной структуры сообщества.

¹ Левада Ю. О «большинстве» и «меньшинстве» // Ищем человека, с. 350-363.

² Так В. Ключевский описывал эволюцию приказной системы московского царства, проводя аналогию между царским дворцом, представляющим хаотическое нагромождение отдельных помещений, переходов и флигелей, разрастающихся по мере надобности путем еще одной и еще одной пристройки к основному или исходному зданию, и государством).

Производимая таким образом бескачественность «большинства» позволяет не только выделить отдельные зоны сомнительных занятий, отделив «мы» от правящего «они», за которых обыватель не хочет нести ответственности, но одновременно производится девальвация, обесценивание частных форм самоопределения (с точки зрения господствующих групп или сил, присваивающих себе права представительства всего «целого», апроприирующих права и средства принуждения к признанию значимости этого целого, а значит — дисквалифицирующих любые попытки других действующих лиц субъективно выделиться из аморфного «большинства»)³. Единственно, что соединяет отдельные зоны или сферы и организует подобное «большинство», — это вера в общность происхождения, традиционалистская по способу своего действия интеграция социума.

Подобный механизм маргинализации или дисквалификации морального поведения, или, напротив, наделения особыми ценностными значениями позиции индивида или группы не случаен. Работа такого рода есть выражение недифференцированного общественного устройства (когда целое представлено лишь в одном виде: авторитарная власть — подданные). Любое самодостаточное поведение индивида в таких случаях воспринимается либо как юродство, либо как асоциальное действие, оскорбление публики, кощунство, психическое отклонение⁴. Неиндивидуальное представление о мотивах действия (тотализация действия: «вся политика», «весь бизнес», «все чиновничество», «вся социология») предполагает подсознательную стерилизацию моральных установок, выражающих внутренний императив и требование

³ Совсем свежим примером здесь может служить поведение Путина, назвавшего «придумком» профессора Высшей школы экономики, предложившего установить международный контроль над Арктикой как средство противодействия произволу нефтяных и газодобывающих монополий, загрязняющих и уничтожающих хрупкий экобаланс северной природы. Возмущенный президент заявил, что Арктика — это область национальных интересов и суверенитета России, а потому она не может быть отдана под управление и мониторинг международных организаций. Лицемерие подобной защиты корпоративных интересов российских властных кланов, которые представляет Путин, ссылками на национальное целое здесь совершенно очевидно, привлекает внимание лишь распущенность и вульгарность первого лица государства, а не сама манера девальвации носителей противоположного мнения.

⁴ Гудков Л., Левинсон А. Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя // Вестник общественного мнения, 2011, № 1 (107) январь-март, с. 87-101. = Сахаровский сборник. М., РГГУ, 2010. сост. А. Бабенюшев, с. 396-428. См. массовую реакцию на выступления группы и процесс против «Пусси-Райт»: Общественное мнение — 2012, с. 136-139, табл. 11.47 — 11.52.

«понимания», «понимать мотивы действующего». Сам способ выделения задан внутренней негативной оценкой дистанцирующихся¹.

Выделение производится не как признание заслуг или достижений, добродетели или достоинств тех, кого выделяют (что было бы фактически признанием процессов структурно-функциональной дифференциации общества, действенной системы разделения труда, обмена — экономического и символического), признаками чего должны были бы стать коммуникации разного рода, опосредующие взаимосвязи, авторитетная квалификация достижения (то есть механизм элитного структурирования социума). Оно основывается на негативном определении выделившихся (если смотреть «снизу») или позитивном признании властью в том качестве, какое угодно господствующей группировке («их власть, кого хотят, того и награждают», как говорила А. Ахматова). Само общество отделено от системы квалификации социальных успехов, оценки поведения как должного и недолжного, как порочного или подобающего нравам и моральным принципам, то есть не различает зло, преступление или стечение обстоятельств.

В любом случае маргинализация морального действия и невозможность признания обществом достижения (отсутствие автономных механизмов самоорганизации) оборачивается социальным имморализмом, интеллектуальной неразвитостью (общественной тупостью)². Апатия или бесчувственность общества, тотальное равнодушие людей (как качество социальной материи) это — не спонтанные или природные, естественные психологические состояния, а вполне функциональный результат специфической институциональной орга-

¹ Важно, что со стороны массы выделение групп идет через дистанцирование, через выделение из большинства, квалифицируемое, однако, в таких случаях подчеркнута негативно («совок», плебс, «пиппл», который должен «все схватить»).

Характерно в данном отношении массовое мнение о человеческих качествах российских судей: они квалифицированы и профессиональны, но бесчеловечны, бездушны, аморальны и действуют чисто формалистично в своей профессиональной роли. — «Отношение населения России к проводимой судебной реформе». Отчет о проведенном социологическом исследовании. Левада-центр, М., 2012.

² «Выскажи он мысль сколько-нибудь человеческую — его засмеют, назовут блаженным, не дадут проходу. Но он явился не с проектом о признании в человеке человеческого образа (это был бы не проект, а опасное мечтание), а с проектом о превращении человеческих голов в стенобитные машины — и нет ему хвалы, которую не считалось бы возможным наградить эту <...>, не нашей себе ограничения ни в совести, ни в знании». — *Салтыков-Щедрин М.* Дневник провинциала в Петербурге. Собр. соч. в 10 тт. т. 4. Изд-во «Правда», 1988, с. 79

низации. Смутно ощущаемые дефициты морали выражаются общественным мнением как «несправедливость» общественного устройства, как отсутствие механизмов соизмерения различных форм поведения, коммуникации между разными сегментами общества, ставших особенно значимыми после краха советской государственной планово-распределительной, административной, то есть директивно управляемой системы. Разрушилась не только экономика, но и примитивная система идентификации и гратификации социальных «винтиков» (включая, конечно, и самоидентификацию).

За попытками удержать распадающееся представление об одинаковости людей (этнической, культурной, гражданской, сексуальной, экономической, политической), принимающими вид неотрадиционализма, стоят интересы сохранения иерархического порядка, то есть стремление удержать власть теми, кто ее уже получил, и дать режиму господства обновленное идеологическое оправдание.

Однако некоторый парадокс нынешней ситуации в России заключается в том, что пока не приходится говорить о какой-то реальной политической борьбе за эту власть. Все усилия режима направлены на поддержание состояния бесконтрольности власти, а не собственно политической конфронтации или конкуренции оформленных общественных партий, движений, социальных сил. Судьба действующего авторитарного режима, обозначенного именем В. Путина, зависит не от появления и активности оппонентов, а от ослабления внутренних сил социального сцепления, эрозии социального порядка, отказа власти в доверии или легитимности, проявляющегося как внезапное рассыпание системы, как это бывает с песочными фигурами и замками на пляже, когда они полностью высыхают. Такова особенность «вертикально построенных» социальных систем (то есть таких, порядок которых определен и легитимизирован апелляцией к прошлому, в отличие от «горизонтальных» социальных структур, основанных на обмене ресурсами, представительстве интересов, а значит — характеризующихся специализацией функций и интенцией на структурно-функциональную дифференциацию)³. Для понимания социокультурной структуры российского общества

³ *Левада Ю.* Заметки о «проблеме поколений» // Ю. Левада. Ищем человека, с. 46.

эти следы архаического мышления более важны, чем содержание тех или иных политических программ и заявлений ведущих политиков и партий.

Бескачественность массы принципиальна в данном отношении, поскольку она не естественное состояние, а продукт, результат определенной организации советского и постсоветского социума, точнее — авторитарной власти, принципиально лишенной контроля со стороны общества. Этот эффект можно назвать следствием постоянно и систематически воспроизводимого обесценивания человека¹. Ресурс власти — аморализм как специфический социальный эффект господства. Аморализм (цинизм) — не просто механизм понижения ценностей, а установка на систематическое упрощение представлений о природе человека. Когда авторитарная власть в целях стерилизации общественного протеста (рождаемого из потребности многообразия и моральной определенности) принимает на вооружение политические технологии дискредитации и дисквалификации оппонентов, руководствуясь тактикой «опускания» общества, поддержания его в состоянии отказа от будущего, бескрылости, деидеализации, то неконтролируемым следствием этого в недолгом времени оказывается тотальное равнодушие общества к «общим проблемам» и аккумуляция диффузной агрессии и злобы, ни на кого конкретно не направленной.

Нынешняя деятельность Госдумы «по защите традиционных ценностей» (какими бы интересами не были мотивированы действия депутатов) представляет собой усилия по подавлению универсалистского сознания. Новый идеологический курс Путина, к реализации которого приступили недавно избранные депутаты ГД, направлен на ослабление секулярной этики, всеобщего естественного, но формального права, рационалистической культуры просвещения, науки, открытого общества и возвращение к социально-антропологическому партикуляризму. Трудно сказать, чего больше в таких установках Думы — цинической игры и популистской манипуляции массовыми предрассудками или же — уродливых, варварских «искренних» убеждений. В социологическом плане такой вопрос несущественен или даже неправилен, поскольку речь идет о силе

¹ Власть, по выражению главного редактора «Сноба» Николая Ускова, «относится к людям как к мусору» (из телевизионной передачи «Право голоса»).

коллективных представлений, а не об «искренности» и «правде». В любом случае следует признать, что такая политика — результат негативного отбора депутатов с доминантой социального партикуляризма или депутатов, ориентирующихся на подобные взгляды массовых низовых слоев. Универсалистские взгляды и системы регуляции расширяют число и пространство возможных социальных взаимодействий, в то время как партикуляризм, напротив, стремится к ограничению возможных взаимодействий.

6. Насилие как «культура» (смысловые функции насилия). Обратная сторона «героического варварства»

Мораль не является высшим проявлением человеческого духа, таким как религиозные прорывы, поэтическое смыслообразование или научное познание. Она, по своей сути, консервативна и, как и культура в целом, занимает промежуточное положение между рутинной серой повседневности и «звездным небом». Но именно этот уровень человеческого существования является единственно адекватным измерителем цивилизационной развитости обществ, отношений людей друг к другу. Наука, технологии или откровения религиозных виртуозов, литература, музыка и живопись могут служить показателем развитости отдельных, *специализированных* общественных сфер. Мораль же, точнее — степень ограничения, контроля и управления насилием, характеризует именно состояние цивилизованности, то есть обычное, неспециализированное (нецелевое, неинструментальное) взаимодействие между людьми. Сообщества, где социальный порядок держится на иерархии насилия (праве сильного), справедливо именуют «варварскими» или «героическими», но далекими от параметров современного социального и правового государства. Варварские системы отношений (образцы примитивного управления, авторитарная система государства) ограничивают потенциал развития страны, парализуют возможности специализации, усложнения системы общественных отношений, структурно-функциональной дифференциации социальной системы. В этом случае образцы насилия помещены в центр социальной системы, в символическое средоточие представлений об общественном устройстве.

Принимая во внимание условия существования в современной России, приходится

констатировать, что здесь социальный порядок определяется институционализируемым варварством, где базовые институты представляют собой именно структуры внеправового принуждения, подчинения населения группам, узурпировавшим и монополизировавшим ресурсы насилия. Такая ситуация не случайна, она следствие процессов разложения тоталитарных институтов, в результате чего функциональная роль насилия, лишившегося идеологического обоснования или оправдания, выходит на первый план организации социальной жизни. Функция насилия как культуры заключается в обосновании и сохранении таких диффузных представлений, напрямую не связанных с принуждением или репрессиями, которые обосновывают значимость практик дисквалификации частного существования, подавления автономных от власти структур, особенно обладающих потенциалом воспроизводства, передачи образцов. Нерасторжимая связь коллективных ценностей с насилием апроприируется и монополизирована властью, которая назначает себя хранителем и защитником интересов всего национального целого. Ими (символическими представлениями этого рода) могут быть любые смыслы, утверждающие культ силы и необходимость социальной мобилизации (великая держава, национализм, милитаризм, пафос героизма и коллективного самопожертвования) или традиционалистское превосходство коллектива над личностью, социального целого (группы, сообщества) над частным или отдельным существованием (нации, государства над группой или отдельным человеком), как это сегодня утверждает РПЦ. Важно, что подобные образцы насилия, помещенные в центр социальной системы, в символическое средоточие представлений об общественном устройстве, тем более регулирующие характер социального воспроизводства (систему образования), навязываемые обществу, подавляют или стерилизуют саму возможность возникновения идеи культуры (как возвышения, облагораживания, рафинирования индивидуальной или коллективной жизни), равно как и морали (поскольку здесь не невозможен феномен субъективной «совести», но может быть что-то вроде «долга», обычая, табу). Варварские системы отношений (образцы примитивного управления, автократическая система государства) ограничивают потенциал развития страны, парализуя возможности специализации, усложнения системы обществен-

ных отношений, структурно-функциональной дифференциации социальной системы.

То, что лишено оправдания насилие, воспринимаемое как человеческая грубость, неразвитость, «хамство» («низость»), выдвигается в качестве высших образцов общественной структуры, стиля поведения национальных лидеров, паттернов социетальных структур¹, явление – совершенно не случайное. Это не результат субъективного произвола диктатора, а закономерное выражение оборотной стороны «героического варварства». Идентификация населения с этими символическими комплексами представлений (с «великой державой», обладающей всеми неперенными атрибутами: ракетно-ядерной мощью, массовой призывной армией, силовой политикой на подконтрольном пространстве) позволяет властям обеспечить легитимацию собственного произвола, а также эксплуатировать производные от этого страхи населения, его потребность в безопасности, защищенности, спокойствии. Тем самым происходит переключение, канализация страхов в ресурсы массовой поддержки власти: невольное принятие в роли руководителей великой страны номенклатурных фигур, исходно не избираемых, а кооптируемых во власть, и лишь затем превращаемых в «политических лидеров». Это делает невозможным какой-либо контроль за ними, снимаются требования ответственности за то, каким образом режим будет распоряжаться ресурсом легитимного доверия. Понимание, что власть пускает этот ресурс исключительно на собственные нужды – материального самообеспечения или обогащения, не меняет хронического чувства массовой незащищенности и уязвимости, с одной стороны, неизбежности подчинения, с другой.

Подавляя социальную дифференциацию и тем самым все прочие социальные структуры (представительства, выражения интересов и потребностей различных групп населения), власть подавляет или стерилизует возможности автономизации подобных групп, защищающих собственные интересы и интересы таких же как

¹ На вопрос: «Что вызывает у Вас чувство стыда и напряжения, когда Вы обращаетесь к российской истории XX века?», задаваемый в рамках программы «Советский человек», от 78% опрошенных (1989 г.) до 69% (в 2008 г., наиболее благополучном, докризисном времени современной России) заявили, «великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности», на втором месте ответы «Грубость нравов, неуважение людей друг к другу» (за те же 20 лет в среднем около 50% опрошенных, здесь колебания в ответах минимальны и лежат в пределах допустимой стандартной статистической ошибки).

они, то есть само право, идею самодостаточности индивида, группы, общности, их право на автономию. Взамен этого власть всячески пытается поддерживать и подпитывать надежды населения относительно своих благих намерений. Массовые иллюзии такого рода тем устойчивее, что они не могут быть критически осмысленными, рационализируемыми (хотя, как мы видели ранее, скептицизм остается, но он существует как бы параллельно надеждам). В итоге интересы и потребности частной жизни никак не могут быть артикулируемы и представлены в публичном поле, что, собственно, и парализует потенциал и средства консолидации общества, общественного взаимодействия. Так возникает не только ложь перехвата, но и пространство взаимного обмана и лукавства. В свою очередь, такого рода игра является не только компенсацией дефицита социальности, но и ресурсом уверенности властей в устойчивой и апатичной покорности населения. Авторитарный режим (в отличие от тоталитарного) не нуждается в идеологической индоктринации населения, «идейности», искренней «веры» подданных в обещания руководства, ему достаточно демонстрации лояльности или отсутствие признаков явного сопротивления власти.

Приспосабливаясь к действиям тех, у кого власть (средства капиллярного повседневного принуждения), общество вынуждено принимать и требования систематического упрощения правил социального поведения, подчиняться им, отказываясь от ориентации на более сложные и рационализированные образцы деятельности, обеспечивающие, хотя и отложенный, но более сильный в конечном счете гратификационный эффект и результаты. Насилие девальвирует ценности и новые представления, постоянно возникающие в общественных средах, где концентрируется и ферментируется культурное многообразие (мыслимое только при условии ограничения грубого насилия). Многообразие не может возникать и, тем более, воспроизводиться в условиях, грубо говоря, всероссийской кущевки. Поэтому состояние массовой апатии, присущее репрессивным (авторитарным и тоталитарным) режимам, равнодушия, бесчувственности к окружающим суть не «естественные» или традиционные характеристики населения, а производные системы принуждения, подавления солидарности, установок на сотрудничество, милосердия, эмпатию, готовности к благотворительности и сознания своей ответственности за происходящее в обществе. В этом

плане советская система, как и наследовавший ее базовые характеристики путинизм лишь значительно усилили то, что уже существовало в дореволюционной России (и многократно описывалось в русской литературе в тех или иных человеческих характерах). В обществах-государствах (где в силу центральной роли насилия невозможно отделить структуры государства от структур общества) мы имеем дело с возгонкой человеческой низости, выталкиванием ее наверх, в структуры государственного управления или в состав властных кланов и последующей ее сублимацией в виде государственной идеологии авторитаризма. Культивируемое насилие (рационализируемое и технологизированное принуждение) оказывается зеркальным подобием культуры (антикультурой), но с обратным эффектом: его функция – понижение социальной и антропологической сложности, ослабление разницы потенциалов между элитой и массой, напряженности духовной (поисковой) жизни.

Насилие редко бывает гипостазировано на уровне общества в целом в виде четко артикулированных структур – идеологии насилия. Гораздо чаще оно, как и речь (или культура), реализуется в неформализованных и неформализуемых практиках институтов управления, принуждения, поддержания социального порядка¹. Чаще всего явления и функции насилия (как символического поведения) описываются и изучаются в контекстах молодежной или криминальной субкультуры, конституирования ролевой и групповой идентичности в ситуациях военных или этнических конфликтов, фрустрированных гендерных отношений. Но нас в данном случае интересует прежде всего капиллярное, диффузное, слабо отмеченное или даже само собой разумеющееся насилие как среда или атмосфера репрессивного государства и общества. В этом случае насилие или принуждение – это всегда «темная материя» социума, его «бессознательное», закрытое от рационализации не только специальными стараниями властей, но и потому, что здесь не работают позитивные стимулы и мотивы поведения инди-

¹ Trotha von, Tr. Zur Soziologie der Gewalt // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 37, 1997, S. 9-56; Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001; Волков В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., ГУ-ВШЭ, 2005; Волков В. В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, Т. 2., № 3; Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002, Т. 5., № 1, с. 151-160.

видов, предполагающие открытый, публично социальный характер гратификации. В отличие от практики насилия, позитивная мотивация поведения всегда ориентируется на общественно значимые формы признания и одобрения, артикулируемое подтверждение «правильности» социального поведения.

Возможности разворачивания этой тематики применительно к России связаны не только с анализом открытых или латентных форм насилия (стиля поведения в молодежных бандах или практик теневой экономики, коррупции, «силового предпринимательства»), но и выявления функций насилия как «культуры», то есть тех смыслов, которыми конституируются социальные взаимодействия, предполагающие принуждение, и их институционализация, а именно: силы и приоритетности значений *коллективного целого и в их неразрывном единстве с насилием*, с культивированием насилия (это уже названные выше ценности героизма/подвига, патриотизма, доблести, самопожертвования ради великой державы и т.п.). Признание этих символических благ и образов означает одновременную дисквалификацию частного индивидуального существования, стерилизацию значимости автономных от власти структур, особенно – воспроизводящихся (или обладающих потенциалом воспроизводства). Мораль в России потому и не возникает как массовая система регуляции, что не возникает идея «общего блага», и соответственно, подавляется сама социальная возможность символической инстанции, перед которой индивид должен (а значит – и может) отвечать, внутренне чувствуя свою связь и ответственность перед неопределенно большим коллективом или общностью себе подобных (совесть, интернализированный социальный контроль группы или даже института, например, научной совести). Как показывают данные опросов, люди в России ощущают ответственность только перед самым узким кругом близких: членами семьи, друзьями, в меньшей степени – коллегами. Возникновению моральных представлений препятствует присвоенное властью представление о национальном целом, которое (целое) якобы подлежит защите и монопольному представительству исключительно тоталитарной или авторитарной властью.

Подобная двойная идентификация – свой круг частных интересов и забот о собственном благе и благе ближних, забот выживания (продолжения существования) и план интересов

власти, с которой время от времени ситуативно идентифицирует себя индивид, – задает постоянную «игру» с рамками действия и смену перспектив, в которых происходит определение себя и других действующих лиц, оценки ситуации действия. Но – и это следует учитывать – каждый раз такая «реципроцитность» включает логику ситуативного «исключения» себя или других (власти) из соответствующих систем правил, нормативных кодексов ролевого поведения. Частный человек с его проблемами существования исключает (в российском контексте) понятие политического участия, допуская в некоторых случаях лишь связанное с ним понятие поведения «подданного», государственно зависимого обывателя. И наоборот, политическая ангажированность и гражданская ответственность в нашем случае означает другую перспективу самоопределения, в которой на первый план выходят такие понятия, как чувство личной ответственности за положение дел в обществе, в стране, альтруизм и справедливость¹.

Логика исключения, обособления, эксклюзивности, по своей функции аналогична логике установления «чрезвычайного положения» (К. Шмитт²), означающей, что общепринятые правила игры (законы, конституция, обычное право) отменены или объявлены незначимыми в особой, объявленной «чрезвычайной» (мобилизационной, военной, бедствий) ситуации, силой авторитета, превосходящей авторитет действующего права и норм социального порядка («...война все спешет»). В таких случаях установление чрезвычайного положения равнозначно объявлению полного и безоговорочного суверенитета инстанции, вводящей этот режим. Со своей стороны, подчинение этому режиму чрезвычайности или эксклюзивности равнозначно условиям принятия произвола

¹ Левада Ю.: «Наш» вариант – это безальтернативные медиа, это люди, не привыкшие фильтровать и оценивать приходящую информацию. А главное же – изолированный человек, инкапсулированный в своем мире, не принимает гражданской ответственности за «происходящее в стране» и не только не готов, но и сам не испытывает склонности к гражданскому, коллективно-ответственному действию. Это прямое наследие советского, тоталитарного периода, которое как будто сохранилось в «первозданном» виде – за одним правда исключением: рассеялся, и, видимо, безвозвратно, тот универсальный страх, который допускал лишь один вид коллективного поведения – коллективное заложничество (если «все» считаются ответственными за «одного», это означает, что «все» принуждены, вынуждены и заранее готовы ради собственного спасения этого «одного» выдать и растоптать...). Сегодня, кажется, *такой* страх снят» // Левада Ю. Ищем человека, с. 367.

² Шмитт К. Политическая теология. М., Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000, с. 15-29.

власти, признания силы избирательного правоприменения, тихого согласия на терпение (или отсутствие сопротивления) насилию, все равно будет ли это практикой «социалистической законности» или «басманным правосудием»¹. В любом случае это означает действия, поведение в условиях правового и морального партикуляризма. Последний не эквивалентен явлениям ценностного релятивизма (по генезису и по функциям), хотя может восприниматься как близкое или родственное ему явление².

Сознательное самоисключение из определенного круга ответственности моральных

¹ «Нельзя объяснить подобные ситуации [монолитного единомыслия] просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт свидетельствуют о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего единодушия – единогласия – единомыслия. Стремление «быть как все», более того, готовность упиваться собственным «растворением» в массе – распространенная разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений режима. В подобном пароксизме восторженного самоуничтожения не столь важно, на кого переносится ответственность – непосредственно на «всех» («действуй как все»), на непогрешимого харизматического лидера («Фюрер думает за тебя») или на некую идеологическую, религиозную структуру. Такого рода «растворенная» сопричастность создает сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя какую-то собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный – не только по приказу – коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безопасности. Поэтому столь зачаточный, искусственно созданный плюрализм с такой легкостью уступает новому единомыслию. Особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряженности». – *Левада Ю.* Общественное мнение у горизонта столетий // *Ищем человека*, с. 21.

² Релятивизм характерен для сравнительно развитого общества и индивидуального сознания. Он возникает как реакция на эрозию уже имеющегося универсализма права, морали в уже модернизированном, массовом обществе со сложившимися формальными институтами (рыночной экономики, представительной демократии, правового государства). Ценностный релятивизм – это реакция на выявляемые противоречия и процессы, идущие в современном обществе, предпосылка специфического западного цинизма. Моральный и правовой партикуляризм – явление принципиально другого рода, другого происхождения. Его нельзя рассматривать как производное от процессов модернизации. Это амальгама (или агрегат) архаических и современных образований и представлений, не подлежащих рационализации и генерализации, это «механическое» (в дюргеймовском смысле) сочетание не сливающихся друг с другом, разнородных социальных нормативных систем, не подлежащих проработке в силу подавления подобных возможностей репрессивной властью. Российский цинизм в этом смысле отличается от западного, порожденного модернизационным проживанием наследия Просвещения. Это последнее соображение принадлежит японскому исследователю проблемы национальной специфики цинизма Кёхэй Норимацу, сделанное им в частной беседе с автором.

императивов и норм под действием произвола власти или внешнего принуждения социального окружения, опосредующего давление институтов господства (что может быть описано как «терпение» или как средовой «конформизм») указывает на своеобразную структуру личности – тип «советского человека». С точки зрения современной культуры, культуры современного общества – этот тип приспособления должен был бы называться «моральным разрушением» личности, утратой ее целостности, но с точки зрения индивидуальной выживаемости в условиях террора или более умеренного, но все же репрессивного государства, каким сегодня является путинский режим, – ее следовало бы называть «пластичностью», «прагматизмом» или «реализмом беспринципности»³.

Алгоритм поведения и определения ситуации строится на двойственности самоотчетственности: «я – вынужден так поступать, поскольку меня к этому принудили» (какие-то другие или в характерно анонимной форме: «обстоятельства сложились так, что я/NN был вынужден»), «так делают все», «иначе нельзя», «я только выполнял приказ» и проч.⁴ Если рассматривать это обстоятельство в долгосрочной перспективе, оценивать социальные последствия «морального партикуляризма» (с логической точки зрения это – оксюморон, с социологической – действенная тактика приспособления к произволу, к репрессивному государству и обществу, механизм снижающей

³ Черты или свойства этого типа описаны во множестве литературных или кинопроизведениях, авторская оценка его может простирается от безоговорочной симпатии (Иван Денисович) до частичного или полного осуждения («Афоня», Служкин в недавнем романе А. Иванова «Географ глобус пропил»), что не меняет структуры самого типа.

⁴ «Люди, для которых центральной задачей будет – уберечь себя. И если есть беда, и с кем-то плохо, то что делают люди? Утешаются, что не со мной. Или, как у Галича было, стучат, но пока в другую дверь. Не к нам – к олигархам или к каким-то горячим головам. А мы пока живем – чай пьем, еще что-нибудь. ... Потому, что боятся, как бы не съели. Неосновательно бояться – такой стиль. К сожалению, это тот стиль жизни, с которым нам приходится сталкиваться. ... Пока продолжается это, организация серьезная нам не светит». – *Левада Ю.* Что может и чего не может социология. Лекция на «Полит.ру» в Билингве 16.12.2004. – <http://www.polit.ru/article/2005/01/04/levada/>. «Советское общество плодило не коллективность, а что-то вроде всеобщего заложничества, где каждый отвечал за другого в смысле: вынужден был страдать за другого, а не как-то помогать ему». – Там же; «Человек не просто беспомощно терпеливый, что мы видим по многим данным и в реальной жизни. ... Человек наш лукавый, он думает, что он терпит, и его не тронут. Что кого-то разорят, а его – нет. Что он послушается и терпит повышение цен, но сумеет получить зарплату, с которой налогов не заплатит, и покроет это повышение. Эта черта является одной из самых прочных». – *Лекция на «Полит.ру» в Билингве, 15 апреля 2004* – <http://www.polit.ru/article/2004/05/15/levada/>.

адаптации), то практика социализации к капиллярному и всеобъемлющему насилию превращается в своеобразную «культуру насилия», проявления которой уже непосредственно не связаны с институтами власти и господства. Эпифеномены культуры насилия могут быть самыми разнообразными: от внутрисемейной агрессии и грубости нравов до демонстрации силы на улице, на ТВ, в символическом проезде кортежей президента, парализующего уличное движение, машин высоких чиновников с мигалками, пытках в полиции, карательном судопроизводстве, дедовщине в армии, кушечках и т.п. явлениях диффузного насилия.

Хроническое насилие, воспроизводимое на протяжении десятилетий, стерилизует умственный потенциал наиболее образованных и специализированных групп, лишая их доверия к самим себе, а соответственно, и признания их деятельности в обществе, тем самым — систематически подавляя интеллектуальные способности всего общества¹. Этот процесс может быть назван постоянной деинтеллектуализацией общества в целом, стерилизацией его ценностных оснований, на которых только и могут быть формируемы универсалистские институты современности. Прежде всего разрушается сама возможность формирования и кристаллизации этических оснований человеческого поведения, как собственного, так и ожидания его у других. Как следствие этого — *деморализация населения*, подавление способности населения к какой-либо нравственной оценке действий властей, расчеловечивание (или опредмечивание, «натурализация») политической системы, восприятие систем господства как бесчеловечной и часто — иррациональной, стихийной и неуправляемой силы, не доступной контролю обычных людей. Такое сознание обнаруживается прежде всего в безличном именовании власти, произвола как «они» (снимаемой противопоставлением «им» — «личности», номинативной персоны правителя). Благодаря этому природа власти (источники ее легитимности и изменения) вытесняются из сферы общественного мнения, подобные вопросы не обсуждаются; разговоры такого рода почти неприличны, неформальные конвенции запрещают разговоры на эти темы как бестактные. Возможность обсужде-

¹ «...Мы живем в обществе, которое поедает свои элиты и норвит их растворить, лишая смысла и слово «элиты», и слово «интеллигенция», например, а других способов увидеть цели, увидеть смыслы — нету. Вот причина многих коллизий, с которыми мы сталкиваемся сегодня, завтра». — Ю. Левада, там же.

ния власти фактически табуируется массовым сознанием. В итоге не только сами практики подавления оказываются слабо рационализируемыми, но и восприятие власти оказывается окрашенным идущими из коллективного под-сознания нуминозными установками (стертой священности традиционалистской, то есть не основанной на конкуренции и достижениях, социальной иерархии), социально девальвирующими подданных.

Такое отношение к политической системе господства старательно поддерживается путинским режимом, подпираемое насаждаемыми через ТВ квазифундаментализмом, православием, демагогической защитой «национальных ценностей»². Нейтрализации и вытеснению из сферы публичности подлежит все то, что могло бы потенциально побудить людей к более высокому уровню идеального, появлению ценностей как универсалистских регуляторов высшего уровня (альтруизма, чувства собственного достоинства, чести, немыслимой без сознания самодостаточности и автономности своего существования, то есть независимости от власти), а соответственно, к сознанию своих — *неотчуждаемых, то есть «естественных»*, прав. Как раз именно вопросы «прав человека» в России воспринимаются как нечто «неестественное», искусственное, привнесенное откуда-то извне, например, с «Запада». Напротив, обязательства перед властями, повинности оказываются предметом постоянной критической, публичной и негативной оценки, что мотивирует людей на уклонение от них.

Разлагающее воздействие власти возникает из того, что те, кто занимает высшие позиции в государстве, те, кто обладает суверенным правом на насилие, на властный авторитет, априорно отождествляются в массовом сознании с держателями высших ценностей общества («родины», «народа», «России» и т.п.) — в силу древнего механизма приписывания высокому

² «Он [Эйхман] и вправду к концу стал яростным приверженцем успеха, по его представлениям, основного мерила «хорошего общества»... Гитлер, сказал он, «мог быть не прав во всем, но одно несомненно: этот человек оказался способным подняться от ефрейтора немецкой армии до фюрера почти восьмидесятиmillionного народа <... > Сам по себе его успех уже доказал, что я должен подчиняться этому человеку». Его совесть действительно успокоилась, когда он увидел, с каким энтузиазмом «хорошее общество» реагирует на его действия. Ему «не надо было заглушать голос совести, как было сказано в заключении суда, и не потому, что совести у него не было, а потому, что она говорила «респектабельным голосом», голосом окружающего его респектабельного общества». — *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., Европа, 2008, с. 188-189

положению всего лучшего («благородного»), что есть в людях и в обществе. Собственно, это и есть выражение архаической по своей сути вертикали власти, когда иерархически высший статус символически олицетворяет наивысшие значения целого (образ царя, первосвященника, лидера нации, вождя, президента). Здесь важен сам факт занятия высшей статусной позиции, а отнюдь не то, каким образом данный субъект занял эту позицию. Проблематизация инструментальных путей к занятию верховного положения отсутствует в политической культуре постсоветской России, или, точнее — подавляется цензурой в СМИ, в коммуникативных каналах, а также — молчанием власти в качестве ее ответа на слабое бурчание внизу. Так или иначе, общество четырежды безропотно принимало передачу высшей власти, имевшую чисто верхушечный, придворный характер, несмотря на ее крайне слабую формальную легитимность: в 1991 г., в 1999 г., в 2007 и в 2011 гг.

Навыки коллективного заложничества (псевдо-коллективизма, «колхоза», «соборности»), разрушают общее представление об императивах обязательного поведения, основанного на общем чувстве должного, солидарности, взаимных интересах, симпатии, самосознание «общества», непрерывно воспроизводя состояние частичной аномии и принцип вынужденного индивидуализма («спасайся сам каждый как может»)¹. В такой обстановке у людей не может возникать чувство собственного достоинства и уважения к себе, поскольку для обеспечения и закрепления таких социальных стандартов самоопределения и идентичности нет адекватных институциональных механизмов. Знаки гратификации и «достоинства» могут быть представленными и раздаваемыми исключительно высшими государственными лицами, что образует специфические государственные ритуалы («назначения в качестве элиты»), всегда в формах особой привилегии, «милости» правителя (как эквивалентного выделения и присвоения собственно знаков особости — мигалок, вертушек, собственности, избирательного иммунитета от привлечения

¹ Салтыков-Щедрин М.: «Всякий молчаливо сознавал, что самое нестерпимое реальное положение все-таки лучше, нежели какие-то «якобы права» // Дневник провинциала в Петербурге, СС, т. 4, с. 125. Тем удивительнее была атмосфера солидарности, возвышающего чувства: «мы» — это и есть «общество», проявившаяся в первых, карнавальных, демонстрациях и митингах оппозиции, как об этом говорил А. Левинсон в своем выступлении на ежегодной конференции Левада-центра 24 января 2013 г.

к юридической ответственности, акцентированного стиля изоляции от других). Они могут дополняться как бы феодальной, барской или царской раздачей «чудесных даров» бедным: часов, машин, платьев, зданий для благотворительных учреждений, как это делают Кадыров или Путин. Кроме них, больше себе такого никто позволить не может (не вызывая вопросов о нарушении закона, это привилегия суверенов или тиранов, но не формы нормальной политической деятельности).

Аморализм работает на упрощение, примитивизацию представлений о человеке и социальной системе, обществе как таковом, подавляя потенциал идеализма, стремления к высшему, общему благу. Это и есть «простота советского человека» — состояние ценностной стерилизованности, или другими словами, единство в низости, в ясном понимании совмещения и близости жестов унижения, подавления или обласканности человека. Шок от этого — когнитивный, психологический — не вызывает какого-либо социального или этического сопротивления (мысли: «нет, это какой-то абсурд, это просто невозможно!» — «Возможно и даже очень»).

8. «Наглость» как политический стиль

Сенека полагал, что *«наглость — не что иное, как ложный признак величия»*. С уходом советской идеологии, массовым разочарованием в демократических реформах административный произвол лишился какого бы то обоснования или оправдания. «Скрепам» общества оказались ложь и демагогия, использующие все возможные пласты и ресурсы символических значений: имперских, коммунистических, нацистских, расистских, православных, либерально-демократических, правового государства, модернизационного рывка, социального государства и проч. и проч. Способность к свободному оперированию подобными идеологемами — главный признак, характеризующий сегодняшние публичные фигуры, опознаваемые прежде всего по этим демагогическим качествам (отделяемые таким образом от чисто технических управленцев, чиновников-технократов, чистых функционеров массового управления). Образец здесь задан Жириновским, у которого учились все сегодняшние российские лидеры. Но председатель ЛДПР не творец, а лишь импровизатор. Стиль политической шпаны, лихого демагога и политическо-

го шулера стал эмблемой политического курса нового авторитарного режима примерно с 2003 года, после закрепления путинской группировки у власти и устранения любых независимых от нее фигур (как прежних губернаторов, так и крупных новых финансовых магнатов).

Ни ложь, ни политическая демагогия не являются чем-то особенным в истории общественной жизни¹. Особенным это становится (как сегодня в России), когда достигает качества предельной обнаженности, полной выраженности пренебрежения общепринятыми нормами «приличия», о которых писал Макиавелли, точнее — демонстрации отсутствия каких-либо ограничений для них со стороны социальных институтов или общественного мнения. Лживость высших или ведущих политиков и государственных функционеров — президента, премьера, прокуроров, судей, депутатов, министров и т.п. — это демонстративный эквивалент их силы или влияния. Впечатляющей характеристикой нынешней власти оказывается ее наглость и уверенность, что так и должно быть, что ложь, осознанно и публично предьявленная политическим или партийным лидером, высокопоставленным чиновником (министром, руководителем следственного комитета или генеральным прокурором, судьей, депутатом), должна быть принята людьми безропотно только потому, что это заявлено теми, у кого в руках власть, должна заставить подчиниться — не поверить, а продемонстрировать отсутствие несогласия. Эта уверенность держится на подразумеваемой всеми посылке, что воля тех, у кого власть, какую бы несусветицу и неправду они не несли, должна определять социальный порядок в стране и его определяет. На этой посылке — на праве чрезвычайности авторитарной власти (символического нарушения прежнего порядка и введения своего собственного нормативного определения реальности) и держится ее суверенитет. Это — замена идеологии и каких-либо

представлений о будущем, об «общем благе» (*res publica*), которым в других странах мотивирована деятельность бюрократии. «Длящийся вариант российского исторического выбора (в принципе все еще завершающего «наш» затянувшийся XX век) недостаточно рассматривать на фрагментарном уровне как набор событий, акций, переживаний и т.д. Но и какой-то внутренней (да и декларативной) сверхзадачи, по постановке и реализации которой этот отрезок можно было бы оценить, не просматривается. Главным «принципом» характерной для него политики и морали можно считать воинственную беспринципность, ориентированную на краткосрочный практический успех, даже на эффект (впечатление в глазах высшего начальства) в любой области и любой «ценой» достигаемый. Поэтому определяющим признаком этого времени и его фигурантов служит преимущественно, если не исключительно, стиль их деятельности. Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать прежде всего характерные способы связи целевых установок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других. Наиболее очевидны в данной ситуации такие его компоненты, как сведение политики к технологии, управления — к манипуляциям. Отсюда и снижение уровня социальных, политических, региональных международных проблем до административно-технологических (включая обращение к «силовым» структурам и соответствующим приемам). Условием деятельности подобной «технологизированной» схемы оказывается предельное упрощение ее компонентов — фактическая отмена конституционного разделения властей (вертикального, горизонтального, функционального, независимости суда, массмедиа и т.д.), устранение нормативно-ценностного (морального, правового) социального контроля, подмена общезначимых норм текущими указаниями, приправленными известной долей личного произвола и пристрастий. Следствия известны — глубокий цинизм и всеохватывающая коррумпированность властных структур, разлагающие все общество»².

Особый эффект лжи нынешнего режима (высшего руководства, чиновничества, политиков) возникает из сознания полной неподсудности и невозможности привлечь этих людей к ответственности, всеобщего понимания, что

¹ Ср.: «Государю нет необходимости иметь все названные добродетели, но есть прямая необходимость выглядеть добродетельным. Дерзну сказать, что иметь эти добродетели и никогда от них не уклоняться вредно, тогда как выглядеть добродетельным — полезно. Иначе говоря, в глазах людей надо быть сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо расположиться к тому, чтобы явить и противоположные качества, если того требует необходимость. <...> В душе он должен быть готов повернуть туда, куда подует ветер фортуны и куда его увлекают события, и должен, по возможности не удаляясь от добра, при надобности — не чураться зла». — *Макиавелли Н. Государь* — В кн.: *Макиавелли. Избранное*. М., Рипол классик. 1999, с. 420-421. Эти слова написаны ровно 500 лет назад — в июле-декабре 1513 г.

² *Левада Ю. Сегодняшний выбор: уровни и рамки // Ищем человека*, с. 172 -173.

социальные институты ответственности и контроля (прокуратура, СК, правоохранительные органы, суд, низовая администрация, СМИ, чиновничество) находятся в их полном распоряжении и на страже их интересов, что суд будет защищать их от любого вида критики и привлечения к ответственности. Лучше всего это видно на примере самого российского президента, отличающегося патологической лживостью, которую он, видимо, отождествляет с силой и политическим искусством. Никто из публичных людей не осмеливается сказать, что Путин постоянно лжет, компенсируя собственное сознание неприличия подобного поведения упреждающим и шокирующим хамством, недостойным для государственного чиновника, занимающего высший пост в стране. Но в российской ситуации как раз «приличия» мало что значат в сравнении с демонстрацией силы как признака статуса, «величия» маленьких людей. Комплексы человеческой неполноценности здесь настолько очевидны (равно как и формы их вытеснения), что будто бы и не нуждаются в анализе и интерпретации, что явно не правильно с точки зрения изучения текущей политики. Но, тем не менее, о них публично не говорят, а если и говорят, то лишь ругаются, не объясняя, что и почему. А между тем, эти особенности поведения чрезвычайно важны своей знаково-стью и опознаваемостью массой: он ведет себя в этом плане «как все», что делает его понятным и объяснимым, хотя и «не своим». (Точно также ведет себя и другой диктатор – А. Лукашенко¹). Чувство безнаказанности выражается в наглом блатном шике и патологической потребности в унижении окружающих (символические формы их «опускания»), причем – всех, а не только своих противников. Этот перенос вины с самого себя на жертву своего произвола – один из характернейших признаков «плутовских фигур на вершине власти»², принятой стилистики правительственной, чиновничьей или депутатской демагогии, равно как и симптом постоянной негативной селекции человеческого материала в действующей институциональной системе власти. Массовое сознание воспринимает не отдельные обещания или программные цели, которые выдвигает режим, принципы, которые

¹ Особенности риторических приемов Путина и Лукашенко проанализированы в работе: *Моргунова А.* Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов // Вестник общественного мнения, 2010, № 1, с. 19-47.

² *Левада Ю.* «Элита» и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию?...М., МШСЭН-Интерцентр, 2001, с. 281.

провозглашает власть (они пропускаются мимо ушей, даже не в силу недоверия, сколько из-за отсутствия средств их рациональной оценки и возможности осознать последствия такой политики), а общий тон, стилистику господства, за которой угадываются, исходя из всего предшествующего опыта поколений, реальные практики управления, интересы правящей верхушки. Имитация самодержавия путинской администрацией на деле свидетельствует лишь о границах и возможностях технологического манипулирования обществом, экономикой, иностранными партнерами, что предопределяет временные рамки существования режима, характер его исторической неустойчивости³.

Особое отличное от советских времен восприятия лжи в путинской России может объясняться несколькими обстоятельствами: во-первых, в советское время границы между разными сферами жизни (номенклатуры и обывателей) были гораздо более выраженными и прочными, система привилегий втягивала разные группы людей, заставляя их участвовать в коррупционных сделках с государством и молчать, «не возникать» по мелочам, борясь за место под солнцем. Сегодня границы смазаны или стали другими, во всяком случае – система подкупов так уже не работает. Коммуникационная структура общества стала несравненно более сложной и дифференцированной, проникающей в зоны или этажи, ранее недоступные публичному вниманию, охватывающей

³ «...Носитель верховной власти, ближе всего за последние полвека подходящий к ее автократической модели, больше, чем любой из его предшественников за это время, скован собственным «технологическим» окружением и навязанным собственным положением грузом заведомо неподъемных амбиций. Отсутствие средств идеологического или традиционного прикрытия вынуждает дополнять ориентацию на «технологическую» эффективность реанимацией – точнее, всего лишь имитацией – отработанных в совершенно иных условиях (в персоналиях – от Сталина и Брежнева) моделей державного величия, непогрешимости, показной самоуверенности и столь же показного могущества власти. С удаленной наблюдательной позиции политическая сцена представляется театром масок, где исполнители главных ролей выступают в облачениях действующих лиц прошлого времени (при том, конечно, мифологизированного). Правящая административная бюрократия (от центральной администрации донизу) старается играть роль бюрократии «идеологической» (цековской, партийной), министры – роли запуганных наркомов, прокурорские чиновники разных уровней – исполнительных энкаведешников, губернаторы – обкомовских секретарей, вотчинных «хозяев», президент федерации – всесильного генсека; никто из них не раскрывает свои исторические имена (за исключением одной спецслужбы, чиновники которой – должно быть страха ради – любят прикрываться масками чрезвычайек давних лет). *Инерция стиля* никому успеха не сулит и показывает, что собственного лица и стиля которых можно было не стыдиться, очевидное бесцветное время не приобрело». – Ю. Левада. Ищем человека, с. 173

значительно большее число уровней социума. Во-вторых, система социальной стратификации существенно изменилась, она уже не носит столь жесткого номенклатурно-иерархического характера. Коррупция или политический консенсус разных элит и властных группировок предполагает демонстративные формы влияния или статуса, переход к демонстративному потреблению (включая и демонстрацию доступа к властным ресурсам — вертушки, коттеджи за заборами в охранных зонах, исключение из общих правил и т.п.). Поэтому наглая лживость оказывается не случайной: она — индикатор статуса во власти, показатель исключенности из действия общих законов. Избирательное судопроизводство обеспечивает и укрепляет такое положение дел, позволяет замять преступления самих высших чиновников или их родственников¹.

9. Парадоксы привычного насилия: стерилизация морали

Подданный, бесправный обыватель, привычно подчиненный распоряжениям всех мыслимых органов власти — от дэзов до дальних, почти абстрактных ведомств и правительства, в конечном счете, действительно принимает определение себя властью во всех контекстах, которые квалифицируются как «государственно значимые», а стало быть — «политические». Это самоидентификация (в качестве компонента неопределенного множества зависимых от власти подданных) как лишенных самостоятельной ценности, людей пассивных или лучше сказать — не имеющих признаков собственной активности, даже потенциально не расположенных к выражению собственного отношения к происходящему, а потому в социально-политическом плане — бесцветных или серых, неинтересных (не имеющих собственного, *заин-*

тересованного отношения к происходящему), незначимых самих по себе людей, есть производное двух обстоятельств.

Первое: авторитарная, бесконтрольная и потому — суверенная власть, государство, прежде всего, является основным источником смыслозадавания для населения, оно вносит доминантные смыслы в массы, конструируя для них «реальность», размечая события, интерпретируя их в нужном для себя плане (через ежедневную картинку ТВ, пропаганду, школу, выступления политических лидеров и т.п.). Никакие другие институты или социальные группы, включая и те, что претендуют на статус «элиты» — интернетовские блогеры, «публичные интеллектуалы», писатели, журналисты «независимой прессы», университетская профессура и проч. — не конкурируют с государством в этом качестве. Они слабы, зависимы, и не продуктивны, поскольку не сознают себя самодостаточными, они массовидны по своей сути (функции) и адресации своей деятельности. Они лишены *собственного достоинства* (чести) и не ощущают этого. (Обращение к российскому судье — «Ваша честь» — несет в себе сегодня неустраимо пародийный характер).

Второе: только государство обладает средствами легитимного определения и тотальной идентификации своих людей как стертого множества взаимозаменяемых социальных единиц — подданных, именуемых в наших условиях «гражданами». Подчиняясь этой унификации, обыватель принимает принудительную идентификацию себя как лишенного субъективной значимости (и чья жизнь в строгом смысле не имеет ценности, как показывает и советская, и нынешняя практика бюрократического управления). Тайное сознание, что люди в постсоветском «обществе-государстве» такие и есть, какими их считает российская власть, что им нечем обосновать себя, обеспечить свою ценность, предъявить себя как представляющих какую-либо ценность для других, является одним из условий установления авторитарного режима и механизмом принятия такого социального порядка, отношений власти и населения. Сама власть считается не то чтобы «легитимной» или «справедливой», а «естественной», то есть не имеющей истории (следов законности своего происхождения), а значит — не допускающей причинно-следственных объяснений, прагматической рационализации и инструментализации выхода из подобного положения. Поэтому социальный

¹ Если удмуртский губернатор, как об этом сообщали российские СМИ, может позволить себе, стоя на трибуне и размахивая рукой в часах, стоимостью в сотни тысяч евро, обвинять местных врачей, держащих голодовку протеста против нищенских зарплат и безудержной эксплуатации медицинских работников, называть их «отморозками», «бузящими» «на иностранные деньги», грозить им ФСБ (... «*Происходящее неправильно - и органы ФСБ должны сказать, кто стоит за этими 3 женщинами*»), то он ведет себя так, потому что он сознает себя в своем праве и роли регионального поппадур и держиморды. (<http://forum-msk.org/material/news/9887153.html>) Но в этом он ничем не отличается от действующего президента, говорящего о посаженном им Ходорковском, что у того «руки по локоть в крови», зная, что никто ему не посмеет предъявить обвинения в клевете и в давлении на суд, по крайней мере — до конца его правления.

порядок подчинения такого рода не подлежит в массовом сознании даже мысленному «изменению», он воспринимается как *необходимый* (в прямом и в переносном значениях слова: такой, которого нельзя обойти).

Соответственно, ситуация взаимодействия индивида с властью лишена посредников какого-либо рода — формально-институциональных (суда, например) или общественно-политических (партийного представительства групповых интересов). Это такая ситуация, из которой нет «законного» или общепринятого выхода. Социальный порядок в этом случае не имеет альтернатив, даже мысленных, гипотетических. В нем приходится жить, чтобы выживать, а, значит, принимать все коннотации побочных или латентных последствий его принятия («с волками жить — по волчьему выть»). Такой порядок приходится принять, терпеть или ...обойти в некоторых звеньях дефицитарных или коррупционных цепочек или сетей отношений. Поэтому стремление прикинуться *лишенными* самостоятельности, автономности, достоинства, серыми, бесцветными, бессильными, со всеми негативными определениями «без-...», «недо-», «псевдо-...», «квази-...» и проч., вполне оправданно и по своему рационально, закономерно, а главное — социально одобряемо и в свою очередь требует принуждения от других, подчинения порядку от других. Этим навыкам адаптации к насилию или освоения техники насилия научаются как и другим социальным умениям.

10. Социализация к насилию.

Конформизм и другие защитные механизмы понижающей адаптации

Знакомство с насилием и обучение, как избегать или ослабить те или иные формы принуждения начинаются с самых ранних лет. Особенности отцовского брутального или авторитарного материнского воспитания в семье — это особая тема, и для ее серьезного разбора требуется компетенция социальных психологов. Я не буду ее здесь поднимать. Но уже школа (в особенности — начальная) задает образцы как формально-институциональных практик насилия, так и неформального насилия в группах сверстников. Именно школа (особенно старшие классы) становятся местом, где советский и постсоветский человек осваивает опыт двоемыслия и адаптации к идеологическому и ведомственному принуждению, раз и навсег-

да усваивая нормы «правильного» поведения в различных формальных и неформальных социальных контекстах, равно как и различение самих контекстов поведения. Чтобы избежать пространных иллюстраций, приведу цитату из отчета одного из самых ранних совместных исследований ВЦИОМ (первого ВЦИОМ, еще «Всесоюзного», только что тогда образованного) и ВНИК «Школа» (ноябрь 1988 г.):

«С точки зрения учителей наиболее существенной отрицательной тенденцией для учителя является «снижение общего уровня культуры». 73% опрошенных отметили это как значимый фактор. Обостренная чувствительность педагога к падению уровня учительства объясняется тем, что последнее затрагивает нормативный пласт педагогической деятельности и выступает тем самым как отчетливый знак профессиональной деградации учительства. Между тем, учащиеся отмечают данное обстоятельство в три с половиной раза реже (22%). С точки зрения учеников, наиболее распространенными отрицательными моментами являются: *манипулирование учителями оценками в личных интересах* (42%), *грубость и жестокость по отношению к ученикам* (32%). <...> Это обстоятельство можно трактовать как своеобразную фиксацию со стороны учащихся тенденций агрессивного, авторитарного давления учителя. В то же время сам факт непризнания учителями распространенности этих тенденций может рассматриваться как своеобразная «защитная реакция»¹.

На распространение взяточничества среди учителей учащиеся указывали в этом опросе в три с лишним раза чаще, чем учителя: 14 и 4%, их родители — в два раза чаще — 9%, на апатию и безразличие учителей к своей работе, соответ-

¹ Собкин В. С., Левинсон А. Г., Гражданкин А. И. и др. Школа-1988. Проблемы. Противоречия. Перспективы. По материалам социологического опроса. М., 1988, с. 16. (курсив мой — ЛГ). Особенно заметные различия среди учителей и учеников исследование установило в понимании смысла школьного обучения. «Формирование человека, трезво глядящего на вещи и добывающего в жизни своего» нашло признание среди 46% учащихся, тогда как лишь менее 4% учителей назвали это значимой целью обучения». Модель — «человек, способный обеспечить свое благосостояние» — нашли привлекательной 37% учеников и лишь менее 3% учителей. В то же время образ «критически мыслящего человека, способного брать на себя ответственность» привлек внимание только 12% школьников. И, наконец, представление, что школа должна готовить патриотов, защитников Родины, оказалось значимым для 40% учителей и всего для 22% школьников. Авторы доклада, констатировали, что «прагматическая ориентация школьников принципиально отличается от целевых установок учительства» (там же, с. 24).

ственно: 29, 37 и 36%. О распространенности в ученической среде «жестокости и насилия» говорили 24% учителей, «воровства» — 10%, «фарцовки» — 5%, «вызывающем отношении к старшим» — 27%, сквернословии — 36%, «умственной отсталости» — 42%, «потребительском отношении к жизни» — 50%, «падении общей культуры» — 60%. Последующие социологические исследования лишь подтверждают эти выводы и свидетельствуют об усилении важности этих выводов исследователей.

Функциональными аналогами (суррогатами, протезами) моральных структур можно считать появление различных адаптивных форм и психологических механизмов, управляющих поведением индивида в условиях институционального насилия при авторитарном правлении. Обычно их подводят под общую шапку «конформистского» или «оппортунистического» поведения, хотя для некоторых целей, возможно, их следовало бы развести. Назову некоторые из типов «конформистского», то есть адаптивного к насилию поведения, или (в терминах левадской типологии социального действия) «игровых структур социального действия», опосредующих отношения насилия в авторитарной России:

— *Замещение фрустрирующего опыта принуждения чем-то иным, что имеет несомненную ценность:* развлечениями, интернетовскими чатами, разговорами о политике в духе пикейных жилетов и другими формами кухонного выпуска пара; возможна также смещенная деятельность, симуляции каких-то интересов — спорт, кулинария, туризм, метафизическое кудахтание (мистика, экзотерика, национализм, православие и проч., но — без «фанатизма»); самым распространенным типом компенсаторного изживания унижения и насилия следует считать самоутверждение через демонстративное потребление, замещение признания значимости индивида присваиваемыми символами статуса и образа потребления (при отсутствии свидетельств, признаков предъявленности добродетелей и ценностей, то есть без этики вознаграждения предпринимаемых усилий и заслуг)¹;

¹ Сублимация: вытеснение, подавление травмы унижения и бессилия может принимать самые разные формы — от внутрисемейной, диффузной агрессии и общественного вандализма подростков до участия в официальных общественных организациях или, напротив, волонтерстве, благотворительности и работе в НКО. Однако самым характерным механизмом изживания комплекса неполноценности, порожденного насилием, следует считать именно взлет потребительской культуры как суррогат социальной графикации. При укоренении этих механизмов мы получаем кастрацию социальной элиты.

— *Смещение значений*, или как пишет Левада, «отстранение» — «процедура отстранения приводит к позиции упования, надежды (известно, впрочем, что как раз массовые надежды оказываются самым прочным камнем социального доверия и поддержки политических авторитетов). Прямые и косвенные процедуры отстранения многообразны. Ограничение «ближнего круга» социальной жизни от «дальнего» отделяет сферу непосредственного влияния или воздействия человека, то есть того, что он способен изменить, от сферы (институтов, организаций, авторитетов), к которой он может лишь приспособиться. Или иными словами, область его «зрительского» соучастия в процессах и событиях, на которые он влиять не может. <...> Такое разделение подкрепляется принципиальным отличием информационных источников, которыми человек пользуется: в первом случае это собственный опыт, во втором — все более могущественная масскоммуникативная сеть. Замыкание человека в собственном «малом» мире — важная предпосылка, с одной стороны, его адаптации к социальной реальности, а с другой — его изоляции в кругу собственных дел и интересов (точнее, пожалуй, это такая адаптация, которая неизбежно предполагает изоляцию)²;

— *Социальная мимикрия:* игры в «послушных», в «своих», в «лояльных» или «преданных» при субъективном презрении и неуважении к власти имущим; поскольку эта практика является общераспространенной («не выпендривайся», «не выставляйся», «веди себя как все», не «подставляйся и не подставляй других»), то на социальной сцене так или иначе доминирует не просто двоемыслие, а общее посерение; нормы публичной социальности выстроены из приемов демонстрации неучастия, непричастности, своей незаметности, непригодности для использования властью, «несъедобности» (Б. Дубин); со временем эти тактики теряют признаки игры и становятся доминирующим кодом социального поведения в обществе, защищаемым с такой же силой, что и другие социальные нормы;

— *Анестезия опыта унижения и насилия:* подавление ценностей приводит к наступлению состояния массового равнодушия, бесчувственности (которому, как и любой другой социальной эмоции обучаются); поощряется проявление

² Левада Ю. «Человек обыкновенный в двух состояниях» // Ю. Левада. Ищем человека, с. 366-367.

ние моральной тупости и беспринципности, после которых в принципе становится уже невозможной человеческая эмпатия, социальное воображение, идентификация с другими, понимание точки зрения других на происходящее, сочувствие, милосердие (они не умеют их проявлять); в итоге — происходит подавление чувства справедливости;

— **Перенос (испытанной) агрессии на других:** интенсификация собственных страхов и комплексов, трансформация унижения в механизм переноса агрессии на других, приписывания другим тех агрессивных мотиваций и стремлений, которые были направлены на самого индивида; неконтролируемый трансферт такого рода — причина роста ксенофобии, «немотивированной жестокости»; равно как и схема для объяснения действительности;

— **Изменение системы приоритетов, ценностей:** унижение меняет соотношение значений человеческой деятельности, их ценностный статус. Есть пороговые значения, которые изменяют структуру личности (сильное унижение не проходит бесследно, оно радикально меняет всю систему ценностей или ведет к ценностному нигилизму, цинизму, агрессии против других, особенно слабых). В случае, когда нигилизм подкрепляется властью и специфическими для нее привилегиями и распределением благ, то он приобретает мстительный и трансверсивный характер в отношении любых символических держателей ценностей, альтруизма, высокой культуры, идеализма. — См. массовую реакцию на приговор Пусси-Райот, дело Ходорковского, отношение к судебному процессу по «Болотному делу» и другим, задержанным в ходе демонстраций протеста («Стратегии-31» и др.);

— **Трансферт заложничества:** фрустрация коллективного заложничества и систематическое подавление самостоятельности оборачивается не возмущением против стороны насилия, а, напротив, подавленной агрессией против тех, кто выступает с протестом против насилия, против оппозиции, ведет к неприятию самой мысли о возможности участия в политике, в коллективных выступлениях против власти, бессознательным раздражением против самой политической тематики и дискуссий о ней, что собственно и может рассматриваться в качестве симптоматики личностной несостоятельности;

— **Рессантимент:** описанные М. Шелером аффекты социальной ярости и возмуще-

ния против действующего порядка господства, классов и групп, представляющие собой превращенную форму социальной зависти низов, ущемленных, лишенных перспективы категорий населения; в этом случае сознание социальной несправедливости (вызванное поведением власти или приписываемой ей) может служить оправданием для собственной агрессии и аморализма, с одной стороны, и как бы «нравственным» осуждением социального порядка в целом;

— **Цинизм:** деидеализация, дегуманизация политической антропологии, лишение ее ценностных предназначений приводит к тому, что человек предстает либо а) в своем самом примитивном — «животном» — виде («хищника, бандита, асоциального элемента»), что предполагает и требует жестких мер ограничения поля возможностей и действий других, установления системы избыточных запретов, ужесточения наказания, поддерживаемых основной массой населения; либо б) в своих досовременных, архаических формах (племенных, безлично религиозных — русских, «православных» или, напротив, «чурок», «косоглазых» и т.п.); массовый цинизм начинается с признания «нормальности» или даже «приоритетности» принципов силы и принуждения в любых областях общественной или международной жизни, будь то геополитика или блатная, лагерная субкультура с ее нормами и представлениями о правилах взаимодействия с другими; здесь важно лишь, что утверждение «реальности и значимости насилия» распространяется на весь общественный порядок, уничтожая ценностное многообразие и потенциал развития общества;

— **Отказ от будущего:** сознательное принятие установки на невозможность другой жизни, кроме той, какой приходится жить, более того — настаивание на этой позиции; неверие в изменение к лучшему ведет не просто к переворачиванию идеологии «нового общества» и появлению неотрадиционализма как образа мыслей и ориентации на прошлое как источника коллективных образцов и смыслов, санкционирующей действующий социальный порядок, но и появлению ментальной техники консервативного самоограничения. Подобные установки, реализуемые в различных жизненных практиках, оборачиваются ригидностью и жестокостью в отношениях с политическими оппонентами. Общее следствие — массовое распространение уныния и пустого официозного празднословия.

Страх, вызванный возможными репрессивными действиями властей, направленными на недовольных и протестующих против ее политики, ведет не просто к пассивной покорности населения, а к появлению сильнеешего раздражения против тех, кто пытается противостоять государственному насилию и административному произволу. Лучшей тактикой по отношению к исходящим от власти опасностям будет описанная выше тактика социальной мимикрии, общая или, по крайней мере, — преобладающая в обществе готовность периодически демонстрировать, когда это требуется, лояльность властям (например, на выборах) или прикинуться незаметными, переждать, перетерпеть фазы параноидального обострения «борьбы с внутренними врагами» у властей, обосновываемые аргументами «сделать ничего нельзя». Страх этого рода оборачивается не просто привычной и общественно одобряемой покорностью (покладистостью), но и смутным, как бы «беспричинным», хроническим состоянием унижения, парализующим чувство собственного достоинства. Субъективная моральная неудовлетворенность, слабое и легко подавляемое сознание «нечистой совести», как и другие подобные им комплексы, возбужденные страхом, легко преодолеваются и рационализируются, снимаются в форме «заботы о других», о «коллективе», о «близких, которых нельзя подставлять» и т.п., но в дальнейшем, при условии их продолжительного действия или сохранения фрустрирующей ситуации, трансформируются в общее беспредметное раздражение и диффузную социальную неприязнь к окружающим, а далее — к тем, кто открыто выступает против власти, протестует против ее произвола и беззакония, кто защищает права тех, кого власть давит, обманывает и обворовывает.

Активисты протеста, публичные критики власти, публичные интеллектуалы превращаются не только в troublemaker'ов для конформистского большинства (постоянно напоминая обывателю о его собственной несостоятельности, слабости и политической коррумпированности), но и в маргиналов и публичных шутов¹. Поэтому агрессия и недоброжелательство по от-

¹ На этот эффект работает и дискредитирующая их пропаганда, журналистика (особенно здесь «продуктивны» ерничество, стеб известных телеведущих — В. Соловьева, М. Задорнова, или даже всего канала НТВ, снижающие идеализм оппозиции).

ношению к оппозиции и тем более — лидерам протеста выражены гораздо сильнее, чем открытая антипатия и презрение в отношении власти². Так складывается общая коллективная система негативного отношения к тем силам, которые выступают как носители идеальных представлений и принципов. На них вешаются ярлыки «чрезмерных» радикалов, подрывных элементов, безответственных провокаторов политических потрясений. Следствием этого трансферта агрессии и страха становится стратегия «понижающей адаптации» большей части населения, нормативность фактического, готовность принять и оправдать то, что есть на данный момент в качестве «разумности действительности». Такого рода массовые установки оказываются самым сильным фактором, определяющим блокирование изменений и устойчивость режима (подавление социально-структурной дифференциации). По существу, это — консолидация в общем сознании низости и круговой поруки, обеспечивающая «стремление к стабильности», общественный консенсус при высоком уровне недовольства и неуважении, неавторитетности в глазах общества власти как таковой. Структура такого сознания поддерживается отсутствием представления о будущем, о желаемом направлении развития страны (моделях развития), подавлением вариантов политической системы, а значит — сознанием безальтернативности настоящего. Как отмечал Ю. Левада, в качестве оптимального образца отношений государства и общества массовое сознание принимает предпоследнюю стадию разложения тоталитарного режима — брежневский период, деидеологизированный, вегетарианский конец репрессивной системы³.

² Тем более, что реальных поводов для массового недовольства бессилием оппозиции, ее риторикой, упором на символические провокации («дрознения» — по выражению Ю. Левады), а не на артикуляцию социальных требований и т.п., более чем хватает.

³ <http://www.levada.ru/22-05-2013/otnoshenie-rossiyan-k-glavam-rossiiskogo-gosudarstva-raznogo-vremeni> - «Современному обществу мнению в России стабильным представляется, прежде всего, стагнирующее состояние скрытого разложения системы, т.е. то, что задним числом окрестили как «застой». В этом нельзя усматривать простой парадокс: сегодня массовое сознание — под давлением обстоятельств и сравнений — фактически воспроизводит саму распространенную двадцать лет назад позицию самых серьезных аналитиков и критиков советского режима, как отечественных, так и зарубежных. Хронологически близкий к своему концу, этот режим представлялся всем им чуть ли не ультрастабильным». — Левада Ю. Человек ностальгический: реалии и проблемы. — В кн.: Левада Ю. Ищем человека, М., 2006, с. 292.

11. Заключение

«...И после плохого урожая надо сеять.»
Сенека И.

Подытожу все сказанное раньше. Причины стагнации или отсутствие видимого экономического развития, о котором сегодня очень много говорят экономические аналитики, а вслед за ними — политики, обычно в этих выступлениях сводятся к недостатку или оттоку капитала, плохому инвестиционному климату, низкому качеству институтов (государственного управления, коррупции, административному произволу, зависимому суду) или — у самых смелых — к «ручному управлению» экономикой и обществом. Более предметно это выражается в приводимых данных о недопустимо высоких расходах на силовые структуры (политическую полицию, спецслужбы, внутренние войска и правоохранительные органы), защищающие власть от населения, помпезных акциях по демонстрации великодержавного величия, снимающих остроту комплекса национальной неполноценности (строительство дворцов, проведение олимпиады, азиатского саммита на дальнем Востоке), суждения о содержании громадной, хотя и мало дееспособной, отсталой армии и флота и т.п., масштабах государственной коррупции, особенно — в крупнейших госкорпорациях, возглавляемых ближайшими доверенными лицами президента и т.п., и, напротив, явной недостаточной политикой инвестирования в человеческий капитал, инфраструктуру и социальную сферу. Все соображения этого рода, безусловно, верны, а неутешительные диагноз и прогнозы будущего состояния страны оправданы и заслуживают доверия. Выход из этого тупикового состояния или приближающегося кризиса видится отечественным публицистам и обозревателям в наличие «политической воли», способной дать новый толчок институциональным реформам. Такого рода эвфемизмы и обтекаемые выражения обычно отражают бесперспективность и иррационализм российской ситуации, то есть отсутствие у социальной и интеллектуальной элиты представлений о возможностях выхода из нынешнего авторитарного режима, институциональной трансформации репрессивной системы, защищаемой правящими кланами всеми доступными им легальными и нелегальными средствами. Отсюда возникает устойчивая, граничащая с идиотизмом, слепая убежденность

в том, что неизбежный грядущий социальный и экономический кризис, спровоцированный то ли падением цен на нефть, то ли бюджетным дефицитом, станет причиной последующего социального взрыва, который, как «бог из машины», снесет коррумпированную власть и «все будет хорошо».

Все хорошо не будет, поскольку при этом нет понимания глубокой укорененности режима в определенных слоях массовой культуры, национальной психологии и сознании, а значит — отсутствует понимание того, что можно изменить, а что будет воспроизводиться в силу институциональной инерции, интересов приспособления к данной системе и т.п.¹ Речь идет не только о том, что бюрократические системы крайне трудно менять без внешних воздействий (Вебер говорил о «железной скорлупе» или «панцире», клетке бюрократического господства — *eiserne Gehäuse*, определяющей тренды современного государства), но и о том, что в обществе нет в достаточной мере социальных сил, способных а) к политической самоорганизации, б) к выработке убедительной и ясной программы действий, способной мобилизовать демократический контингент для правового изменения режима.

Проблема заключается в том, что российское общество вращается в чертовом круге нерешаемых в принципе проблем: самодержавная репрессивная власть стерилизует и подавляет потенциал морального сознания у населения. Система вертикального насилия может сохраняться и воспроизводиться только одним образом: лишая всякой значимости ценности частного существования, придающего индивиду достоинство и самоуважение, а значит — уважение к таким, как он, что, в свою очередь, становится предпосылкой гражданской солидарности и интеграции общества. Дело не

¹ «Подлинная альтернатива «старой» реальности, в том числе и старой идеологии, мифологии — не гневные обличения, а переход к иной системе координат, то есть критериев, ценностей, установок и т.д. Только обретение такой системы может дать надежную точку опоры и для критического преодоления наследия прошлых эпох. Причем эту «точку» нельзя найти или открыть, ее можно лишь создать — сформировать, определить, освоить. Беда «прекрасных порывов» ранней перестройки в том, что никто не сумел сконструировать и предложить обществу какую-либо принципиально иную модель социальной системы и социального миропонимания (через 10-12 лет, когда порывы утратили смысл, уже в эпоху всеобщего разочарования, власти решились говорить о мировой общности и демократии западного типа). В значительной мере отсюда неуверенность и нескончаемые метания на всех уровнях, сверху донизу». — *Левада Ю.* Истина и «правда» в общественном мнении. //Ищем человека, с. 221.

только в практике тотального социального принуждения и унижения, сколько в том, что ядро коллективных представлений составляют значения силы и самооценности великой «державы», являющейся синонимом или псевдонимом бесконтрольной власти. Насилие в этом случае становится высокосмысловым и ценным кодом социального поведения, признаком высокого статуса и уважения. Общество, слишком долгое время «скрепляемое» пропагандой героического милитаризма, борьбы с врагами (внешними или внутренними — классовыми, национальными, сепаратистами, чуждыми «нашей культуре и традициям» и т.п.), не может не быть внутренне агрессивным, фрустрированным и консервативным, хронически отсталым. Институциональная система такого социума («общества-государства») предполагает перманентный отбор во власть и в структуры господства (= массового управления) человеческого материала с худшими с точки зрения культуры (европейской культуры просвещения, гуманизма и терпимости) характеристиками: безжалостностью и беспринципностью, лицемерием, переносом совести (интернализованного

локуса социального контроля) на вышестоящее начальство и тем самым — опустошением морали, холуйством и т.п. Поэтому политический стиль господства отличается характерной наглостью — демонстративной манерой безнравственной и неконвенциональной силы, способности быть вне общих рамок права и приличия. А это, в свою очередь, ведет к деморализации населения и глубокому нравственному пессимизму или цинизму, позволяющему такой организации власти воспроизводиться, а обществу — ее терпеть. Таким образом, человек, социализируемый к таким институциональным условиям жизни, обладающий навыками приспособления к этой власти или техникой уклонения от ее слишком жестких требований, становящихся нетерпимыми, трудно изменяем, но легко манипулируем, как писал о нем Левада.

«Если наше ремесло позволяет нам кое-что (в том числе — печальное, неприятное) видеть, и другим образом увидеть это сложнее, значит оно себя оправдывает. Поэтому, если работать серьезно и честно, то не стыдно. Хотя не всегда весело»¹.

¹ Из лекции Ю. Левады на «Полит.ру» 15 апреля 2004 г.